
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 7 (128). Т. 1. Ноябрь, 2012

Серия: **Общественные и гуманитарные науки**

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор

Э. К. Зильбер, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

И. Р. Шегельман, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

- В. Н. БОЛЬШАКОВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)
- И. П. ДУДАНОВ**
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
доктор филологических наук,
профессор (Москва)
- А. С. ИСАЕВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)
- МАРЕК ВОХОЗКА**
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)
- Н. Н. МЕЛЬНИКОВ**
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- В. П. ОРФИНСКИЙ**
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)
- ПААВО ПЕЛКОНЕН**
доктор технических наук,
профессор (Йоенсуу, Финляндия)
- И. В. РОМАНОВСКИЙ**
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
- Е. С. СЕНЯВСКАЯ**
доктор исторических наук, профессор (Москва)
- СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА**
доктор философии, профессор
(Оулу, Финляндия)
- Л. Н. ТИМОФЕЕВА**
доктор политических наук, профессор (Москва)
- А. Ф. ТИТОВ**
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
- МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ**
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (Белград, Сербия)
- Р. М. ЮСУПОВ**
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

- В. А. АЧКАСОВ**
доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)
- Т. А. БАБАКОВА**
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. Г. ВЕРИГИН**
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
- А. В. ВОЛКОВ**
кандидат философских наук (Петрозаводск)
- РИХО ГРЮНТХАЛ**
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
доктор исторических наук (Петрозаводск)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
- Т. Г. МАЛЬЧУКОВА**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- В. С. МАКСИМОВА**
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- А. М. ПАШКОВ**
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
- В. М. ПИВОЕВ**
доктор философских наук,
профессор (Петрозаводск)
- С. Н. ЧЕРНОВ**
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)
- М. И. ШУМИЛОВ**
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 7 (128). Vol. 1. November, 2012

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor

Elmira K. Zilber, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,

The RAS Corresponding Member

Il'ya R. Shegelman, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.

The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

<p style="text-align: center;">V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)</p>	<p style="text-align: center;">PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)</p>
<p style="text-align: center;">I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)</p>
<p style="text-align: center;">V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)</p>	<p style="text-align: center;">E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)</p>
<p style="text-align: center;">A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)</p>	<p style="text-align: center;">HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)</p>
<p style="text-align: center;">MAREK VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)</p>	<p style="text-align: center;">L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)</p>
<p style="text-align: center;">N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)</p>	<p style="text-align: center;">A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)</p>
<p style="text-align: center;">V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)</p>

Editorial Board of the Series
“Social Sciences & Humanities”

<p style="text-align: center;">V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)</p>	<p style="text-align: center;">A. KUNIL'SKIY
Doktor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">R. GRYŮNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)</p>	<p style="text-align: center;">A. PASHKOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Международная научно-практическая конференция «Человек в истории: героическое и обыденное»

- Барышников В. Н.*
О различных идеях создания финских эмигрантских правительств в конце Второй мировой войны . . . 7
- Сенявский А. С.*
Роль идеологии и пропаганды в формировании феномена массового героизма советских людей в период Великой Отечественной войны. 14
- Веригин С. Г.*
П. А. Судоплатов и Карелия в годы Великой Отечественной войны. 19
- Пашков А. М.*
«В стрелянии зверей упражняющихся . . .»: мобилизация приписных крестьян Олонецкой губернии в ополчение в 1812 году 25
- Мельник А. Г.*
Соловецкий монастырь как центр почитания русских святых в середине XV–XVI веках 29
- Никонов С. А.*
Промысловые артели «мурманщиков» Николо-Корельского монастыря в XVII–XVIII веках 33
- Стогов Д. И.*
Динамика численности правомонархических организаций России в Первую мировую войну. 39

ПЕДАГОГИКА

- Hrušková L.*
Влияние гендерных особенностей на изучение иностранных языков. 43
- Павлова Н. П., Целикова Е. В.*
Телереклама и ребенок. 46

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Керимов А. А.*
Эволюция парламентаризма: исторические формы и универсальные характеристики 50

ФИЛОЛОГИЯ

Международная научная конференция «Август Стриндберг – предшественник модернизма» в рамках Года А. Стриндберга в Швеции

- Абрамова О. Г.*
«Огонь сердца» А. Стриндберга и «Пожар сердца» В. Маяковского: опыт типологического сравнения 53
- Васильева С. В.*
Экзистенциальные ценности художника в творчестве М. Шелера и А. Стриндберга 56
- Шарапенкова Н. Г.*
«Драма сознания» А. Стриндберга и «мозговая игра» А. Белого. К проблеме типологических связей. 60
- Ljunggren M.*
Русский символист у Стриндберга 63
- Danilova I. L.*
А. Стриндберг – создатель «Интимного театра». Концепция «Интимного театра» и ее значение для театра в Швеции. 66

Международная конференция «Русистика в начале третьего тысячелетия: проблемы, итоги, перспективы»

- Патроева Н. В.*
Зачины с экзистенциальным глаголом ЕСТЬ в русской поэзии XVIII–XX веков: опыт грамматического и функционально-семантического описания . 68
- Дундукова А. М.*
Названия животных и растений как тропо- и фигуобразующие элементы фольклорного текста (на примере «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга) 73
- Inoue Y.*
Вид глагола и временные предлоги «в» и «на» 76
- Lönnngren T. P.*
Литературное наследие Нила Сорского: Сборник . . 79
- Кузнецова И. В.*
Адам и Ева в устойчивых сравнениях славян 83
- Кундозерова М. В.*
Большой дуб: происхождение мирового древа в карельских эпических песнях. 88

ФИЛОСОФИЯ

- Маслиева О. В., Назиров А. Э.*
Методологический анализ проблемы языковой организации научного знания 91

ЭКОНОМИКА

- Попов Е. В.*
Трансакционное представление эволюции экономических институтов 95
- Дементьев В. Е.*
Длинные волны в экономике и структура корпоративной системы. 100
- Кадникова Т. Г.*
Некоторые аспекты воспроизводства рабочей силы и человеческого капитала в рыночной экономике 105
- Мартюкова Е. Г.*
Оппортунизм в банковском секторе России: причины и последствия 110

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Чернов С. Н., Перетягко И. В.*
Перспективы развития административно-правовых отношений в сфере миграции в Российской Федерации. 114
- Суханова Т. П.*
Концептуальные основы исполнительного производства в России и Финляндии 118

Рецензии

- Килин Ю. М.*
Рец. на кн.: Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939 121

Юбилей

- К 80-летию Л. В. Суни 124

- Contents** 125

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrSU.ru/files/reg.pdf>**

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка А. В. Мацко.

Подписано в печать 12.11.2012. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 130 экз.) Изд. № 295.

Индекс 66093. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ БАРЫШНИКОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Нового и Новейшего времени исторического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
vbaryshnikov@mail.ru

О РАЗЛИЧНЫХ ИДЕЯХ СОЗДАНИЯ ФИНСКИХ ЭМИГРАНТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ В КОНЦЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

На основе финских, российских и германских источников рассматриваются вопросы создания в 1942–1944 годах альтернативных официальному руководству Финляндии новых «правительств» для этой страны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, история Финляндии, нацистская Германия

Первая идея образования альтернативного официальному финскому руководству эмигрантского правительства, как известно, возникла уже в начале Второй мировой войны. Она была связана с предположением в Москве возможности возникновения в Финляндии революции и непосредственно касалась начала так называемой «зимней войны». Главным инициатором в ее реализации выступило советское руководство, а участниками в организации и дальнейшей деятельности этого «правительства» явились левые финские эмигранты, проживавшие в СССР и мечтавшие о достижении реванша за то поражение, которое они потерпели в революции 1918 года. Созданное уже на второй день войны, 1 декабря 1939 года, на занятой советскими войсками территории Финляндии в поселке Терийоки, так называемое «правительство» О. В. Куусинена оказалось явно нежизнеспособным, чему посвящено достаточно большое количество научно-исследовательских статей [23], [24], [27], [28], [22], [35], [46], [31], [18], [19], [14], [17], [16], [15], [25], [26], [30], [34], [36], [38], [45]. Само же «правительство» исчезло фактически весьма незаметно – в момент окончания Советско-финляндской войны 1939–1940 годов. «Терийокское правительство» тем не менее стало не единственным проектом, который пытались затем реализовать в отношении Финляндии в годы Второй мировой войны. Попытки в этом отношении возникали достаточно регулярно и не были связаны с непосредственной деятельностью Советского Союза. Наименее изученной сейчас, как представляется, оказалась другая идея создания альтернативного финскому руководству правительства. Она начала разрабатываться в отношении Финляндии уже в Германии. Эта мысль в нацистском руководстве зарождалась в условиях, когда в Хельсинки стали явно охладевать к перспективам продолжения участия в войне. Безусловно, в рейхе не совсем были удовлетворены существующим особым статусом Финляндии в войне против СССР. Сло-

жившиеся тогда не до конца «отрегулированные» отношения были следствием того, что в начальный период войны в Берлине вполне доверяли финскому руководству. В Хельсинки буквально жаждали реванша за поражение в «зимней войне» и соглашались на все германские предложения, включая размещение уже с осени 1940 года на своей территории немецких войск, а также создание весной 1941 года из финнов эсэсовских подразделений. Несомненно, в 1940 – начале 1941 года нацисты действовали более осторожно в отношении своего общего сближения с Финляндией, чем этого хотели финны. Ярким этому свидетельством стало то, что летом 1940 года, как свидетельствуют германские источники, в Хельсинки даже были готовы «достигнуть договоренности... относительно их собственной территории, которая бы значительно потеряла свой суверенитет в пользу Германии» [18; 406]. Тогда в рейхе, однако, посчитали, что время для этого «еще не пришло» [18; 424]. Тем не менее провал в 1941 году плана «Барбаросса» заставил финское руководство другими глазами взглянуть на сотрудничество с Германией. Это стало отчетливо заметно уже ко второй половине 1942 года. Обещанного и ожидаемого в Финляндии штурма немецкими войсками Ленинграда не произошло. Это был серьезный урок для финского руководства, поскольку, как отмечает профессор М. Йокипии, предполагаемый здесь успех немцев для Финляндии «открывал бы существенные преимущества: все ее подразделения на Карельском перешейке и, возможно, частично войска на Олонекском перешейке освобождались, а военные действия переносились в южном направлении все дальше» от территории самой Финляндии [33; 490]. Но этого не случилось. В результате то, что реально еще могло цементировать финско-германское сотрудничество, начало рушиться.

Тенденции к изменению отношений финского руководства к дальнейшему ведению войны не могли не заметить в Берлине. Поэтому в ноябре 1942 года стал разрабатываться вариант созда-

ния альтернативного финскому правительству другого руководства. Эту задачу стали решать службы немецкой разведки и контрразведки, которые находились на территории Финляндии. Показательным стало то, что о возникших тогда разработках достаточно быстро узнали в финских военных кругах. По данному поводу получили информацию в ставке Маннергейма. Как отметил в своих воспоминаниях офицер этой ставки К. Лехмус, «немцы планировали образование дружественного нацистам марионеточного финского правительства» [14; 115]. Стало известно, что это «правительство» предполагали разместить в столице Лапландии в городе Рованиеми и во главе него планировали назначить финского генерала Х. Сийласвуо. Очевидно, что успех этой операции в рейхе связывался с тем, что у немецкой разведки в Финляндии «имелись многочисленные финские помощники, которые были известными должностными лицами» страны [14; 115]. Место же расположения нового «правительства» тоже было понятным, поскольку в Рованиеми непосредственно размещались немецкие войска. Однако этот заговор был быстро раскрыт спецслужбами Финляндии. О нем был заблаговременно проинформирован К. Г. Маннергейм, который срочно пригласил Х. Сийласвуо к себе. В ходе прошедших разбирательств выяснилось, что Х. Сийласвуо «был совершенно не осведомлен обо всем этом деле» [14; 116]. Тем не менее его решили перевести в Хельсинки и назначили на маловлиятельный пост «генерала-инспектора». Так первая попытка рейха оказалась неудачной. Но идеи об образовании эмигрантских правительств на этом не закончились. Когда в Германии возникли замыслы отстранения финского правительства, в самой Финляндии также стало усиливаться мнение, что официальная политическая линия, которую проводила Финляндия в 1920-е – первой половине 1940-х годов, явно потерпела очевидную неудачу и «Германия проиграет войну», а «потому Финляндии нужно из нее выйти» [29; 49]. Один из известных политических и государственных деятелей страны, председатель комиссии парламента по иностранным делам В. Войонмаа в январе 1943 года обратил тогда на это внимание: «Здесь есть широкие круги, которые недовольны Рюти (президент Финляндии. – В. Б). <...> Постоянные разговоры об уничтожении большевизма и разгроме Советского Союза не считаются очень уж популярными» [1; 108]. Действительно, в близких к правительству слоях финского общества в это время все отчетливее начал ставиться вопрос о необходимости окончания войны. Объективно тогда уже стала оформляться соответствующая политическая оппозиция к руководству страны и нарастали требования выхода Финляндии из войны. Само же это политическое течение получило в финской историографии довольно выразительное наименование – «мирная оппозиция».

Показательным, однако, было то, что появление некой объединенной влиятельной оппозиционной группы вначале в финском правительстве даже не заметили. По поводу возникновения «мирной оппозиции» входивший в высшее руководство страны председатель социал-демократической партии В. Таннер вынужден был признать: «Об этом стало известно позднее...» [11; 104].

Для того чтобы на факт образования «мирной оппозиции» обратили внимание, требовалось осуществление ею конкретной деятельности. С ней «оппозиция» тогда и начала связывать большие надежды, рассчитывая этим даже получить поддержку влиятельных кругов «демократического» Запада. Со своей стороны дипломаты США, которые тогда работали в Хельсинки, тоже быстро это почувствовали. Как констатировал в начале февраля 1943 года американский временный поверенный Роберт Макклиток, в Финляндии из представителей различных партий образуется «активная и сильная группа, которая стремится покончить» с войной (цит. по: [42; 198]).

В этих условиях «мирная оппозиция» решила пойти на соответствующие консультации с американскими дипломатами, показав тем самым, что в Финляндии уже существуют серьезные политические силы, которые проявляют стремление отмежеваться от прежнего внешнеполитического курса страны. Весной 1943 года представители «мирной оппозиции» регулярно начали посещать американское представительство в Хельсинки. Более того, Макклитоку даже было вручено специальное обращение, в котором отмечалось, что «мирная оппозиция» стремится прежде всего к упрочению в Финляндии «внутренней демократии», а в процессе «возвращения к миру» главным видит «сотрудничество с демократическими странами». Весьма важным являлось также заявление, что «оппозиция станет без устали добиваться прихода такого правительства, которое будет стремиться к установлению хороших отношений со всеми соседними странами и следовать устройству мира на основе Атлантической хартии» (цит. по: [48; 110]). Естественно, подобные обращения принимались американцами вполне благожелательно, но этого для представителей «мирной оппозиции» казалось не вполне достаточно, да и, по их наблюдениям, на Западе «от оппозиции ожидали более решительных действий» [6; 502]. В этих условиях наиболее эффективным, как тогда казалось членам «оппозиции», могла стать попытка вообще отмежеваться от деятельности финского правительства. Как заметил по этому поводу один из активных членов «мирной оппозиции» депутат парламента О. Фрич, «в кругах мирной оппозиции стали обдумывать такую радикальную меру, как создание в Лондоне скрытого или эми-

грантского правительства», так как «Финляндия была единственной страной, исключая Японию, которая в войне с Великобританией не представляла в Лондоне никакого “освободительного движения”... Другие союзники (sic! – В. Б.) Германии имели в Лондоне свои представительств, которые открыто заявляли о собственных политических взглядах» [6; 502]. Эти идеи стали перерастать в предложение «поездки в Лондон», где, как надеялись, все же удастся «создать правительство в изгнании» [29; 49].

Этими идеями «мирная оппозиция» также решила поделиться с дипломатами США, пытаясь выяснить у них, как отнесутся в Вашингтоне, если из Финляндии отправятся за границу некие их представители «для установления контактов с правительствами Швеции, а также... США, Великобритании, Польши и Советского Союза» [11; 199].

В американских дипломатических кругах подобная идея имела определенную поддержку, поскольку в это время там также пытались прощупать возможность того, чтобы «Финляндия образовала беспартийное эмигрантское правительство» [11; 73], см. также [29; 49]. Но они, очевидно, стремились установить по данному вопросу отношения с более влиятельными и более надежными для Запада деятелями. В. Таннер, в частности, заметил в своих воспоминаниях, что весной 1943 года к нему обратился известный американский журналист Дж. Скотт с предложением, чтобы тот «выехал в Англию и образовал там ведущее войну эмигрантское правительство, как, например, это сделала Норвегия», поскольку Финляндия «таким путем могла достигнуть сепаратного мира, а западные державы после этого смогли бы заставить русских уйти из страны до истечения 10-летнего срока» [11; 199].

Очевидно, что это неофициальное предложение во многом было продиктовано тем, что Хельсинки в это время сорвали американскую инициативу по посредническим услугам, которые Вашингтон стремился организовать для заключения сепаратного мира между Финляндией и СССР и о которых финское руководство проинформировало Германию [21; 206–211]. Подобный итог, по всей видимости, привел США к необходимости определить в финском руководстве действительных сторонников разрыва с фашистской Германией. Лидер же социал-демократической партии, естественно, как никто другой, мог подойти для выполнения столь необычного предложения. Но эта инициатива желаемого результата не принесла [42; 199]. Не добившись, таким образом, понимания и поддержки со стороны США, представители «мирной оппозиции», очевидно, уже начали отказываться от прежнего начинания. Теперь они опирались в большей степени на «внутренний фронт». Более того, в дальнейшем вопрос о выходе страны из войны

все чаще стал соединяться с проблемой отношений не с США, а, наоборот, с СССР. Усиление этого нового, более радикального направления в «мирной оппозиции» относилось уже к концу 1943 – началу 1944 года. Как по этому поводу заметил В. Таннер, там квалифицировали складывающуюся ситуацию таким образом, что в Финляндии уже «назревает гражданская война» [11; 315]. Действительно, в складывающейся обстановке один из активных деятелей «мирной оппозиции» А. Виртанен встретился с будущим президентом Финляндии Ю. К. Паасикиви и предложил ему обсудить возникшую в новых условиях идею создания эмигрантского правительства. Очевидно, что во многом это было вызвано катастрофическим положением финской армии в июне 1944 года на фронте, которое неминуемо должно было привести к поражению страны в войне. Примечательным в данном случае было то, что А. Виртанен даже хотел предложить Паасикиви возможность возглавить это правительство, которое собирались разместить в Швеции, чтобы «оттуда ускорить осуществление идеи сепаратного мира» [13; 22]. Причем сама эта идея имела уже соответствующую практическую реализацию, поскольку к этому времени был создан денежный фонд в шведской валюте, а также арендована скоростная моторная лодка, которая должна была перевести «“правительство” через Ботнический залив» [13; 22].

В этом отношении весьма важным являлось то, что именно Ю. К. Паасикиви должен был возглавить «эмигрантский кабинет». Это было достаточно символично, поскольку, как заметил в своем дневнике он сам, «в Финляндии у меня слава друга России, даже слишком большого друга России», и далее признал: «Я всегда старался наладить хорошие отношения с Россией» [2; 243]. Однако к предлагаемой идее Паасикиви отнесся весьма скептически, но согласился, что создание подобного правительства «явится последним из имеющихся шансов» [13; 22]. Иными словами, осторожный во всех отношениях видный политик не стал связывать свое имя с конкретными оппозиционными выступлениями. На все уговоры Паасикиви заявил: «Намерение, мне кажется, хорошее. Но считаю, что эта задача будет для меня слишком тяжелой. Выбирать надо человека помоложе», и наемнул при этом на сторонника «мирной оппозиции», бывшего члена правительства Финляндии, У. К. Кекконена [7; 14], [36; 58]. Паасикиви, таким образом, поддержал выдвигающуюся идею, но от непосредственного руководства «комитетом» начал уклоняться. При этом сами взгляды Ю. К. Паасикиви, очевидно, уже начали пугать и руководство Финляндии, поскольку за ним была установлена скрытая слежка и прослушивание его телефонных разговоров [21; 270]. Что же касается Кекконена, то его передвижение за пределы

страны вообще становилось крайне сложным делом, поскольку ему отказали даже в выдаче визы в соседнюю Швецию [48; 186]. Таким образом, работа по созданию эмигрантского правительства несколько затруднялась, хотя цели его создания были предельно понятны. «Мы будем действовать против немцев, – отметил тогда Паасикиви, – и к тому же в пользу русских» [7; 15].

В этих условиях требовалось выяснение еще и позиции СССР по данному вопросу. Началось обсуждение этой проблемы с представителями СССР. Однако в Москве считали, что крепкая политическая оппозиция внутри Финляндии существующему правительству значительно важнее, чем какой-либо «эмигрантский комитет» за рубежом [7; 15]. Конкретно это заявила тогда советский посланник в Стокгольме А. М. Коллонтай, отметив, что «не считает план удачным, поскольку если такой и делать, то его надо создавать в самой Финляндии» [12]. И подчеркнула, что у Ю. К. Паасикиви «продолжает быть хорошая репутация в Москве, поскольку там уверены в его честности» [12]. Таким образом, до практической работы по созданию финского эмигрантского центра дело так и не дошло.

Находясь в безвыходном положении и понимая, что страна оказалась после летнего военного поражения 1944 года на грани катастрофы, финское руководство вынуждено было само пойти на заключение соглашения о перемирии с Советским Союзом и подписало его в Москве 19 сентября 1944 года. Тем не менее отход от сотрудничества с Германией вновь реанимировал идею создания альтернативного официальному финскому руководству пронацистской власти в стране. В рейхе, как заметил немецкий профессор М. Менгер, «чем больше утрачивалась вера в собственные возможности, тем более масштабным становились безудержные расчеты на коллаборационистские круги Финляндии» [40; 220]. У германского руководства возникла идея – организовать в Хельсинки государственный переворот. Причем моделью для будущего Финляндии мог стать режим, который был установлен нацистами в Норвегии, где страной управлял их ставленник В. Квислинг [43; 290]. Опору в организации и проведении этого переворота гитлеровцы видели прежде всего в финских солдатах, прошедших суровую эсэсовскую школу в немецкой дивизии Ваффен-СС «Викинг» [39; 212–226].

Но для эсэсовцев было важным четко определиться с личностью руководителя планирующегося заговора. Вариантов в рейхе было не так много. Свои надежды здесь могли связывать только с представителями высокопоставленных финских генералов и старших офицеров, которые были хорошо знакомы немцам по Первой мировой войне, поскольку тогда являлись солдатами кайзеровской армии. Конкретные варианты в организации переворота стали связывать

с именем генерала П. Талвела, представителем ставки Маннергейма в рейхе. Надежды подкреплялись верой в реальные способности генерала создать в финских военных кругах оппозицию, так как считалось, что «между маршалом Маннергеймом и генералом П. Талвела проявляются острые противоречия» [9; 221].

5 сентября 1944 года, то есть спустя два дня после того, как финское руководство официально сообщило Германии о решении выйти из войны, в Берлине перешли к практическим действиям. По распоряжению А. Гитлера там приступили к реализации идеи подготовки в Финляндии государственного переворота. Эта попытка вначале предполагала осуществление комплексной по своему характеру системы мероприятий, учитывая возможность организации покушения на Маннергейма [43; 291]. К решению этой задачи были подключены эсэсовцы. Тогда же решили обратиться и к генералу П. Талвела. В ночь на 5 сентября 1944 года с ним лично встретился рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. Как свидетельствуют источники, беседа оказалась достаточно дружественной, где рейхсфюрер откровенно предложил Талвела «возглавить в Финляндии движение сопротивления» [10; 483]. Но тот на это предложение заявил, что будет «подчиняться только маршалу Финляндии» [32; 215], [39; 12]. Пытаясь разобраться в мотивах такого ответа финского генерала, немецкий историк М. Менгер справедливо заметил, что «ему представлялось все-таки очень трудным выступить против Маннергейма» [39; 12]. В Берлине беседа с Талвела, которую провел Гиммлер, получила продолжение. Финский представитель еще встретился с генерал-полковником А. Йодлем, с которым обсуждался вопрос относительно перспектив организации «движения сопротивления» в Финляндии. Речь шла о налаживании тайных связей между финским и немецким командованием. И хотя П. Талвела заявил, что для этой цели нужен «другой, более молодой генерал», все же договорились, что он установит с Йодлем личную секретную связь, которая должна была осуществляться через немецкого военного атташе в Стокгольме [39; 13].

Таким образом, эсэсовцы могли надеяться на продолжение в Финляндии активной работы, и как отмечает профессор М. Менгер, Гиммлер даже «ждал успеха в этом вопросе» [39; 12]. Командующий 20-й армией, находящейся в Лапландии, генерал-полковник Л. Рендулич тоже считал, что в Финляндии следует установить военный режим, который должен контролироваться службами СС [43; 291]. Деятельность по организации в Финляндии «внутреннего фронта сопротивления» возглавил начальник внешней разведки Главного управления имперской безопасности бригадефюрер СС (генерал-майор) В. Шелленберг. Под его контролем в начале сен-

тября сотрудники руководства СС в Хельсинки, а также финские офицеры СС Ю. Итяля и В. Вайнио, имея при себе «значительное количество финской валюты», приступили к работе «по организации добровольцев» для создания финских воинских соединений на базе 6-й немецкой дивизии СС «Норд», дислоцируемой тогда в Финляндии [12; 281], [39; 12]. Кроме того, ээсовцы начали планировать формирование так называемого «антисоветского подполья, которое должно было приступить к действиям в случае советского вторжения в страну» [39; 11]. Непосредственная организация легла на плечи финских активистов, которых возглавил один из руководителей ярко выраженного антироссийского общественного объединения «Академическое Карельское Общество», выступающего за создание так называемой «Великой Финляндии», В. В. П. Хеланен. Он в свое время стоял у истоков нацистских формирований в Финляндии, оказывая весной 1941 года помощь в создании в стране ээсовских войск [33; 38]. Кроме того, к налаживанию предполагаемого финского «движения сопротивления» был привлечен один из создателей «линии Маннергейма» подполковник Й. К. Фабрициус и крупный предприниматель П. Форсстрем [39], поддерживающий нацистов в Финляндии и обеспечивающий финансирование разворачиваемого движения [43; 293]. Именно эти люди должны были возглавить работу по налаживанию взаимосвязи командования германских войск, размещавшихся в Лапландии, с предполагаемым финским «подпольем». При этом они, естественно, опирались на Академическое Карельское общество, а также на профашистскую партию «Патриотическое народное движение» (ИКЛ). К разворачиваемой работе также были подключены представители правого крыла партии «Аграрный союз». Кроме того, идеи вооруженной борьбы с СССР после официального выхода Финляндии из войны разделяли в руководстве так называемых Союза офицеров резерва, Союза братьев по оружию и в других профашистских и крайне правых политических организациях [32; 293].

Фактически была предпринята попытка создания своеобразного политического центра будущего подполья. Причем, по мнению финского исследователя Ю. Рислаки, «финское движение сопротивления стремилось распространять свои щупальцы по всей стране» [43; 293]. Благодаря их деятельности достаточно быстро была образована целая сеть предполагаемого «движения сопротивления». Она охватывала Хельсинки и Турку. Новое формирующееся пронацистское движение затронуло и провинцию, мобилизуя своих сторонников в таких городах, как Вааса, Оулу, Куопио, Лахти, Котка. Наблюдалось распространение движения и в ряде мелких населенных пунктов [43; 293]. Тогда же начала переводиться

«на практические рельсы» идея создания некоего финского «правительства в изгнании», которое должно было разместиться в Стокгольме. Поскольку генерал П. Талвела не пожелал возглавить «движение сопротивления», то В. Хеланен принялся обсуждать с нацистами перспективы альтернативных кандидатов на будущее руководство страной. Речь шла либо об экс-президенте Финляндии Р. Рюти, либо о финском посланнике в Берлине Т. Кивимяки [43; 291]. Однако больших результатов эта работа не дала. Как записано в дневнике немецкого генерала при ставке Маннергейма В. Эрфурта 8 сентября 1944, года «до сих пор непохоже, чтобы хотя бы один финн был бы готов сражаться в рядах вооруженных сил Германии» [15; 281]. И это объясняется тем, что в Финляндии итог войны был уже понятен и большинство населения страны мечтало лишь об одном – о мире. Поэтому попытка организовать с помощью финских сторонников нацизма тайную сеть будущего «движения сопротивления» и осуществить государственный переворот мало что давала. С другой стороны, советское руководство не планировало оккупировать Финляндию. Это делало борьбу с советским оккупационным режимом достаточно сомнительной. К тому же финские власти стали проявлять в отношении пронацистски настроенных финнов явную осторожность. В ставке Маннергейма стало известно, в частности, об активизации немецкой разведки, направленной против Финляндии, и о полученном из Германии приказе доставить в рейх «топографические карты всей Финляндии» [37; 258]. Маршал срочно начал предпринимать контрмеры. Вокруг Хельсинки стали сосредотачиваться дополнительные войсковые соединения, было решено приступить и к созданию финской разведывательной сети в Эстонии [46; 260].

По распоряжению Маннергейма в Хельсинки начали усиливать меры внутренней безопасности [43; 291]. Стали задерживать сочувствовавших национал-социализму финнов [43; 292]. Это в корне меняло характер готовящегося нацистами переворота. Теперь ээсовцам становилось достаточно сложно продолжать начатую работу. Ярким доказательством тому был отказ немецкого посланника в Хельсинки В. Блюхера выполнять распоряжения нацистского руководства «поднять против политики правительства “национальные силы” сопротивления». Он прямо сообщил в Берлин, что в Финляндии отсутствуют какие-либо признаки возможного восстания, причем, как он заметил, «некоторые лица из числа финских национал-социалистов уже арестованы» [43; 292]. Действительно, в подтверждение этих слов все существовавшие в Финляндии профашистские организации чуть позже были запрещены. Осуществленный в результате комплекс мер не позволил полностью развернуть в стране новое нацистское движение и активно

использовать прежних финских эсэсовцев для начала решительных действий против тех, кто выступал за окончание войны. Не удалась и попытка создания пронацистских финских воинских частей, «те финны, которые стремились вступить в германский вермахт, представляли собой исключение, большинство же даже и не думало срывать принятый финским правительством политический курс и отказывать маршалу в повиновении» [3; 255].

С подписанием между СССР и Финляндией 19 сентября 1944 года соглашения о перемирии Германия явно начала утрачивать прежние рычаги влияния на население Финляндии. После заключения соглашения финская цензура сразу же отдала органам массовой информации распоряжение, запрещающее публикацию всяких материалов о финско-германском «Братстве по оружию» [44; 354]. Радио Финляндии также приступило к активной критике тезиса немецкой пропаганды о том, что «финское население сочувственно относится к Гитлеру» [39; 13].

В складывающейся неблагоприятной для Германии ситуации эсэсовцы пытались наладить работу своей собственной пропагандистской машины. С их стороны начала разворачиваться весьма жесткая пропаганда, направленная против государственного и военного руководства Финляндии. В этом отношении значительную роль стали отводить созданной тогда на территории Финляндии специальной немецкой радиостанции «Свободное радио Финляндии». Главным диктором стал бывший военнослужащий финского эсэсовского батальона унтерштурмфюрер СС (лейтенант) Ю. Пурьо, а на Финляндию посыпались призывы, в которых говорилось: «Защитим каждую пядь нашей земли! Сохраним Финляндию от русских! Только такая борьба будет благословлена Богом!» [39; 14, 15]. Но эффективность данной работы была весьма незначительной. Также малоэффективной стала попытка нелегального издания для населения Финляндии специального нацистского журнала. Было опубликовано несколько номеров [43; 292]. Однако результативность оказалась очень небольшой. Свидетельством тому стал тот факт, что финнов, желающих продолжать боевые действия на стороне Германии, оказалось всего 68 человек. Причем из числа военнослужащих только 8 имели офицерские звания [41].

Сохранялась еще и идея образовать «правительство сопротивления». В реализации данного замысла в начале 1945 года в Германию нелегально на немецкой подводной лодке доставили подполковника финской армии Й. К. Фабрициуса. Он провел серию переговоров с Г. Гиммлером

и одним из руководителей карательного аппарата Германии, генералом войск СС Э. Кальтербрунером. Обсуждалась необходимость образования нового «правительства» Финляндии [47]. Причем Фабрициус представил высшему эсэсовскому руководству отчет о состоянии финских вооруженных сил и просил направить в Финляндию до восьми немецких дивизий, которые, по его мысли, должны были обеспечить полный захват страны гитлеровцами [39, 297]. В рейхе поддерживали подобные инициативы финских сторонников нацизма. Фабрициусу предложили установить контакт прежде всего с Р. Рюти и Т. Кивимяки и постараться продолжить работу по образованию пронацистского правительства. Более того, ему самому лично посоветовали «возглавить движение сопротивления в Финляндии» [39; 297], найдя наиболее надежного человека, которого теперь могли представить как финского лидера нацистов. В конце февраля 1945 года Й. К. Фабрициуса на самолете нелегально доставили в район города Пори, где он катапультировался на парашюте на финскую землю. Но организовать «движение сопротивления» Й. К. Фабрициус не сумел. Также как нацисты не смогли перебросить в Финляндию дополнительное количество немецких войск, которые были бы в состоянии оккупировать страну. Иными словами, пронацистская работа сторонников Германии становилась бессмысленной. Все это свидетельствовало о том, что сама эта идея носила в Финляндии явно поверхностный характер, а финское общество, очевидно, ее не восприняло.

Таким образом, в конце Второй мировой войны возникали различные идеи создания альтернативных финскому руководству «правительств». Эти идеи, несомненно, были связаны с перспективой грядущего поражения Финляндии в войне и имели в своей основе как внутренние, так и зарубежные корни. Причем уже тогда они отражали явный политический кризис, который поразил финское общество. Любопытным являлось еще и то, что страны антигитлеровской коалиции (США, СССР) в конце войны явно не испытывали большого интереса к образованию финских эмигрантских правительств за рубежом. Это была ярко выраженная инициатива самих представителей политической элиты Финляндии. Тогда как нацистская Германия, наоборот, была в большей степени инициатором раскола финского общества и стремилась скорее не к созданию некоего «правительства в изгнании», а к свержению существующего руководства путем совершения финнами, симпатизирующими фашизму, государственного переворота и уже с их помощью установления в Финляндии режима нацистской диктатуры.

ИСТОЧНИКИ

1. Войномаа В. Дипломатическая почта. М.: Прогресс, 1984. 283 с.
2. Паасикиви Ю.-К. Дневники. Война-продолжение (11 марта 1941 – 27 июня 1944). СПб.: Европейский дом, 2004. 423 с.

3. Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2005. 317 с.
4. Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Series D. Vol. X. Her Majesty's Stationery Office. London, 1957. 606 p.
5. Erfurth W. Sotapäiväkirja vuodelta 1944. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1954. 292 s.
6. Frietsch C. O. Suomen kohtalonvuodet. Helsinki: Tammi, 1945. 574 s.
7. J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Os. I. 28.6.1944–24.4.1949. WSOY. Porvoo; Helsinki; Juväskylä, 1985. 718 s.
8. Lehmus K. Tuntematton Mannerheim. Welin+Göös. Helsinki, 1967. 243 s.
9. Lehmus K. Kolme kriisiä. Welin+Göös. Helsinki, 1971. 320 s.
10. Talvela P. Sotilaan elämä. Muistelmat. Os. 2. Kirjayhtymä. Juväskylä, 1977. 493 s.
11. Tanner V. Suomen tie rauhaan. 1943–44. Helsinki: Tammi, 1952. 416 s.
12. Ulkoasiainministeriön arkisto. 110 B 2. Selostus № 1.
13. Wirtanen A. Poliittiset muistelmat. Helsinki: Otava, 1972. 177 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

14. Барышников В. Н. Из истории Терийокского «правительства» и проблемы границы // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб.: Европейский дом, 1999. С. 269–280.
15. Барышников В. Н. Цели СССР в «зимней войне» в контексте возникновения терийокского «правительства» // Терийоки. Зеленогорск. 1548–1998. История, культура, традиции. Зеленогорский вестник. СПб., 1999. С. 64–68.
16. Барышников В. Н. «Терийокское правительство» (1939–1940 гг.): феномен его образования // Университетские Петербургские Чтения. Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград 1703–2002. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 225–236.
17. Барышников В. Н. Роль А. А. Жданова в создании и деятельности так наз. «терийокского правительства» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб.: Изд-во РХГА, 2003. С. 99–110.
18. Барышников В. Н. Особенности создания и боевой деятельности «финской народной армии» в годы Второй мировой войны // Чтения по военной истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 5–19.
19. Барышников В. Н. О судьбе финского населения на занятой советскими войсками территории Финляндии в 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб.: Изд-во РХГА, 2007. С. 34–50.
20. Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. 200 с.
21. Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989. 336 с.
22. Барышников Н. И., Барышников В. Н. Правительство в Терийоки // Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М.: Наука, 1998. С. 176–191.
23. Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.) / Институт Йохана Бекмана. СПб.; Хельсинки, 2003. 363 с.
24. Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.) // Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб.: Наука, 2010. С. 245–269.
25. Веригин С. Г. Терийокское правительство и его деятельность на территории Карелии в период зимней войны 1939–1940 гг. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 56–62.
26. Веригин С. Г. Терийокское правительство во внешней политике СССР в 1939–1940 гг. // Международные отношения на севере Европы: история и современность. Рекламная полиграфия. Мурманск, 1999. С. 24–28.
27. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 56–83.
28. Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямьярйнен Ю. Заложники зимней войны (интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период зимней войны 1939–1940 годов). Петрозаводск; Йозенсуу; Суомуссалми: Изд-во ПетрГУ, 2004. 220 с.
29. Суоми Ю. Из рода лососей. Урхо Кекконен. Политик и президент. М.: Весь Мир, 2011.
30. Baryshnikov N., Baryshnikov V. Kuusisen hallituksen muodostaminen // Punalippu. 1989. № 11. S. 104–108.
31. Baryshnikov N., Baryshnikov V. Terijoen hallitus. Uusien asiakirjojen kertomaa. Johan Beckman Institute. Helsinki, 2001. 186 s.
32. Brantherg R. Sotakenraalit. Painopaikka Gummerus Kirjapaino. Oy; Juväskylä, 1998. 215 s.
33. Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. Gummerus Kirjapaino. Oy; Juväskylä, 1996. S. 736.
34. Jussila O. Kysymyksiä Terijoen hallituksen «mysterista» // Historiallinen Aikakauskirja. 1985. № 2. S. 120–121.
35. Jussila O. Terijoen hallitus 1939–1940. Porvoo; Helsinki; Juväskylä: WSOY, 1985. 220 s.
36. Jussila O. Terijoen hallitus // Maailma ja Me. 1989. № 9. S. 57–60.
37. Mäkelä J. L. Salaista palapeliä. Tiedustelupalvelua ja tapahtumia talvisodan ja jatkosodan vaiheilta. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1964. 270 s.
38. Manninen O. Kuusisen armeijasta // Historiallinen Aikakauskirja. 1985. № 2. S. 121–127.
39. Menger M. Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944 // Bulletin des Arbeitskreises «Zweiter Weltkrieg». 1983. № 3–4. S. 5–17.
40. Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Militärverlag Der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin, 1988. 276 s.
41. Nikkilä-Kiipula E. Suomalainen SS-komppania syntyi uudelleen syksyllä 1944 // Lapin kansa. 02.03.2010.
42. Polvinen T. Barbarossasta Teheraniin. I. Porvoo; Helsinki; Juväskylä: WSOY, 1979. 369 s.
43. Rislakki J. Erittäin salainen. Valkoilu Suomessa. Love kirjat. Helsinki, 1982. 503 s.
44. Rusi A. Lehdistöensuuri jatkosodassa. SHS. Helsinki, 1982. 381 s.
45. Saloma M. Terijoen hallituksen mysteeri // Historiallinen Aikakauskirja. 1985. № 1. S. 30–38.
46. Saloma M. Punaupseerit. Porvoo; Helsinki; Juväskylä: WSOY, 1992. 468 s.
47. Susi E. Oikeiston salaliitot 1944–1945 // Tiedonantaja. 14.09.1984.
48. Viitala H. M. Rauhanoppositio. Kansankulttuuri. Pori, 1969. 221 s.

АЛЕКСАНДР СПАРТАКОВИЧ СЕНЯВСКИЙ
доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт Российской истории РАН (Москва, Российская
Федерация)
senyavsy@yandex.ru

РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ И ПРОПАГАНДЫ В ФОРМИРОВАНИИ ФЕНОМЕНА МАССОВОГО ГЕРОИЗМА СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Анализируется роль идеологии и пропаганды в формировании феномена массового героизма советских людей в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Идеология, пропаганда, советские люди, массовый героизм

Содержание понятия «героизм» включает несколько неотъемлемых признаков: одновременно определенный тип социального поведения (жертвенное в интересах социума) и его высочайшую позитивную оценку со стороны социума. Причем это поведение, выходящее из общего ряда, достаточно редкое. Еще реже – проявление коллективного героизма, остающееся в памяти потомков, иногда – всего человечества (например, «триста спартанцев» – античных героев Греции в войне с Персией). Явление же массового героизма поистине уникально для человеческой истории. Таким явлением стал феномен массового героизма в период Великой Отечественной войны. Чрезвычайная ситуация судьбоносной для страны войны с беспощадным врагом сплотила советских людей в их общем сознании выбора: или война до победы, или гибель. В полной мере это сознание пришло не сразу, а после жестоких поражений начала войны, зверств немецко-фашистских оккупантов на занятых ими территориях по мере продвижения вражеских полчищ вглубь страны.

К началу войны морально-психологическая ситуация в обществе была сложной и разнообразной. И в ее складывании было несколько измерений: социальное, возрастное, идеологическое, психологическое и др.

Социальное измерение. Революция, Гражданская война, двадцать лет советской власти с переходом от политики военного коммунизма к нэпу и к форсированному строительству социализма, с мобилизационной моделью экономики, с далеко не добровольной коллективизацией, ускоренной индустриализацией, культурной революцией, уравнительными тенденциями в распределении и т. д., – все это радикально «перепахало» постреволюционное российское общество. С одной стороны, ликвидация прежних элитарных слоев во многом нивелировала социальную структуру, поставила человека труда на вершину социальной пирамиды (которая оказалась перевернутой), открыла шлюзы для мощной социальной мобильности низов и повышения их социального статуса. С другой стороны,

в стране на разных этапах революционного процесса оказалось немало людей, понесших ущерб от новой политики, – «бывших», лишившихся родственников, прав, собственности, а нередко и средств к существованию, раскулаченных, репрессированных, выселенных и сосланных в отдаленные регионы и т. д. (что стало одним из источников такого весьма масштабного явления в годы войны, как коллаборационизм). Категории обиженных советской властью были разнообразны – от аристократов до бывших коммунистов. И хотя общество не было социально монолитным, но было намного более социально однородным, нежели перед Первой мировой войной, мотивы участия в которой для десятков миллионов людей были весьма невинны. Теперь их дети были готовы защищать «завоевания Великого Октября», свою страну и свою власть. И Красная армия была действительно народной, а не сословной, кастовой, как до революции.

Демографическое (возрастное) измерение. К началу войны при советской власти выросли целые поколения молодых людей (1922–1927 годов рождения), которые, собственно, и вынесли на своих плечах основную тяжесть Великой Отечественной войны. Кадровая армия была в основном выбита, полегла, попала в плен в первые месяцы войны, и мальчишки 18–20 лет составили костяк армии, отбрасывавшей врага на запад, вплоть до Берлина. Это было поколение людей, уже вкусивших плоды революционных преобразований и получивших советское воспитание, а значит, и соответствующее мировоззрение, в основе которого лежали коммунистическая идеология, советский патриотизм, установка готовности к самопожертвованию – «и в труде, и в бою».

Идеологическое измерение. Идеология представляет собой систему идей, ценностей, норм, идеалов и содержательных установок, выражающих социальные интересы. Она является частью общественного сознания. Основными каналами распространения идеологии в обществе являются институты воспитания, образования и средства массовых коммуникаций. Формирование в XX веке государств с монополией на власть одной

массовой партии, как это произошло и в Советской России, утвердило монопольное положение одной идеологии. Она имела разные названия, отражавшие различные ракурсы ее самопрезентации: марксистско-ленинская, пролетарская, советская, социалистическая, коммунистическая, единственно научная и т. д. За этими самоназваниями стояли определенные реалии, хотя, естественно, они отнюдь не были полностью ей адекватны. Содержание советской идеологии отнюдь не оставалось неизменным. Так, за два десятилетия, к началу 1940-х годов, произошло смещение акцентов с одних элементов идеологии на другие. Например, идеи мировой революции постепенно отошли на второй план, возобладала концепция о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране, а мировое революционное и пролетарское движение при сохранении прежней фразеологии стало рассматриваться как инструмент обеспечения государственных интересов СССР. Влияла на идеологию и текущая политическая конъюнктура. Так, активная антифашистская пропаганда начала – середины 1930-х годов была свернута с момента сближения СССР и Германии летом 1939 года.

Идеология, безусловно, влияла на мировоззрение десятков миллионов людей, особенно молодого поколения советских людей. Советский человек и, в частности, советский солдат был воспитан в классовой пролетарской идеологии, через призму которой формировалось его отношение к различным сторонам жизни в своей стране и в мире. Через эту призму они пытались воспринимать врага, вычлняя рабочего и крестьянина из общей массы захватчиков, отделяя их от «господ-эксплуататоров». Но были и более глубинные, выработанные столетиями механизмы национальной психологии русского народа и народов, включенных в его цивилизационную орбиту, и в их ряду – способность морально-психологической мобилизации в условиях внешней угрозы. Целенаправленная идеологическая подготовка к войне не противоречила этим архетипическим механизмам, а напротив, накладываясь на них, оказывала весьма эффективное воздействие, формируя у населения психологическую установку на готовность к отпору внешней агрессии. С началом Великой Отечественной войны эта установка оказалась способной относительно быстро нейтрализовать ряд негативных для мобилизующей функции факторов: неожиданная смена и дезориентирующее влияние ситуационной пропаганды непосредственно в канун войны, когда фашистская Германия официально рассматривалась как союзник, не собиравшийся нападать на СССР; тяжелое кадровое и моральное состояние армии в результате предвоенных репрессий; переоценка собственных сил и возможностей и недооценка потенциального противника; классовые иллюзии о поддержке СССР пролетариатом Европы, и

особенно Германии, в случае внешней агрессии и др. Эти надежды на классовую сознательность германского пролетариата были мгновенно развеяны с началом фашистской агрессии. Ответом на нее стал всплеск патриотических настроений, который, несомненно, явился одним из решающих факторов перелома хода войны. Сотни тысяч добровольцев готовы были отправиться на фронт. Традиционным для судьбоносных войн России, когда на ее территорию вторгался агрессор, было и создание народных ополчений.

В отличие от Первой мировой, справедливый, оборонительный характер Великой Отечественной войны был очевиден. Основная масса населения понимала, за что идет война, и готова была к самопожертвованию, длительным тяготам и лишениям во имя победы. В обществе существовало гораздо меньше социальных противоречий. Не всеми разделялись партийные установки на социалистическое строительство, но сама социалистическая идея в результате успехов первых пятилеток обрела широкую популярность. Кроме того, характер фашистской агрессии, нацеленной на порабощение и истребление целых народов, не оставлял выбора и обусловил особую ожесточенность сопротивления, массовую стойкость и героизм.

Еще в самом начале войны властью была найдена та патриотическая тональность, которая сохранялась на всем протяжении Великой Отечественной. Она стала одним из решающих факторов поддержания морально-психологического состояния в стране. Существенную роль в этом сыграла корректировка официальных идеологических формул, сместивших акценты с идеи классовой борьбы на национально-государственное единство в противостоянии агрессору, на единство власти, армии и народа [13; 16–19].

Начало Великой Отечественной войны обозначило период существенной трансформации советской идеологии, вызванной угрозой существованию советского государства и сформировавшейся системы, а вследствие этого – необходимостью мобилизации дополнительных внесистемных ресурсов. В области массового сознания эти ресурсы лежали за пределами господствовавшей идеологии, которая вынуждена была либо инкорпорировать их в свой состав, одновременно ассимилировав их в соответствии со своими общими системными принципами, либо самой мимикрировать под эти ресурсы, инсценировав замещение старых элементов на новые, с последующим отказом от инноваций, когда угроза системе ушла в прошлое. Обе тенденции предполагали перенесение акцента с классовости на государственно-патриотические идеи, с «пролетарского интернационализма» на национально-государственные ценности, обращение к историческим национально-государственным традициям, национальному самосознанию и религиозному сознанию. Даже ключевой про-

пагандистский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был вытеснен лозунгом «Смерть немецким оккупантам!». Потери советских войск были огромны. Уже в первый месяц войны безвозвратные потери составили 1 млн человек, из них 700 тыс. пленными. Территория СССР, занятая вермахтом, превысила 1,5 млн км² – в три раза больше территории Франции [8; 55–56].

Война приобретала характер смертельной схватки с врагом не только существовавшей системы и государства, но и населявших Советский Союз народов, действительно становилась Отечественной и национально-освободительной [11; 264]. Классовые лозунги заменялись патриотическими. В тяжелейший период начала войны, ставший шоком для страны, народа и власти, И. В. Сталин обратился к национальным чувствам русского народа, назвав войну против фашистской Германии великой, всенародной, Отечественной, а в драматический период, когда враг стоял у стен Москвы, вспомнил ключевые имена деятелей русской истории: Александра Невского, Дмитрия Донского, К. Минина, Д. Пожарского, А. Суворова, М. Кутузова [2; 15, 40].

К концу ноября 1941 года наступательный порыв вражеских войск иссяк, они перешли к обороне. Главная цель начального периода войны – «Выстоять!» – была выполнена в значительной мере благодаря морально-психологической стойкости народа. В битве под Москвой войска Красной Армии победили превосходящие по численности в 1,4–1,6 раза силы противника [4, 123]. Таким образом, истоки победы были заложены уже в самом начале войны, когда врагу не удалось сломить моральный дух народа (подробнее см. [10; 18–28]). На следующем этапе, ставшем переломом не только в ходе войны, но и в настроении народа и армии, начавшееся изгнание из страны немецко-фашистских войск несло своего рода духовное очищение.

Смена идеологических акцентов проявлялась не только в вербализированной форме: в речах, лозунгах, пропагандистских клише. Она, можно сказать, овеществлялась в различных вариантах. Были учреждены воинские награды, носившие имена прославленных русских полководцев и флотоводцев: ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Нахимова, медаль Ушакова. Солдатский орден Славы и по своему статусу, и по внешнему оформлению (наличию георгиевской ленточки) стал аналогом дореволюционного Георгиевского креста. Еще 18 сентября 1941 года приказом наркома обороны СССР Сталина некоторые дивизии за боевые подвиги были переименованы в гвардейские, им были вручены особые гвардейские знамена [7; 41–42]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1943 года для личного состава РККА были введены новые знаки различия – погоны [3; 451].

Введение формы, напоминающей дореволюционную, возвращение золотых погон вместе со

словом «офицер» являлось символическим изменением отношения к русским воинским традициям и к русскому офицерству [6; 310]. Характерно, что оно совпало с периодом разгрома фашистов в Сталинградской битве. Не случайно это нововведение, став внешним знаком явного перелома в ходе войны в пользу советских войск, нашло существенный отклик в массовом сознании. Согласно агентурным данным органов госбезопасности, реакция военнослужащих на введение новых знаков различия была в основном одобрительной [3; 366]. Командный состав советских войск был объявлен «носителем лучших традиций русского офицерства» [6; 310]. Конечно, во многом это были всего лишь внешние атрибуты, но обозначенный властью поворот имел принципиальное значение. Шарль де Голль в своих мемуарах писал: «В эти дни национальной угрозы Сталин, который сам возвел себя в ранг маршала и никогда больше не расставался с военной формой, старался выступить уже не столько как полномочный представитель режима, сколько как вождь извечной Руси» [9; 62].

Смещение акцентов на патриотические мотивы затронуло национальные отношения. Советский патриотизм в устах Сталина и его окружения все больше приобретал не только государственный оттенок. Если в начале войны Сталин говорил, что фашизм ставит целью восстановление царизма и власти помещиков, а также разрушение национальной культуры и государственности народов СССР, перечисляя почти все титульные нации [2; 13], то в дальнейшем он все чаще обращался именно к русскому народу, к его традициям, героическим событиям и историческим символам, а после разгрома фашистской Германии, особо отмечая жертвенность, стойкий характер и терпение русского народа, провозгласил тост за его здоровье, «потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза» [2; 196]. По оценке митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, «знаменитый сталинский тост на победном банкете – “за великий русский народ”, как бы подвел окончательную черту под изменившимся самосознанием власти, сделав патриотизм наряду с коммунизмом официально признанной опорой государственной идеологии» [9; 81].

В мае 1943 года во многом под давлением западных союзников было принято решение о роспуске Коминтерна. Вместе с тем это отражало фактический провал идеологии пролетарского интернационализма. Однако на протяжении войны национальный аспект советской идеологии, в том числе и в отношении к врагу, в первую очередь к немцам, существенно менялся. Если в самые трудные для СССР дни войны от лозунгов интернационализма перешли к откровенному призыву «Убей немца!» и на уровне агитационно-пропагандистской работы в войсках он оставал-

ся актуальным вплоть до заключительного этапа войны, то в «большой политике», ориентированной на имидж СССР за рубежом и перспективы послевоенного устройства, была более адекватной фраза из Приказа наркома обороны № 55 от 23 февраля 1942 года: «...гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается» [2; 46].

В конце войны, когда советские войска вступали на чужую, в том числе германскую, территорию, второй подход стал особенно актуальным: требовалось радикально переломить антинемецкие настроения в войсках, подчеркнуть значение освободительной миссии Красной армии по отношению к другим народам Европы, и идеи интернационализма постепенно реанимировались. В апреле 1945 года были предприняты специальные пропагандистские акции и командные директивы, направленные на изменение отношения войск к населению Германии. Так, 14 апреля в газете «Правда» начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров выступил с критикой Ильи Эренбурга «за антинемецкий характер его статей», в которой немцы изображались как «единая колоссальная шайка», а 20 апреля вышла Директива Ставки Верховного главнокомандования, в которой требовалось изменить отношение к военнопленным и гражданским немцам на более гуманное [5; 18, 275].

Другим аспектом идеологической трансформации стала область религиозного сознания. После длительной полосы воинствующего атеизма, церковных погромов, массового закрытия церквей и преследования духовенства начался трудный и постепенный процесс нормализации отношений с православной церковью. В первый же день войны глава Русской православной церкви митрополит Московский и Коломенский Сергей, обратившись к своей пастве, благословил всех православных на защиту Родины: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг» [1; 45–46].

Поддержка армии и государства Русской православной церковью не ограничивалась проповедями и благословением на борьбу с оккупантами. Так, в январе 1943 года глава Церкви призвал к жертвованиям на танковую колонну имени Дмитрия Донского, в стороне от этого дела не осталось ни одного храма, ни одной церковной общины. Государство, в свою очередь, постепенно меняло политику в отношении церкви: не препятствовало верующим отмечать церковные праздники, не закрывало более православные храмы и приходы. 4 сентября 1943 года в Кремле Сталин встретился с иерархами Русской православной церкви, пойдя навстречу в решении важных вопросов церковной жизни: об избрании па-

триарха, открытии храмов и духовных учебных заведений, возобновлении церковных изданий, снятии ограничений на деятельность религиозных общин и расширении прав духовенства.

Для взаимодействия правительства и Церкви при Совнаркоме СССР был создан Совет по делам Русской православной церкви. В сентябре 1943 года был образован Священный синод, а митрополит Сергей избран Патриархом Московским и всея Руси. Был освобожден ряд находившихся в заключении священнослужителей. По словам митрополита Иоанна, Сталин, высоко отзывавшись о патриотической деятельности православной церкви, настолько положительно и радикально решил все вопросы, что это принципиально изменило положение православия в СССР [9; 81]. Происходила определенная нормализация отношений и с рядом других конфессий.

В целом элементы трансформации идеологии выполнили свою задачу, обеспечив мобилизацию народа на сопротивление агрессору, достаточно прочное единство фронта и тыла даже в самый трудный период войны, когда ни огромные потери, ни временные поражения не смогли поколебать доверие народа к власти. Уже после войны в выступлении на приеме в Кремле в честь командующих войсками 24 мая 1945 года Сталин признал, что у правительства было немало ошибок и моментов отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда армия отступала, но «доверие русского народа к советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом» [2; 196–197].

Чрезвычайно важное значение имели развитые институты контроля над армией и обществом, которых и в помине не было у царской власти. Речь идет об идеолого-пропагандистских институтах (партия, комсомол, разветвленная система общественных организаций, в армии – сначала комиссары, позже – политработники, органы госбезопасности, они же карательные институты). Правительственные установки с самого начала войны переводились в ясные, чеканные формулы и лозунги, которые обычно формулировались И. В. Сталиным и доводились до сведения каждого бойца, а в тылу – до каждого гражданина. «Наше дело правое, – победа будет за нами!» – это убеждало народ в справедливом характере войны со стороны СССР и внушало уверенность в неизбежности Победы. «Все силы народа – на разгром врага!», «Все для фронта, все для победы» – эти лозунги были смыслом мобилизации народа в советском тылу. Лозунг «Смерть немецким оккупантам» был установкой для бойцов Красной армии. Особую роль играли лозунги-символы, призванные внедрить в сознание советских людей ключевые ценности и модели поведения: «За Родину! За Сталина!», «Смерть немецким оккупантам!».

Основным механизмом внедрения идеологических формул в массовое армейское сознание

являлись средства партийно-политической и агитационно-пропагандистской работы в войсках. При этом постоянно осуществлялся контроль за настроениями в армейской среде, «обратная связь», позволявшая как корректировать действия политико-пропагандистского аппарата, так и устранять «возмутителей спокойствия», отслеживать и пресекать нежелательные настроения. И здесь политические органы тесно взаимодействовали с карательными – СМЕРШем, Особым отделом, военным трибуналом и т. д.

Особое значение имела пропаганда примеров героического поведения. Обращение к ним, целенаправленно представляемым как образец для массового подражания – важный момент в поддержании духа войск. Беспрецедентной была роль государства в формировании символов [12; 126–127], которая оказалась столь действенной и эффективной, а совокупность сформированных символов – объективно необходимой и адекватной стоявшим на разных этапах войны задачам. Учитывая, что интересы государства и народа, системы и общества в этот период совпадали в основном, можно считать, что пропагандистская машина обслуживала прежде всего национально-государственные интересы. Вместе с тем нужно различать вопрос о функционально-прикладной эффективности героических символов и «корректности» механизмов их формирования. Созданные во время войны символы представляли собой сочетание подлинных событий, отраженных в «зеркале пропаганды». Органы пропаганды отбирали и шлифовали факты, создавая символы как отвлеченно-обобщенные примеры для подражания. Только единичные имена могут врезаться в память миллионов, став образцом. Но героями становились сотни тысяч людей, безымянные могилы которых затерялись на просторах России и других стран.

Идеологический фактор в войне не только смыкался и переплетался с психологическим, но нередко оказывался ведущим: от сильной, «грамотной» идеологической мотивации войны, от интенсивности и точности «политико-воспитательной работы» напрямую зависело морально-психологическое состояние войск (см. подробнее [14]). Идеология формировала фундаментальные мировоззренческие установки, тогда как пропаганда обеспечивала морально-психологическую мобилизацию на борьбу с врагом, обращалась к чувствам людей, к образному мышлению, предъявляла образцы поведения для массового подражания на фронте и в тылу. Смертельная опасность привела в действие глубинные психологические механизмы, которые не раз в российской истории спасали страну, находившуюся на краю пропасти. Произошел подъем всех моральных сил народа, оказались задействованы его вековые традиции, готовность к самопожертвованию во имя спасения своей страны. Феноменальным явлением в истории стал массовый героизм, который проявляли не сотни и тысячи, а миллионы людей. Героическим был не только воинский подвиг на фронтах, но и самоотверженный труд людей в тылу.

Вероятно, только кумулятивный эффект от взаимодействия мобилизующей советской идеологии, мощного пропагандистского воздействия и мобилизационного потенциала психологии народа мог спасти страну в почти безнадежной, катастрофической ситуации начала войны, помог выстоять в многолетнем противостоянии чрезвычайно сильному, беспощадному и фанатичному врагу. При этом идеология претерпела резкую трансформацию, отодвинув на задний план классово-космополитические установки и переориентировавшись на национально-государственные, патриотические.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №11-01-00363а.

ИСТОЧНИКИ

1. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 1995. 744 с.
2. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1952. 207 с.
3. Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М.: Звонница МГ, 2000. 496 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

4. Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М.: Политиздат, 1984. 430 с.
5. Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 4. М.: Наука, 1999. 368 с.
6. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Военное изд-во, 1993. 368 с.
7. Кузьмичев А. П. Советская гвардия. М.: Воениздат, 1969. 352 с.
8. Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Война 1941–1945. Факты и документы. М.: Олма-пресс, 2001. 478 с.
9. Полководцы: Сборник. М.: Роман-газета, 1995.
10. Сенявская Е. С. Предчувствия и реалии войны: массовое сознание в СССР до и после 22 июня 1941 г. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2011. № 2(20). С. 18–28.
11. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
12. Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтное поколение: историко-психологическое исследование. М.: ИРИ РАН, 1995. 220 с.
13. Сенявский А. С. Советская идеология в годы Великой Отечественной войны: стабильность и элементы трансформации // Сторінки воєнної історії України: Збірник наукових статей. Вип. 6. Київ, 2002. С. 16–19.
14. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Идеология войны и психология народа // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 122–235.

УДК 94(47)«1917–1991»+94(470.22)

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории дореволюционной России, декан исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
verigin@psu.karelia.ru

П. А. СУДОПЛАТОВ И КАРЕЛИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

На основе анализа рассекреченных материалов карельских государственных и ведомственных архивов (НА РК, Архив УФСБ РФ по Республике Карелия, Архив МВД РК и др.) впервые представлено взаимодействие начальника 4-го Управления НКВД-НКГБ СССР П. А. Судоплатова с 4-м отделом НКВД-НКГБ Карело-Финской ССР в годы войны и показана его роль в организации разведывательно-диверсионной деятельности этого отдела в тылу финских войск в 1941–1944 годах.

Ключевые слова: П. А. Судоплатов, Карелия, 4-е управление НКВД СССР, 4-й отдел НКВД КФССР

Нападение нацистской Германии и ее союзников на СССР 22 июня 1941 года заставило военнополитическое руководство страны кардинально пересмотреть свое отношение к разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника. 5 июля 1941 года нарком внутренних дел Л. П. Берия подписал приказ № 00882 о создании при НКВД СССР Особой группы, перед которой ставились следующие задачи: разработка и проведение разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии и ее сателлитов; организация подпольной и партизанской войны; создание нелегальных агентурных сетей на оккупированной территории; руководство специальными радиограммами с немецкой разведкой с целью дезинформации противника [6; 197], [11; 186]. Начальником Особой группы был назначен П. А. Судоплатов¹, его заместителем – Н. И. Эйтингон. Сама Особая группа НКВД СССР в октябре 1941 года была реорганизована во 2-й отдел НКВД, который, в свою очередь, в январе 1942 года был преобразован в 4-е управление НКВД СССР. В республиканских и областных управлениях НКВД, в том числе и в Карело-Финской ССР, были созданы опергруппы (в августе 1941 года преобразованные в 4-е отделы), на которые и возлагались задачи по формированию и руководству деятельностью истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп, организации разведки районов их вероятной деятельности [12; 230].

Анализ документов показывает, что, возглавляя в первые месяцы Великой Отечественной войны Особую группу, а затем 2-й отдел НКВД СССР, П. А. Судоплатов постоянно требовал от территориальных органов НКВД разработки и проведения активных операций в тылу врага. На северо-западном участке фронта союзницей Германии выступила Финляндия.

Выполняя установки П. А. Судоплатова, НКВД-НКГБ КФССР с самого начала войны направлял диверсионные группы в тыл противни-

ка, но они несли большие потери. Анализ первых «ходов» в первые недели войны показал настоятельную необходимость более тщательной подготовки диверсионных групп для заброски их за линию фронта. На это указывал и П. А. Судоплатов: «18 июля 1941 года было принято постановление ЦК партии “Об организации борьбы в тылу германско-фашистских войск”. В связи с подготовкой этого решения меня как начальника Особой группы при наркоме внутренних дел вызвали на совещание в ЦК партии... На этом совещании я настоял на том, чтобы в постановлении было отмечено, что засылка в оккупированные районы должна быть тщательно подготовленной, причем чтобы каждая группа не превышала пяти человек. Засылаемые люди могли быть связаны только с одним определенным лицом и ни в коем случае не контактировать друг с другом» [6; 276–277].

В Карелии это требование П. А. Судоплатова нашло свое отражение в организации в июле 1941 года в НКГБ КФССР специальной (особой) диверсионной школы. Численность курсантов в первые полгода войны постоянно увеличивалась: в октябре 1941 года школа состояла из четырех отрядов по три группы в каждом и насчитывала 154 человека, а к концу 1941 года школу окончили 196 человек и было сформировано 15 диверсионных групп. Руководил школой начальник 4-го отдела НКВД-НКГБ КФССР комбриг С. Я. Вершинин [1; 30].

О деятельности разведывательно-диверсионных групп в полосе Карельского фронта 4-й отдел НКВД-НКГБ КФССР регулярно докладывал П. А. Судоплатову. В архивных материалах УФСБ РФ по РК имеется его переписка с руководством 4-го отдела НКВД КФССР, которая позволяет выявить его роль в организации террора и диверсий в тылу финских войск. Анализ переписки показывает, что на протяжении всех лет войны П. А. Судоплатов внимательно следил и направлял деятельность 4-го отдела НКВД-НКГБ КФССР по организации активной

разведывательно-диверсионной работы в тылу финских войск. Однако эта деятельность была сопряжена с большими трудностями. Несмотря на то что на Карельском фронте не было сплошной линии фронта, стыки оборонительных рубежей тщательно охранялись финскими караулами и патрулями, минировались дороги, тропы и дома, использовалась светоракетная сигнализация [9; 11, 164, 172]. Разведчикам в суровых климатических условиях Карелии приходилось в длительных походах преодолевать бездорожье, многочисленные озера и реки.

Первый период разведдеятельности 4-го отдела НКВД КФССР (вторая половина 1941 – начало 1942 года) оказался наиболее трудным, так как многое приходилось начинать с нуля: заново выяснять наличие на оккупированной территории агентуры и преданных советской власти людей; выявлять и привлекать к работе лиц, располагавших надежными связями в тылу противника (а таких лиц по обе стороны фронта было не так много [5; 267, 411]). При этом приходилось учитывать, что на оккупированной финнами территории Карелии в 1941–1944 годах находилось всего около 86 тыс. человек: в основном это были женщины, старики и дети, использование которых в оперативных целях было достаточно сложным делом [4; 48, 52, 61, 62].

До перелома в ходе войны многие местные жители боялись встреч с партизанами и разведчиками, отказывались принимать их и давать какую-либо информацию. Как правило, в состав разведгрупп включали бойцов, которые имели родственников на оккупированной территории. Но обратившись к родственникам, разведчики часто слышали: «Уходи, а не то нас убьют». В довершение ко всему имелись случаи предательства как среди местных жителей, так и среди разведчиков, которые шли на уговоры родных и сдавались финским оккупационным властям.

Следует отметить, что в начальный период войны примеров эффективной деятельности разведывательно-диверсионных групп было немного. Но вся информация о противнике, добытая разведчиками несмотря на огромные потери и трудности, передавалась в разведотдел штаба Карельского фронта и в отделы НКГБ КФССР, которые осуществляли «разработку» граждан, подозреваемых в шпионаже или антисоветской деятельности.

Анализ неудовлетворительной деятельности разведывательно-диверсионных групп был проведен на совещании в НКВД КФССР в ноябре 1942 года. На нем отмечалось, что многие работники 4-го отдела разведработой ранее не занимались, поэтому допускали «роковые ошибки». Была проанализирована существующая практика работы, выработаны новые принципы и система подготовки разведкадров. В марте 1943 года уже отмечались некоторые положительные

сдвиги, но требовалось улучшить работу переправочного пункта.

По мере накопления опыта, более глубокого и тщательного изучения обстановки на оккупированной финскими войсками территории Карелии росла и эффективность проводимых в 1943–1944 годах мероприятий. В качестве примера можно привести выполнение заданий целью рядом спецгрупп НКВД КФССР.

После длительной подготовки в августе 1943 года на территорию оккупированного финнами Шелтозерского района 4-м отделом НКВД КФССР была переброшена агентурная группа «Аврора» (другое название – агентурная группа «База № 2»), которая, потеряв радистов, соединилась с подпольной группой Д. М. Горбачева и до апреля 1944 года активно занималась сбором разведанных об оборонительных сооружениях финских войск на западном побережье Онежского озера и на свирском участке фронта. В своей работе разведчики опирались на старосту д. Горное Шелтозеро Д. Е. Тучина и на актив из числа молодежи. Связь с Тучиным была установлена 24 августа 1943 года. Староста оказывал существенную помощь группе, которая нелегально проживала в его доме, а с наступлением холодов в землянке в лесу, подальше от деревни. По заданию группы Тучин собирал разведывательные данные как по району, так и по Петрозаводску, куда выезжал по служебным делам [2; 26–40]. О деятельности группы «Аврора» 4-й отдел НКГБ КФССР регулярно докладывал начальнику 4-го управления НКВД-НКГБ СССР П. А. Судоплатову. В центральном аппарате НКВД СССР высоко оценивали работу этой агентурной группы. Возможности Тучина заинтересовали 4-е управление, готовившее ликвидацию начальника штаба Военного управления Восточной Карелии [2; 144]. Именно поэтому 24 мая 1944 года П. А. Судоплатов и заместитель начальника 1-го отдела 4-го управления НКГБ СССР Б. А. Рыбкин направили наркому госбезопасности КФССР А. М. Кузнецову указание (№ 4/1/3894) о ликвидации начальника штаба Военного управления Восточной Карелии генерал-майора И. В. Араюри и предложили свой план с использованием Тучина. Выбор последнего П. А. Судоплатов обосновывал рядом причин: во-первых, он как староста пользовался доверием у врага, мог свободно ездить в Петрозаводск, где имел знакомых; во-вторых, по своему положению мог найти предлог для посещения здания штаба Араюри, чтобы познакомиться с расположением служебных помещений, системой охраны, обслуживающим персоналом; в-третьих, как бывший комендант домов СНК КФССР мог иметь знакомых среди обслуживающего персонала здания штаба Араюри [10; 139–140]. На появление данного документа во многом повлиял пример известного разведчика и специалиста по

диверсиям и террору 4-го управления НКВД-НКГБ СССР Н. И. Кузнецова, которого лично готовил П. А. Судоплатов.

Карельский исследователь Э. П. Лайдинен называет причины, по которым покушение на Араюри не состоялось: «Во-первых, приказ на ликвидацию Араюри поступил в секретариат НКГБ КФССР (Беломорск) только 24 июня 1944 г. В то время как финские войска уже 17 июня приступили к всеобщей эвакуации из Петрозаводска и рано утром 28 июня последние финские солдаты покинули Петрозаводск, а в 10 часов утра того же дня передовые отряды Онежской военной флотилии в рамках Свирско-Петрозаводской операции (21.06–09.08.1944) высадились в город. Во-вторых, НКГБ КФССР не располагал точными сведениями о положении в оккупированном Петрозаводске. Так, генерал-майор Й. В. Араюри еще в августе 1943 г. покинул Петрозаводск, вместо него начальником ВУВК был назначен бывший начальник Олонекского округа полковник Олли Палохеймо, который находился на указанной должности вплоть до окончания оккупации Петрозаводска. В-третьих, 4-й отдел НКГБ КФССР не располагал возможностями для выполнения вышеуказанного приказа вследствие отсутствия у НКВД-НКГБ КФССР опыта проведения подобных террористических операций, опытных кадров из числа сотрудников и агентуры, необходимой подготовки» [10; 141]. Несмотря на неудачу, которая, на наш взгляд, была вызвана объективными обстоятельствами, в целом деятельность агентурной группы «Аврора» следует признать весьма результативной.

Необходимо отметить, что разведывательно-диверсионной деятельности органов НКВД Карелии на Севере в период военных действий противостояли серьезные противники – финская и немецкая разведки. В конце 1941 – начале 1942 года на территории Финляндии и оккупированной части территории Карелии финская и германская разведки создали шесть разведывательных школ: в Петрозаводске и Рованиemi (по две школы), Медвежьегорске и Суомуссалми.

Петрозаводская школа финской разведки, или Петрозаводская разведшкола, была самой крупной. Она появилась в ноябре 1941 года. В апреле – мае 1942 года Петрозаводская разведшкола размещалась в здании лесотехникума, которые находились на юго-западной окраине города. По разным данным, в школе было подготовлено до 300 агентов [8; 85].

Среди важнейших задач, которые ставил Судоплатов в годы войны перед территориальными органами НКВД, была задача выявлять и ликвидировать разведывательные школы противника, которые находились на временно оккупированной Германией и ее союзниками территории СССР. Эта проблема находилась в центре внимания советской контрразведки весь период войны и на

Севере. Впервые вопрос об уничтожении Петрозаводской школы финской разведки официально обсуждался в конце сентября 1942 года. Именно тогда 4-й отдел НКВД КФССР совместно с ЦК КП(б) КФССР разработал «План проведения специальных мероприятий по “Т” (террор) и “Д” (диверсии) на временно оккупированной противником территории на период октябрь и ноябрь 1942 г.». Вторым пунктом плана был предусмотрен «Разгром школы разведчиков в г. Петрозаводске в районе лесного техникума». Для этого 4-й отдел НКВД КФССР к 15 октября 1942 года планировал подготовить группу численностью 25 бойцов для заброски их в тыл противника средствами Онежской флотилии. 27 сентября 1942 года план был согласован с наркомом внутренних дел КФССР майором Г. М. И. Баскаковым и 2 октября 1942 года утвержден членом Военного совета Карельского фронта бригадным комиссаром Г. Н. Куприяновым [1], [2], [3].

Однако план НКВД КФССР не был осуществлен. Можно предположить, что в дело вмешалось 4-е управление НКВД-НКГБ, которым руководил П. А. Судоплатов. Видимо, управление посчитало, что данный вопрос надо решать на более высоком уровне, и само захотело принять участие в разгроме Петрозаводской школы финской разведки. Это подтверждается следующим.

25 октября 1942 года по указанию Судоплатова заместитель начальника 4-го управления НКВД СССР старший майор госбезопасности Н. И. Эйтингон запросил руководство НКВД КФССР в кратчайший срок выслать все материалы о финской разведывательной школе в Петрозаводске: численность и расположение охраны, план занятых школой зданий и план прилегающей местности, внутренний распорядок и режим постоянного и переменного состава [3; 77]. После изучения полученных из КФССР документов с целью проведения операции по разгрому Петрозаводской разведшколы в конце 1942 года в составе отдельного мотострелкового батальона особого назначения 4-го управления НКВД СССР был сформирован спецотряд под названием «Суоми» (командир – капитан П. Б. Борисов).

5 февраля 1942 года П. А. Судоплатов отправил шифрограмму на имя наркома НКВД КФССР М. И. Баскакова, в которой говорилось: «Направляем Вам отряд капитана т. Борисова в составе 9 человек, которому поручено произвести отбор 60 бойцов из личного состава, находящегося в Вашем распоряжении, для последующего зачисления в состав бригады особого назначения. Считаю целесообразным использовать его для проведения операции по разгрому финской школы разведчиков, находящейся в г. Петрозаводске. Прошу оказать необходимое содействие капитану Борисову в выполнении возложенных на него задач» [3; 77]. Через несколько дней, 9 февраля

1943 года начальник 4-го отдела НКВД КФССР старший лейтенант госбезопасности Изотов докладывал Судоплатову: «Направляю Вам список бойцов сформированного спецотряда в количестве 46 человек для зачисления в штат бригады. Прошу зачислить бойцов на все виды довольствия и выслать аттестат на указанное количество бойцов» [3; 77]. В конце марта 1943 года весь отряд был передан в оперативное подчинение 4-му отделу НКВД КФССР и пополнен бойцами местного спецотряда. Однако окончательное формирование отряда затянулось на полгода, что было связано с доукомплектованием бойцами местной специальной школы из числа советских финнов и карел, хорошо владеющих финским языком. С этой целью весной 1943 года оперработники 4-го отдела НКВД КФССР выезжали в г. Челябинск для подбора кадров из молодых финнов, эвакуированных (фактически насильственно депортированных) из Карелии в 1941 году (так называемые трудовые армейцы), которых предполагалось использовать в составе специального отряда отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) 4-го управления НКВД СССР.

Анализ архивных документов позволяет утверждать, что отряд «Суоми» так и не был использован по прямому назначению, определенному Судоплатовым, – уничтожение Петрозаводской разведшколы, и в ноябре 1943 года был отозван в Москву [3; 37, 59, 78], [9; 128].

Задачу по уничтожению Петрозаводской школы финской разведки НКВД Карелии пытался решить и собственными силами. 4-й отдел в течение 1942–1944 годов направил в тыл финских войск несколько подготовленных разведывательно-диверсионных групп. Однако эта деятельность так и не увенчалась успехом.

Общие итоги деятельности спецгрупп и отдельных агентов НКВД за годы войны были приведены в справке «О деятельности разведывательно-диверсионных групп органов госбезопасности КФССР в тылу противника в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». За три военных года диверсионными группами было сделано 89 боевых выходов в тыл финских войск. В результате их деятельности было разгромлено 7 гарнизонов противника, убито 467 солдат, офицеров и чиновников оккупационных властей; уничтожено 28 автомашин, 2 самолета, 10 складов с боеприпасами и продовольствием, взорвано и повреждено 62 моста. Кроме спецгрупп в тылу финских войск в агентурной работе были задействованы 233 человека. Добытые разведчиками данные военного характера оперативно использовались штабом Карельского фронта и штабом партизанского движения.

После освобождения республики от финских войск на основании данных зафронтовой агентуры были арестованы свыше 150 человек – агентов разведывательных и контрразведывательных

органов противника, активных предателей и пособников финских оккупационных властей [1], [2], [3]. Успешно осуществлялись операции по разгрому мелких гарнизонов, штабов противника и совершению диверсий на его коммуникациях. Активные же действия по финским спецорганам практических результатов не дали.

Анализ документов показывает, что разведывательно-диверсионная деятельность в тылу противника могла быть более результативной, если бы в ее организации удалось избежать ряда недостатков, на которые постоянно в переписке с 4-м отделом НКГБ-НКВД КФССР указывал П. А. Судоплатов: существовала несогласованность, а порой и нерациональное использование сил и средств НКВД-НКГБ КФССР, разведштаба Карельского фронта и штаба партизанского движения (выход на одних и тех же лиц, работа в условиях провала у «соседей» и др.).

Несмотря на все приказы П. А. Судоплатова, 4-му отделу НКГБ-НКВД КФССР в период войны так и не удалось добиться больших успехов в уничтожении высших должностных лиц финского оккупационного режима и их пособников, а также в ликвидации разведшкол противника. За это НКВД-НКГБ Карелии неоднократно подвергался критике. Так, на заключительном этапе военных действий на Карельском фронте П. А. Судоплатов и Б. А. Рыбкин в одном из документов в адрес министра государственной безопасности А. М. Кузнецова резко критикуют работу 4-го отдела НКГБ КФССР: «Большинство Ваших агентурных групп не имеют в своей работе конкретных результатов. С группами “Подпольщики”, “Боевики”, “Подруги” и “Маяк” связь по неизвестным причинам прекратилась. В работе отдела продолжают иметь ранее отмеченные нами недостатки (слабая работа по “Т”, не ведется диверсионная работа)» [2; 105].

Анализ переписки между Судоплатовым и руководством 4-го отдела НКВД КФССР показывает, что Судоплатов на всем протяжении войны, и особенно на заключительной ее стадии, требовал от подчиненных активной деятельности не только на оккупированной территории Советской Карелии, но и на территории Финляндии. Однако, судя по докладным запискам, которые регулярно отправлялись в Москву 4-м отделом НКВД КФССР, больших результатов и в этом вопросе добиться не удалось. Так, в докладной записке на имя Судоплатова «О работе 4-го отдела НКГБ КФССР на собственной территории Финляндии за 1944 г.», подписанной наркомом госбезопасности КФССР А. М. Кузнецовым и начальником 4-го отдела НКГБ республики В. И. Райманниковым, отмечалось: «В 1944 г. по линии 4-го отдела НКГБ КФССР была подготовлена и переправлена на территорию Финляндии только одна группа “Соседи” в составе агентов “Юрье” (Юнтунен), “Корпи” (Кемпайнен) и “Рае” (Пех-

конен). 4 апреля 1944 г. группа была заброшена самолетом на территорию Финляндии в район Суомуссалми с задачей выявления деятельности Суомуссалмской разведшколы и сбора данных о деятельности Суомуссалмского пункта финской разведки и его агентуры. Задание группа не выполнила. 16 апреля группа направилась к родственникам агента “Корпи” и при попытке установления с ними связи последние выдали группу противнику» [2]. Как стало известно уже после окончания войны, Юнтунен и Кемпайнен были расстреляны, Пехконен был осужден финским судом, но после войны возвратился в СССР.

Далее в докладной записке на имя Судоплатова карельские чекисты пишут: «По этим же причинам (имеется в виду предательство родственников. – С. В.) были провалены и другие разведгруппы, посланные на территорию Финляндии в 1943 г. по линии 4-го отдела НКВД КФССР. Основной причиной слабой работы на территории Финляндии является отсутствие хороших кадров. Кроме того, в связи с эвакуацией населения в начале войны из нашей республики, и в первую очередь финнов, в настоящее время в неоккупированных районах Карелии проживает только несколько сот человек, финнов по национальности, преимущественно простых рабочих, прибывших в СССР в 1930–1932 гг. из Америки. Этот контингент нами неоднократно проверялся, но использовать его для работы в Финляндии не представляется возможным, так как все они из Финляндии давно выехали в Америку и родственных связей в Финляндии не имеют» [2; 150, 151].

В связи со сложившейся ситуацией руководство 4-го отдела НКВД КФССР предложило Судоплатову другой вариант развертывания диверсионно-террористической деятельности на территории Финляндии: использовать в качестве членов разведгрупп, забрасываемых на территорию Финляндии, финнов из числа военнопленных солдат и офицеров финской армии. Они сравнительно недавно покинули родину и имели в Финляндии многочисленных родственников. И такое согласие было получено. В докладной записке на имя Судоплатова от 15 августа 1944 года А. М. Кузнецов и В. И. Райманников сообщали: «В апреле 1944 г. в Череповецкий лагерь военнопленных в командировку выезжал зам. начальника 4-го отдела Павлов. За время командировки им завербовано 5 человек агентуры и проведено 6 встреч с ранее завербованными 6 нашими агентами. Таким образом, всего агентуры по линии 4-го отдела из числа военнопленных финской армии имеется 11 человек. В сентябре 1944 г. нами намечено переправить в Финляндию 4 агентурные группы. В каждую из указанных групп мы наметили послать по одному агенту из числа военнопленных финнов. Базирование групп в Финляндии намечаем на нелегальном положении у родственников агента-военнопленного» [2; 151].

Выполняя указания Судоплатова, карельские чекисты наметили конкретный план действий. В упомянутой выше записке говорилось: «Группа “Техники” в составе агентов “Монтер” и “Музыкант” намечается к переправе в район г. Тампере, где проживают близкие родственники агента “Монтер”. Перед группой ставится основная задача – организовать базу для нашей агентуры при помощи родственников агента “Монтер”. Агентурная группа “Боевые” в составе агента-радиста “Ветрова” и агента “Велли” намечается к переправе в районе г. Иссалми, где проживает и работает начальником почты родственник агента “Велли”. Агентурная группа “Деловые” в составе агента “Тойво-Вейкко” и агента-радиста “Семенов” намечена к переправе в районе г. Ювяскюля под крышу к родственникам агента “Тойво-Вейкко”. Агентурная группа “Артисты” в составе агента “Саккели” и радиста “Звезда” намечена к переправе в район г. Хельсинки под крышу родственников агента “Саккели”. Все группы будут переправляться по воздуху на самолетах» [2; 151].

Изучение архивных документов позволяет сделать вывод о том, что Судоплатов полностью одобрял это направление работы. Летом 1944 года, когда началось освобождение Карелии от финской оккупации, Судоплатов требовал от руководства 4-го отдела НКГБ КФССР продолжить разведывательно-диверсионную деятельность на территории Финляндии: «В связи с наступлением Красной армии против немецко-финских захватчиков Вам необходимо максимально использовать все возможности, и особенно обстоятельства эвакуации населения для засылки нашей агентуры на собственную территорию Финляндии. С каждым из направляемых агентов нужно тщательно отработать задание и условия связи. Особенно это относится к перспективным агентам: Тучину, “Патриоту”, “Моряку” и др. Дайте задание разведывательно-диверсионным группам о необходимости по мере продвижения Красной армии отходить в западном направлении с тем, чтобы продолжить работу на территории Финляндии» [2; 151].

К осени 1944 года по указанию П. А. Судоплатова 4-м отделом НКГБ КФССР для работы на территории Финляндии были подготовлены 29 агентов, владеющих финским языком и хорошо знакомых с жизнью и бытом страны. Многие из них имели родственников в Финляндии [2; 170]. Однако развернуть эту работу не удалось, так как в сентябре 1944 года страна вышла из войны и было заключено перемирие между СССР и Финляндией.

Таким образом, анализ переписки Судоплатова с руководством 4-го отдела НКВД-НКГБ КФССР позволяет сделать некоторые выводы о нем как видном деятеле НКВД СССР в период Великой Отечественной войны, крупном специалисте по организации диверсий и террора в тылу против-

ника. С одной стороны, его замечания и предложения носили четкий и конкретный характер и несомненно помогали повысить результативность этой работы. С другой стороны, в приказах Судоплатова содержалась резкая критика карельских чекистов за их деятельность против разведшкол противника и отсутствие конкретных операций против руководителей финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 годах. Но все же критика Судоплатова не всегда была обоснованна. 4-е управление НКВД-НКГБ СССР, ставя перед НКВД-НКГБ КФССР сложные задачи по проведению разведывательно-диверсионной деятельности в военный период в тылу финских войск, часто подходило к оккупированной территории Карелии так же, как и к другим временно оккупированным советским территориям: Белоруссии, Смоленской, Брянской и другим областям. Однако финский оккупационный режим был даже более строгим, чем немецкий: практи-

чески все русское население было заключено в концентрационные или трудовые лагеря, а в деревнях, в которых проживало карельское и вепское население, установлен жесткий контроль за передвижением сельских жителей. Финские оккупационные власти принимали самые суровые меры к лицам, заподозренным в оказании помощи партизанам и разведчикам: их заключали в тюрьмы, судили и часто расстреливали прямо на глазах у односельчан. Все это не могло не сказываться на населении, оказавшемся на оккупированной финнами территории Карелии.

Все эти факторы объясняют ситуацию, при которой масштаб разведывательно-диверсионной деятельности органов НКВД в тылу финских войск на Карельском фронте значительно уступал масштабу подобной работы на других фронтах в тылу немецких войск. Однако это не умаляет вклад чекистов Карелии в общую победу над противником.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Павел Анатольевич Судоплатов (1907–1996) с 1925 года работал в органах ОГПУ-НКВД-НКГБ, был одним из руководителей советской внешней разведки, специалистом по организации террора. В 1938 году в Роттердаме (Нидерланды) Судоплатов ликвидировал лидера украинских националистов Е. Коновальца, в 1939–1940 годах занимался подготовкой операции «Утка» по ликвидации Л. Д. Троцкого. В годы Великой Отечественной войны комиссар госбезопасности П. А. Судоплатов возглавил 4-е управление НКВД СССР, главной задачей которого являлась организация диверсий и террора в тылу войск нацистской Германии и ее союзников. Судоплатов руководил партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в ближнем и дальнем тылу противника, координировал работу агентурной сети на территории Германии и ее союзников. В августе 1953 года он был арестован и обвинен в участии в «заговоре Берия». Виновным себя не признал. В сентябре 1958 года осужден на 15 лет лишения свободы. В августе 1968 года вышел из заключения. Более 20 лет вел борьбу за свою реабилитацию и только 10 февраля 1992 года был реабилитирован по Закону РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991. Самостоятельно и в соавторстве с сыном А. П. Судоплатовым написал несколько книг, опубликованных как в России, так и за рубежом [6], [7].

ИСТОЧНИКИ

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК). ФСДП. Оп. 1. Д. 302. Л. 2. Литер. дело 9. Л. 30.
2. Архив УФСБ РФ по РК. ФКРО. Оп. 1. Д. 95. Л. 26–40.
3. Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Т. 10. Л. 37, 59, 78.
4. Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1941–1956 гг. Петрозаводск, 1999. 306 с.
5. По обе стороны Карельского фронта: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. 636 с.
6. Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930–1950 годы. М., 2003. 688 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

7. Веригин С. Г. Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД (НКГБ) Карелии в тылу финских войск (1941–1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 2005. С. 124–141.
8. Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941–1944 гг. // Подвигу жить в веках: Материалы военно-исторической конф., посвящ. 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Петрозаводск, 2005. С. 81–88.
9. Карельский фронт в годы Великой Отечественной войны. М., 1984. 359 с.
10. Лайдинен Э. П. НКВД-НКГБ против генерала Араюри (террор НКВД-НКГБ КФССР в годы Великой Отечественной войны) // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии: Материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения известного музейного деятеля и краеведа Северного Приладожья Т. А. Хаккарайнена и 375-летию Сортавалы (11–13 июня 2007 г., Сортавала). Петрозаводск, 2007.
11. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1.
12. Погоний Я. Лубянка, 2: Из истории отечественной контрразведки. М., 1999.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории дореволюционной России исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
pashkov@psu.karelia.ru

«В СТРЕЛЯНИИ ЗВЕРЕЙ УПРАЖНЯЮЩИХСЯ...»: МОБИЛИЗАЦИЯ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В ОПОЛЧЕНИЕ В 1812 ГОДУ*

На основе архивных материалов описывается набор 126 стрелков из числа приписных крестьян Петрозаводского уезда Олонецкой губернии для борьбы с армией Наполеона в 1812 году. Основное внимание уделяется действиям местных учреждений по организации набора и отношению к набору приписных крестьян.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, Олонецкая губерния, приписные крестьяне, олонечкие стрелки, ополчение

В современной историографии Отечественной войны 1812 года все большее значение приобретает изучение социальных аспектов этой войны, в частности проблемы ее влияния на российскую провинцию¹. В этой большой проблеме можно вычленить несколько более частных вопросов: отношение к войне различных сословий, территорий и народностей, проведение на местах рекрутских наборов и наборов в ополчение, сбор пожертвований на борьбу с Наполеоном, деятельность военной промышленности, эвакуация в тыловые губернии людей и ценностей из губерний, охваченных войной, пребывание в тыловых губерниях французских пленных, демографические последствия войны и т. д.

В данной статье рассматривается проведение мобилизации стрелков из числа приписных крестьян Олонецкой губернии на службу в Петербургское ополчение 1812 года. Приписные крестьяне – государственные крестьяне, переданные в ведение казенных горных заводов (горнодобывающих и металлургических предприятий). Эта категория крестьян существовала с конца XVII века и до 1861 года. Зависимость приписных крестьян от руководства горными заводами выражалась в том, что они не платили подушной подати и оброчного сбора (основных налогов, собиравшихся с государственных крестьян), а должны были отрабатывать их на заводах. В основном приписные крестьяне были заняты на вспомогательных заводских работах (заготовка дров, выжиг угля, добыча руды, перевозка грузов и т. д.).

В Олонецкой губернии приписные крестьяне обслуживали Олонецкие горные заводы, которые в последней четверти XVIII – первой половине XIX века были основными поставщиками корабельной и крепостной артиллерии для русской армии и флота. С 1805 года приписные крестьяне проживали только в Петрозаводском уезде². По ревизии 1811 года, их насчитывалось 21 110 душ мужского пола [5; 41]. Профессор Пе-

тербургского педагогического института статистик К. И. Арсеньев писал в 1812 году: «Ныне приписных крестьян считается до 20 055 душ» [9; 332]. Небольшая разница в цифрах вызвана, вероятно, рекрутскими наборами 1812 года.

Первыми серьезными предвестиями будущей войны стали 81-й рекрутский набор, проводившийся в 1811 году из расчета 4 рекрута с 500 душ, и 82-й набор, проводившийся в начале 1812 года из расчета 2 человека с 500 душ [13; 200], по которым приписные крестьяне отправили в армию около 200 человек [5; 41]. После начала войны, 4 августа 1812 года, был объявлен 83-й набор рекрутов из расчета 8 человек с 500 душ, по которому приписные крестьяне должны были отправить в армию еще 422 рекрута [5; 42].

Другим испытанием стало решение Комитета министров от 19 июля о наборе из охотников Олонецкой и Вологодской губерний не менее чем по 500 стрелков [11; 88]. Петербургский генерал-губернатор С. К. Вязмитинов направил губернаторам Олонецкой губернии В. Ф. Мертенсу³ и Вологодской губернии Н. И. Баршу⁴ предписания, чтобы они «по получении сего тотчас приказали набирать из обитающих в вашей губернии народов, в стрелянии зверей упражняющихся, до 500 человек и более и по сборе оных с теми самыми ружьями, которые они при своем промысле употребляют, отправили их на подводах в С.-Петербург для причисления их к тому ополчению, которое здесь против неприятеля, вторгнувшегося в пределы России, составляется» [12; 272–273]. Получив 21 июня это предписание, губернатор В. Ф. Мертенс собрал на следующий день губернское правление, которое приняло решение набрать из приписных крестьян Петрозаводского уезда 126 стрелков [6; 1]. Необходимо добавить, что эти стрелки шли в зачет 83-го рекрутского набора. Кроме того, 19 июля Комитет министров принял решение об отправке из Олонецкой губернии 3000 крестьян с телегами и лошадьми для перевозки военных

грузов в Новгородскую губернию. Решением Олонецкого губернского правления приписные крестьяне Петрозаводского уезда должны были выставить для выполнения этой повинности 1408 крестьян с лошадьми и телегами.

Для набора стрелков горный начальник обер-берггауптман 5-го класса⁵ А. В. Армстронг⁶ распорядился расписать стрелков по вотчинам⁷. В результате руководивший правлением Олонецких заводов обер-бергмейстер⁸ Чернышев 30 июля подготовил следующий документ [7; 23].

Расписание, сколько следует взять с заводских крестьян стрелков

С вотчин	Число душ по ревизии	Должно взять стрелков
Остречинской	1991	12
Шуйской	3536	21
Салменижской	3317	20
Петропавловской	2703	15
Кижской	3082	19
Толвуйской	3727	22
Рыборецкой	2754	17
Итого	21 110	126

Для набора стрелков в селения приписных крестьян были командированы горные офицеры. Один из них, обер-бергмейстер Ф. И. Бутенев, так описал ход набора в своем донесении А. В. Армстронгу: «В Кондопожскую волость прибыл вчера в 9 часов и, распорядясь как умел, разослал в час пополудни по всей вотчине голову, писаря, старшину, бывшего голову Якова Петунова и нечаянно встретившегося почти без дела Копырева, и по взятым мерам надеюсь, что к воскресенью и по сей вотчине сберут. Слух о наборе бежит безостановочно впереди меня сильнее ветра. По ближайшем рассмотрении местных обстоятельств за необходимое почел я не держаться расписания, а где сколько уловить можно способных, ибо в Кижях и Толвуде более рыболовов, нежели птицестрелов. К тому же укрывательство и сие число значительно уменьшить может... На сем основании с Петропавловской вотчины назначил более пропорции, зато уверяют, что из записанных две трети почти лучшие мастера, два последних набора укрывались и по справедливости на службу из первых. При всем том все меры употреблю, чтобы и по заонежским двум вотчинам собрать предполагаемое число стрелков, и тогда здешних можно часть возвратить. Отдохнув здесь два часа, сию минуту отправляюсь через Лижму в Кизи, где при удобном случае об успехах моего дела не премину вам донести...» Донесение Ф. И. Бутенева было отправлено из Кондопожской волости (вероятно, из села Кондопога) 25 июля в 4 часа утра [1; 4].

Особенностью Петрозаводска конца XVIII – первой половины XIX века было существовав-

шее там своего рода двоевластие. Город был одновременно губернским и горнозаводским центром, и там, помимо губернатора и губернских учреждений и чиновников, находились горный начальник, руководивший обширным Олонецким горным округом с 20 тысячами приписных крестьян, десятками рудников, Александровским пушечным заводом с тремя филиалами (литейными заводами в Кончезере, Кронштадте и Санкт-Петербурге), более тысячи мастеровых и несколько десятков горных офицеров. У горнозаводского ведомства в Петрозаводске были свой госпиталь, заводское училище и даже своя полиция. Губернатор подчинялся министру внутренних дел, а горный начальник – Департаменту горных и соляных дел Министерства финансов. Поэтому между губернским и горнозаводским ведомствами постоянно возникали противоречия, а иногда это противостояние перерастало в конфронтацию.

В связи с набором стрелков также возник конфликт между губернатором В. Ф. Мертенсом и горным начальником А. В. Армстронгом. Инициатором этого конфликта был В. Ф. Мертенс. Горный офицер Н. Ф. Бутенев, сын Ф. И. Бутенева и начальник Олонецких горных заводов в 1843–1858 годах⁹, в своих мемуарах дал ему такую характеристику: «Губернатором в Петрозаводске был тогда действительный статский советник Вил<им> Федор<ович> Мертенс, колоссального роста, вершков двенадцати¹⁰, из бывших павловских телохранителей¹¹ или серебряных кирасиров, но как велик телом, так мал был по душе и по уму, но при том интриган, но бесхарактерный и робкий, постоянно заводивший ссоры с заводским начальством, но обыкновенно оканчивавшиеся не в его пользу» [10, 73].

Когда первая партия стрелков из 66 человек прибыла в Петрозаводск, губернатор В. Ф. Мертенс устроил им смотр, на котором они пожаловались губернатору, что «вовсе никогда не упражнялись в стрельбании зверей и не имеют понятия, каким образом должно заряжаться ружье». В. Ф. Мертенс немедленно написал отношение на имя А. В. Армстронга, в котором обвинил его в нарушении предписания С. К. Вязмитинова о наборе стрелков, «кои упражнялись в стрельбании зверей», и потребовал от него усилить контроль за набором стрелков: «...если, паче чаяния, кои действительно не знают употребления оружейного и не упражнялись в стрельбании зверей, то по заведыванию вашему крестьян Петрозаводского уезда и долженствует уже все оное оставаться непосредственно на ответственности вашей, а дабы и остальные 60 человек, с заводских селений следующие стрелки были представлены совершенно упражняющимися в стрельбании зверей, как в предписании г. Главнокомандующего в Петербурге сказано, я покорнейше прошу вас, милостивый государь мой, не оставить иметь за сим надлежащего наблюдения и дать кому сле-

дует строжайшие предписания о немедленном сборе остальных стрелков, которых я обязан, ни минуты не медля, отправить в дальнейший путь» [3; 54 об.].

Ответ А. В. Армстронга был быстрым, жестким по сути, но корректным по форме: «...долгом поставлю изъяснить, что, хотя при осмотре вами... представленных из правления Олонецких заводов 66 человек стрелков, многие из них и объявили, что вовсе никогда не упражнялись в стрельянии зверей и не имеют понятия, каким образом заряжают ружье, но таковым их объяснениям веры дать нельзя по той причине, что заводское правление при выборе оных основывалось на показаниях волостных правлений и целых крестьянских обществ, которым стрелки сии более известны. Если бы начальство решилось принимать в уважение подобные отговорки стрелков, то <нрзб.> много потеряло бы напрасно времени для открытия истины их показаний, ибо всякий из них для избежания сей повинности старался бы утверждать, что он не только не умеет стрелять, но не знает вовсе и того, как должно зарядить ружье. От таковых изысканий умедлялось бы только выполнение сей толико важной государственной повинности, не терпящей никакого отлагательства» [2; 40].

О том, как происходил дальнейший набор стрелков из числа приписных крестьян Петрозаводского уезда, можно узнать из пометы на одном из документов Олонецкого горного правления: «16 числа августа отправлено стрелков 9 человек и 21 ч<еловек> приготовлены к отправлению 24 ч<исла>. За тем осталось 4 человека» [8; 54 об.]. Эти данные подтверждаются и в представлении обер-бергмейстера Чернышева на имя горного начальника А. В. Армстронга от 21 августа: «...в число требуемого по повелению правительства с Петрозаводского уезда количества стрелков в разные времена с ружьями и при надлежащем им вознаграждении на каждого десятию рублина деньгам (так! – А. П.), к господину олонецкому гражданскому губернатору доставлено 122 человека, достальных затем 4 человека в скором времени отосланы к нему, г. губернатору, будут» [8; 55].

Но как видно из отношения губернатора В. Ф. Мертенса на имя горного начальника А. В. Армстронга от 24 августа, даже к этой дате

Олонецкое горное правление не смогло представить оставшихся 4 стрелков [4; 60–60 об.]. Вероятно, вскоре 4 недостающих стрелка были отправлены в Петербург, поскольку в обнаруженных документах какие-либо упоминания о некомплекте стрелков отсутствуют.

Из олонецких стрелков была сформирована 17-я дружина Петербургского ополчения, которая выступила на фронт 19 октября 1812 года, принимала участие в завершающем этапе Отечественной войны 1812 года, заграничных походах 1813–1814 годов и дошла до Парижа¹².

Анализируя сведения о проведении набора в олонецкие стрелки среди приписных крестьян Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, можно сделать ряд выводов. Набор стрелков в ополчение среди приписных крестьян Петрозаводского уезда был проведен быстро и организовано, примерно в течение пяти недель. Это произошло благодаря активности, требовательности, деловым качествам и умелой распорядительности нескольких горных офицеров (А. В. Армстронга, Ф. И. Бутенева, Чернышева и др.). На их фоне деятельность губернатора В. Ф. Мертенса нельзя признать успешной и конструктивной. Отношение приписных крестьян к призыву в ополчение было сдержанным. Показательно коллективное заявление, сделанное ополченцами губернатору В. Ф. Мертенсу, об их неумении обращаться с ружьями. Но, с другой стороны, в документах не зафиксированы факты массового уклонения от набора и бегства уже набранных стрелков. Вероятно, опасения Ф. И. Бутенева о массовом «укрывательстве» от набора оказались преувеличенными, хотя горнозаводским чиновникам пришлось напрячь все силы, чтобы завершить набор к концу августа. Показательно замечание Ф. И. Бутенева о том, что в стрелки пошли крестьяне, уклонившиеся от предвоенных рекрутских наборов.

Таким образом, наборы в ополчение, происходившие в 1812 году среди приписных крестьян Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, были явлением сложным и неоднозначным. Успех в наборе стрелков был обеспечен благодаря патриотизму и управленческой активности горнозаводских офицеров и пониманию необходимости участия в защите России, в целом проявленному приписными крестьянами.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В последние годы был защищен ряд диссертаций, посвященных влиянию Отечественной войны 1812 года на российскую провинцию: [14], [16], [17], [18], [20], [22], [24], [26], [27], [28], [29], [30] и др.

² Подробнее о приписных крестьянах Олонецкой губернии см. [13].

³ Виллим Федорович Мертенс (1761–1839) был олонецким гражданским губернатором в 1804–1821 годах. Подробнее о нем см. [20; 44–47].

⁴ Николай Иванович Барш (1762–1816) был вологодским гражданским губернатором в 1811–1813 годах.

⁵ Обер-берггауптман V класса – горный чин, по «Табели о рангах» находился между полковником и генерал-майором.

- ⁶ Армстронг Адам Васильевич (1762–1818) – выходец из старинного шотландского дворянского рода, с 1785 года служил на Олонецких горных заводах, в 1807–1818 годах – начальник Олонецких горных заводов.
- ⁷ Вотчина – возникшая в 1790-е годы административная единица по управлению приписными крестьянами Олонецкого горного округа. Каждая вотчина состояла из нескольких волостей и подчинялась правлению заводов [13; 44].
- ⁸ Обер-бергмейстер – горный чин VII класса, равный по «Табели о рангах» подполковнику.
- ⁹ Подробнее о Н. Ф. Бутеневе см. [23; 143–165].
- ¹⁰ Вершок, старинная русская мера длины, равная 4,445 см. Поскольку минимальный рост человека считался равным 2 аршинам (142,24 см), то в обыденной речи и неофициальных текстах 12 вершков означало, что рост В. Ф. Мертенса был 2 аршина 12 вершков, то есть 195,6 см.
- ¹¹ Павел I Петрович (1754–1801), российский император в 1796–1801 годах, сын Петра III и Екатерины II, в 1783–1796 годах жил в Гатчине, где имел свой двор и небольшую армию, убит заговорщиками в ночь с 11 на 12 марта 1801 года.
- ¹² Подробнее о боевом пути олонечких стрелков см.: [19; 519], [23; 24–27].

ИСТОЧНИКИ

1. Донесение обер-бергмейстера Ф. И. Бутенева горному начальнику А. В. Армстронгу от 25 июля 1812 года // Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 37. Оп. 5. Д. 77/523. Л. 44 об.
2. Отношение горного начальника А. В. Армстронга олонечкому губернатору В. Ф. Мертенсу от 14 августа 1812 года // НА РК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 77/523. Л. 40.
3. Отношение олонечкого губернатора В. Ф. Мертенса горному начальнику А. В. Армстронгу от 11 августа 1812 года // НА РК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 77/523. Л. 31–32.
4. Отношение олонечкого губернатора В. Ф. Мертенса горному начальнику А. В. Армстронгу от 24 августа 1812 года // НА РК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 77/523. Л. 60–60 об.
5. Письмо начальника Олонецких горных заводов А. В. Армстронга министру финансов Д. А. Гурьеву от 14 августа 1812 года (черновик) // НА РК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 77/523. Л. 41–44.
6. Предписание горного начальника А. В. Армстронга обер-бергмейстеру Ф. И. Бутеневу // НА РК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 77/52. Л. 1.
7. Представление обер-бергмейстера Чернышева горному начальнику А. В. Армстронгу от 30 июля 1812 года // НА РК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 77/523. Л. 22–23.
8. Представление обер-бергмейстера Чернышева горному начальнику А. В. Армстронгу от 21 августа 1812 года // НА РК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 77/523. Л. 54–55.
9. Арсеньев К. И. Описание Олонецких заводов, с самого их основания, до последних времен, с кратким обозрением Олонецкой губернии // Труды Минералогического общества. Т. 1. СПб., 1830. С. 281–333.
10. Бутенев Н. Ф. Записки горного офицера // Север. 2003. № 5–6. С. 70–83.
11. Журналы комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826 гг. Т. 2. 1810–1812 гг. СПб., 1891. 929 с.
12. Предписание петербургского генерал-губернатора С. К. Вязмитинова вологодскому гражданскому губернатору Н. И. Баршу о сборе охотников для пополнения Петербургского ополчения // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сборник документов / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1962. С. 272–273.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

13. Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1962. 352 с.
14. Белоусов С. В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (на материалах Среднего Поволжья): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2007. 40 с.
15. Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М.: Изд-во социально-экономической лит., 1962. 611 с.
16. Бессонов В. А. Военнопленные Великой армии 1812 года в России: По материалам Калужской губернии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001. 21 с.
17. Говорова А. В. Черноморское казачество в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813–1814 годов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2009. 21 с.
18. Дерышева И. Г. Патриотизм дворянства в Отечественной войне 1812 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 23 с.
19. Жмодиков Ю. Л., Подмазо А. А. Олонецкие стрелки // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 519.
20. Иванов М. Ю. Симбирское ополчение в Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе 1813–1814 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002. 21 с.
21. Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы: Биографический справочник. Изд. 2-е. Петрозаводск: ООО «Строительный стандарт», 2012. 140 с.
22. Лапина И. Ю. Земское ополчение России 1812–1814 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008. 47 с.
23. Малышкин С. А., Щедринский Б. Н. Олонецкие стрелки в Отечественной войне 1812 года // Бомбардир. 1995. № 4. С. 24–27.
24. Мельникова Л. В. Отечественная война 1812 года и Русская православная церковь: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 23 с.
25. Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. 304 с.
26. Сафронова Л. А. Обеспечение внутренней безопасности и общественного порядка в Российской империи: 1806–1814 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. 20 с.
27. Скворцов А. А. Северный Кавказ в период борьбы России с Наполеоном и историческая память местного общества об эпохе 1812–1815 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009. 26 с.
28. Соловьева С. В. Войско Донское в период Отечественной войны 1812 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1995. 16 с.
29. Хомченко С. Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. 22 с.
30. Цеглеев Э. А. Участие Вятской губернии в отечественной и освободительной войнах 1812–1814 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2009. 24 с.

АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВИЧ МЕЛЬНИК
кандидат исторических наук, заведующий архитектурным
отделом, Государственный музей-заповедник «Ростовский
кремль» (Ростов, Российская Федерация)
rost-vest@rambler.ru

СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ КАК ЦЕНТР ПОЧИТАНИЯ РУССКИХ СВЯТЫХ В СЕРЕДИНЕ XV–XVI ВЕКАХ

Рассматривается история почитания русских святых в Соловецком монастыре середины XV–XVI веков, за исключением культов местных подвижников Зосимы и Савватия. Выяснено, что существовал явный разрыв между большим числом святых, почитавшихся формально, и малой группой подвижников, которых монашеское сообщество идентифицировало как своих подлинных покровителей.

Ключевые слова: XV–XVI века, Соловецкий монастырь, почитание святых

Важнейшей чертой религиозной жизни в русских монастырях допетровской Руси являлось почитание святых. Однако конкретные проявления такого почитания остаются слабо изученными. В русле данной проблематики рассмотрим историю почитания русских святых в Соловецком монастыре середины XV–XVI веков, за исключением культа местных подвижников Зосимы и Савватия. Работа построена на основании анализа двух групп источников. Первую составляют рукописные книги, отражающие богослужебную практику Соловецкого монастыря, точнее, за одним исключением [3], не сами эти источники, а их научные описания, содержащие данные о почитании святых [5], [8], [9], [10]. Вторая группа включает в себя пять описей Соловецкой обители: 1514, 1549, 1570, 1582 и 1597 годов [2]. Обратимся к источникам первой группы. Старейшим из них является псалтирь с воследованием, которая, согласно надписи на ней, принадлежала, очевидно, самому основателю Соловецкого монастыря святому Зосиме [2; 212], [5; 423]. Ныне ее датируют либо серединой XV века [2; 212], либо третьей четвертью того же столетия [4; 150]. Так или иначе, но ясно одно: данная псалтирь использовалась в богослужебной практике Соловецкого монастыря первых десятилетий его существования. Таким образом, «Псалтирь Зосимы» представляет собой своего рода отправную точку в рассмотрении предложенной темы.

В месяцесловной части названной псалтири содержатся памяти лишь следующих пяти русских святых: Петра, митрополита Московского, преподобного Феодосия Печерского, князей Владимира, Бориса и Глеба [3; 254, 278 об., 292 об., 295 об.]. Теперь трудно определить, все ли это почитавшиеся в Соловецком монастыре того времени русские подвижники благочестия, поскольку до нас не дошли другие столь же ранние его богослужебные книги. Однако маловероятно, чтобы данный список мог быть существенно расширен.

Очевидно, существенное увеличение круга почитаемых в Соловецком монастыре русских святых произошло в конце XV века. Свидетельством тому являются служебник, церковный устав и минея, которые заказал для своей обители в 1494 году соловецкий игумен Досифей. Надо полагать, данные книги использовались в монастырской культовой практике не только в первое время после их создания, но и в XVI–XVII веках, что подтверждается приписками в некоторых из них, относящимися к последним двум столетиям [10; 16, 18, 19, 178–179].

Устав Досифея 1494 года предписывал праздновать памяти следующих русских святых: Алексия, митрополита Московского, Антония Печерского, князей Бориса и Глеба, Варлаама Хутынского, князя Владимира, Димитрия Прилуцкого, Игнатия Ростовского, Ионы, митрополита Московского, Кирилла Белозерского, Леонтия Ростовского, Михаила и Феодора Черниговских, Петра, митрополита Московского, Сергия Радонежского [10; 178].

Сборник Досифея 1494 года, обозначенный на переплете как «Менея новым чудотворцем» [2; 219], включает в себя службы и другие песнопения русским святым: Алексию Московскому, Антонию Печерскому, Борису и Глебу, князю Владимиру, Димитрию Прилуцкому, Евфимию Новгородскому, Игнатию Ростовскому, Ионе Московскому, Леонтию Ростовскому, Михаилу и Феодору Черниговским, Петру Московскому, Савве Вишерскому, Сергию Радонежскому, Феодосию Печерскому. В том же сборнике присутствуют жития русских святых Алексия Московского, князя Владимира, Димитрия Прилуцкого, Игнатия Ростовского, Леонтия Ростовского, Михаила Черниговского и боярина его Феодора, Никона Радонежского, княгини Ольги, Петра Московского, Саввы Вишерского, Сергия Радонежского и Сказание о Борисе и Глебе [9; 358–424].

Наличие в богослужебных книгах монастыря конца XV века памяти, служб и житий, относящихся к названным выше девятнадцати святым,

свидетельствует об их почитании в данной обители. Среди перечисленных подвижников благочестия в основном общепризнанные в то время русские святые, но есть и те, чье почитание только начинало приобретать общерусский характер. Таковы Евфимий Новгородский, Иона Московский, Никон Радонежский и Савва Вишерский.

В XVI веке, судя по бытовавшим в Соловецком монастыре богослужебным книгам, состав почитавшихся в нем русских святых продолжал активно пополняться. Особенно наглядно это демонстрирует все тот же досифеев устав 1494 года, в котором на полях позднее, очевидно, в XVI столетии, были приписаны памяти святых Александра Невского, Александра Свирского, Дионисия Глушицкого, Зосимы Соловецкого, Ионы, архиепископа Новгородского, Макария Калязинского, Михаила Клопского, Никона Радонежского, Павла Комельского, Пафнутия Боровского, Савватия Соловецкого [10; 178–179]. Из других книг явствует, что в монастыре кроме вышеуказанных святых почитали Авраамия Ростовского, Авраамия Смоленского, Амфилохия Глушицкого, Антония Римлянина, Евфросина Псковского, Иакова Ростовского, Иосифа Волоцкого, Исаию Ростовского, Исидора Ростовского, Максима Московского, Меркурия Смоленского, Никиту Новгородского, Никиту Переславского, Николу Кочанова, Петра и Февронию Муромских, Петра царевича Ростовского, Прокопия Устюжского, Савву Звенигородского, Стефана Пермского, Федора, Давида и Константина Ярославских [9; 368, 396, 399, 429, 438, 439, 443–445, 464, 465, 476, 478–482, 488–495, 497–498, 500, 501], [10; 52, 58, 101, 143, 264, 272, 273, 277, 278, 285, 286].

Как видим, в Соловецком монастыре XVI века, особенно к концу этого столетия, почитались большинство общепризнанных русских святых того времени. Однако при чтении столь длинных перечней имен святых возникают вопросы. Почитались ли все они в одинаковой степени? Поднималось ли их почитание над чисто формальным или этикетным уровнем? Были ли святые, которых почитали особо, которым молились чаще, которых просили о помощи и заступничестве, может быть, ежедневно?

Обнаружить источники, прямо отвечающие на эти вопросы, ныне не представляется возможным. Но есть документы, которые предоставляют косвенную информацию, правда, только лишь для XVI века. Речь идет об упоминавшихся описях Соловецкого монастыря. Ими, в частности, в монастырских храмах были зафиксированы различные иконы. Логично предположить, что наличие среди данных образов русских святых должно свидетельствовать об особом почитании в обители именно этих подвижников. Под углом зрения данной гипотезы рассмотрим соловецкие описи XVI века.

Согласно самой ранней из описей, составленной в 1514 году, во всем монастыре существо-

вала единственная пядничная, то есть совсем небольшая икона одного русского святого – Кирилла Белозерского [2; 30] (здесь и далее не берутся в расчет образа местных подвижников Зосимы и Савватия). Выходит, из не менее чем девятнадцати русских святых, память которых отмечалась в Соловецком монастыре с конца XV века, к 1514 году действительно живым и глубоким почитанием пользовался только преподобный Кирилл. Возможно, такое исключительное отношение к нему объясняется тем, что преподобный Савватий Соловецкий начал свой путь монаха в Кирилло-Белозерском монастыре [1; 226], а последний был основан упомянутым святым Кириллом, который, очевидно, поэтому в представлении начала XVI века являлся предтечей соловецкой святости.

Следующая опись Соловецкого монастыря, составленная в 1549 году, зафиксировала, очевидно, ту же икону Кирилла Белозерского в Преображенском соборе [2; 41]. Кроме того, в нем тогда присутствовала «икона девяти пядей на беле Сергиево видение» [2; 40]. Судя по названию, на ней был представлен один из важнейших эпизодов жития Сергия Радонежского, когда ему явилась Богородица с апостолами Петром и Иоанном. Такие иконы в рассматриваемых описях называются двояко – и «Сергиевым видением», и «Явлением Богородицы с апостолами преподобному Сергию». Для нашей темы немаловажно указание в описи 1549 года высоты (9 пядей) упомянутой иконы «Сергиева видения». При длине пяди в 21–22 см [6; 11–12], применявшейся на Соловках, высота данной иконы равнялась примерно 189–198 см. Столь большую икону могли заказать лишь явные приверженцы культа святого Сергия. Значит, к 1549 году в Соловецком монастыре необыкновенно усилилось его почитание.

Как видим, из всего сонма известных на Соловках русских святых к исходу первой половины XVI века местные монахи особо выделяли и почитали только двух – Кирилла Белозерского и Сергия Радонежского.

Положение в данном отношении начало меняться в середине XVI века, о чем свидетельствует следующая опись Соловецкого монастыря 1570 года (далее – Опись 1570 года). К этому времени в местном ряду иконостаса Преображенского собора появился образ, «а на нем образ: Воскресение Христово, да Троица, да Усекновение главы Иоанна Предтечи, да святители Никола чудотворец, да Стефан архидьякон, да Алексей митрополит, да Никита епископ, да Дмитрий Прилутцкой, да Изосима и Саватей Соловецкие чудотворцы, да Александр Свирский» [2; 58]. Опись 1570 года указывает также на наличие в Преображенском соборе пядничных икон: «Пречистые на престоле, посторонь Никита епископ» [2; 59], надо полагать, это новгородской святой; «Три митрополиты» [2; 59], очевидно, Петр, Алексей и Иона Московские;

«Варлам чудотворец» [2; 59], по-видимому, основатель Новгородского Хутынского монастыря. Та же опись зафиксировала в Преображенском соборе «образ Борис и Глеб четырнадцати пядей» [2; 61]. Огромный вертикальный размер иконы, близкий к 294–308 см, свидетельствует о возросшем почитании святых страстотерпцев в Соловецком монастыре в то время.

Согласно Описи 1570 года, в придельной церкви Архангела Михаила находился «образ Николы чудотворца да Никиты епископа Новгородского чудотворца» [2; 63], в церкви Успения – «образ пядница на золоте Михаил Клопский» [2; 71], в приделе Иоанна Предтечи Успенской церкви – «Сергиево видение» [2; 71]. В монастыре тогда также числилась хоругвь, на одной из сторон которой были изображены «Явление архангела Рафаила Великому Пахомию в пещере, да Никола чудотворец, да Никита епископ Новгородский» [2; 75].

По описи Соловецкого монастыря 1582 года (далее – Опись 1582 года), к тем иконам, что были раньше в Преображенском соборе, добавились следующие пядничные иконы с изображениями русских святых: «Пречистые Умиление... по полям Никита епископ да Иван архиепископ Ноугородские» [2; 90], «Сергий чудотворец» [2; 91], «Явление Пречистые со апостолы преподобному Сергию и Никону» [2; 91], «Благовещение Пречистые под окладом, а во облаце Отец и Сын и Святой Дух с херувими, а по полям Борис и Глеб» [2; 92], «Спасов образ на престоле, а по сторонь Предста Царица, а по другую Иоан Предтеча, а по полям Никола чудотворец да Александр Свирской» [2; 92], «Никита епископ да Иван архиепископ Ноугородские» [2; 93]. На одном из крестов в соборе кроме Распятия и других священных изображений были представлены святые Борис и Глеб [2; 92], на другом кресте – преподобные Сергий и Никон Радонежские [2; 93].

На паперти собора, справа от его западного главного входа в 1582 году находилась икона «Явление Пречистые со апостолы преподобному Сергию десятипядной на левкасе. Да на той же цки вверху Благовещение, да Покров Пречистые Богородицы, да собор архистратига Михаила» [2; 97]. Этот большой образ высотой 210–220 см как бы встречал каждого входившего в храм, демонстрируя приверженность соловецких монахов к культуре Сергия Радонежского. Свидетельством той же приверженности, надо полагать, стала четырехпядная (84–88 см) икона святого Сергия, которая появилась к 1582 году в местном ряду иконостаса соборного придела Двенадцати апостолов [2; 100].

В приделе Иоанна Предтечи опись 1582 года отметила киот: «Да на киоте же по сторонам чудотворцы Зосима и Саватий, да преподобный Сергий, да Александр Свирский» [2; 102]. О том, что на Соловках из всего сонма отечественных подвижников благочестия кроме Сергия Радонежского тогда особенно выделяли и Алек-

сандра Свирского, говорит также наличие в 1582 году его пядничной иконы на центральном столпе монастырской трапезной палаты [2; 103].

К моменту составления описи Соловецкого монастыря 1597 года (далее – Опись 1597 года) в Преображенском соборе к тем иконам, что были раньше, добавились следующие пядничные иконы русских святых: «Никола Кочанов» [2; 121], «Пречистые стоящей со Младенцом, да на той же цки в подножии чудотворцы Сергей, Кирил, Зосима и Саватей» [2; 121], «Максим Уродивый» [2; 122], «Зосима и Саватей Соловецкие да Александр Свирский» [2; 125], «Спас стоящей, а по сторонь Пречистая, а по другую сторону Иван Предтеча, да на той же цки на полях Петр и Павел, да Матфей апостол, да Сергей преподобный» [2; 130], «Борис и Глеб» [2; 131]. В приделе Зосимы и Савватия к 1597 году появился складень, на одной из частей которого был представлен «Пречистые образ со Младенцем стоящей, а у него Сергей чудотворец в молении, да на полях шесть чудотворцов, да мученица Екатерина, да Парасковгия» [2; 135].

Все фигурирующие в описях Соловецкого монастыря XVI века иконы русских святых делятся на две категории. Одну из них составляют пядничные образа, другую – иконы значительно больших размеров. Небольшие пядничные иконы могли появиться в обители двумя основными способами: либо в результате заказа самим монастырем или в качестве вклада отдельных соловецких монахов, либо по инициативе посторонних частных лиц или представителей других монастырей и архиерейских домов. Следовательно, в отношении части названных пядничных икон мы не можем быть полностью уверенными в том, что они в момент своего появления в обители отражали особое отношение сообщества Соловецкого монастыря к изображенным на них святым. Но, оказавшись в храмах обители, эти иконы, надо полагать, должны были повышать статус почитания представленных на них. Другое дело – упомянутые большие иконы русских святых. В соловецких храмах их скорее всего поместили по специальному заказу. Поэтому они наиболее определенно свидетельствуют о духовных предпочтениях насельников этой обители. Именно такие иконы позволяют выделить наиболее чтимых русских святых. Первенство в данном отношении принадлежало святому Сергию Радонежскому. Причем значимость его почитания на протяжении указанного периода возрастала. Так, если в 1549 году икона с изображением преподобного находилась только в одном храме монастыря, то в 1582 году подобные большие иконы имелись в двух его церквях, а в третьей – очевидно, достаточно большой киот с образом святого Сергия. Следуя той же логике, можно утверждать, что к 1570 году на Соловках значи-

тельно повысился статус почитания князей Бориса и Глеба. Тогда же, и особенно ближе к концу XVI века, судя по большому числу разного рода изображений Александра Свирского и Никиты Новгородского, в монастыре значительно усилилось почитание этих святых.

Таким образом в середине XV века, то есть в самом начале существования Соловецкого монастыря, в нем почитались лишь немногие избранные русские святые. В конце XV столетия явно обозначилась новая тенденция: стремление знать о большинстве прославленных русских подвижников и в какой-то мере их почитать. Эта тенденция сохранялась и развивалась на протяжении всего XVI века. Вместе с тем в начале этого столетия действительно глубоким и искренним почитанием из всех известных русских святых пользовался только преподобный Кирилл Белозерский. К середине XVI века к нему добавился святой Сергей Радонежский. Таким образом, до середины XVI века существовал явный разрыв между большим числом русских святых, почитавшихся, так сказать, формально, и крайне малой группой подвижников, которых местные монахи идентифицировали как «своих» заступников и покровителей. В промежутке времени между составлением описей 1549 и 1597 годов в храмах Соловецкого монастыря к существовавшим ранее образам Кирилла Белозерского и Сергия Радонежского добавились сакральные изображения русских святых: Бориса и Глеба; Петра, Алексия и Ионы Московских; Никиты и Ивана Новгородских; Варлаама Хутынского, Дмитрия Прилуцкого, Михаила Клопского, Александра Свирского, Николы Кочанова, Максима Московского, Никона Радонежского. Значит, во второй половине XVI века указанный разрыв стал сокращаться. Но и в конце этого столетия он не был преодолен. Подчеркнутая избранность святых более чем очевидна, ведь они составляют малую часть того большого перечня подвижников, почитание которых имело место на

Соловках в XVI веке. Весьма характерен состав упомянутых избранных святых. В нем лишь два чудотворца, прославленных в домонгольскую эпоху, – Борис и Глеб. Среди остальных преобладали две группы: в одной – святые Новгорода и Новгородской епархии, в которую входил и Соловецкий монастырь (Варлаам Хутынский, Никита Новгородский, Иван Новгородский, Михаил Клопский, Никола Кочанов, Александр Свирский), в другой – святые Москвы (Петр, Алексий, Иона и Максим Московские), а также Сергей и Никон, которые, хотя формально и считались радонежскими святыми, очевидно, для значительной части русских людей представляли тогда московскую святость [7; 12–13].

По всей видимости, святые этих двух групп казались монахам более близкими и надежными покровителями, чем большинство других русских подвижников благочестия. Значит, в духовном плане насельники Соловецкого монастыря в это время в основном ориентировались на два центра – Новгород и Москву.

Проведенный выше анализ позволяет сделать вывод о том, что почитание святых осуществлялось как бы в двух планах. Первый из них был преимущественно формальным или этикетным: в соответствующие дни праздновалась память подвижника благочестия. Сказанное касалось подавляющего большинства признанных церковью русских святых. Второй план соответствовал духовным предпочтениям монахов Соловецкого монастыря. Из всего сонма русских святых они особо поклонялись лишь нескольким избранным. Но и их здесь почитали в весьма разной степени. Из этого ограниченного круга подчеркнуто глубоким почитанием тогда пользовались только святые Сергей Радонежский, Борис и Глеб, Кирилл Белозерский, Никита Новгородский и Александр Свирский. Самым же чтимым русским подвижником на Соловках в середине – второй половине XVI века после, конечно, Зосимы и Савватия был Сергей Радонежский.

ИСТОЧНИКИ

1. Жития Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы / Публ. Р. П. Дмитриевой // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. Различные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 220–282.
2. Описи Соловецкого монастыря XVI века / Сост. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, М. И. Мильчик; Отв. ред. М. И. Мильчик. СПб., 2003.
3. Псалтирь с воследованием // Отдел рукописей Государственного Исторического музея. Синод. Собр. № 708.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

4. Борисова Т. С. Псалтирь преподобного Зосимы, Соловецкого чудотворца // Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. Материалы и исследования. М., 2003. Вып. 17. С. 149–165.
5. Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. 3. Ч. 1.
6. Мельник А. Г. Ансамбль Соловецкого монастыря в XV–XVII веках: История, архитектура, оформление храмовых интерьеров. Ярославль, 2000.
7. Мельник А. Г. Почитание св. Сергия Радонежского в Ростовской земле XVI–XVII вв. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 2009. С. 7–14.
8. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч. 1.
9. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2.
10. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1898. Ч. 3.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОНОВ
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории факультета истории и социальных наук, Мурманский государственный гуманитарный университет (Мурманск, Российская Федерация)
snikonov-77@mail.ru

ПРОМЫСЛОВЫЕ АРТЕЛИ «МУРМАНЩИКОВ» НИКОЛО-КОРЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ В XVII–XVIII ВЕКАХ*

Рассматривается проблема покрута на мурманских промыслах Николо-Корельского монастыря. Артели промышленников формировались монастырем как из числа вотчинных крестьян самого монастыря, так и из числа наемных работников – крестьян Двинского уезда. Трудовые отношения монастыря с артелью определялись договором (письменным) и традиционными механизмами организации рыбного промысла.

Ключевые слова: Николо-Корельский монастырь, Мурманский берег, покрут, становища, артель

На обширной территории Русского Севера – в Поморье, начало освоения которого относится еще ко временам Новгородской республики, в силу особых природно-климатических условий сложился специфический тип хозяйства, доминирующую роль в котором играло не привычное для славян земледелие, а озерно-речные и морские рыбные и звериные промыслы. Значительная трудоемкость процесса добычи рыбы и морского зверя требовала коллективных форм труда, что приводило к необходимости выработки особых форм эксплуатации. К наиболее интересным из них относится покрут – найм артели на промысел богатым промышленником-помором, предоставлявшим работникам средства производства и продукты питания [43; 129], [52; 75].

Одним из районов использования покрута в течение ряда столетий (с XVI до начала XX века) являлся Мурманский берег Кольского полуострова, омываемого Баренцевым, или, как тогда говорили, Мурманским морем. Ежегодно с апреля по сентябрь несколько тысяч промышленников-поморов вели на Мурмане добычу ценных пород рыбы – трески и палтуса. Особенностью организации промысла являлось то, что, несмотря на всю значимость его для экономики Поморья, в силу отдаленности и сезонности характера рыбодобычи вплоть до середины XIX века здесь не существовало постоянных поселений, местом базирования рыбаков являлись временные становища.

Проблема покрута на рыбных промыслах Мурмана, и шире – Поморья, имеет достаточно внушительную историографию. Основную часть написанного на эту тему составляют этнографические заметки и исследования, авторами которых были ученые, заставшие покрут во второй половине XIX века еще как существующее явление. Наиболее интересны среди них работы Н. Я. Данилевского, П. С. и А. Я. Ефименко [41], [44], [45].

В современной историографии к проблеме покрута ученые обращались существенно реже и рассматривали ее на более позднем историческом материале второй половины XIX века [48], [49], [54], [55].

Одним из наиболее ранних участников промысла на Мурманском берегу, начало деятельности которого относится еще к середине XVI века, был Николо-Корельский монастырь. В XVI–XVII веках этот монастырь, хотя и уступал таким духовным феодалам, как Антониев-Сийский, Соловецкий монастыри и патриарший дом, относился к числу крупнейших землевладельцев региона [47; 116].

Участие промысловых артелей на мурманском промысле Николо-Корельского монастыря частично отражено в работах А. Г. Гемп и В. В. Брызгалова [38], [39].

В настоящей статье рассмотрим ряд взаимосвязанных между собою вопросов, касающихся организации промысловых артелей на Мурмане Николо-Корельским монастырем, а именно: формы вовлеченности монастыря в промысел на Мурмане, количественные и качественные характеристики монастырской промысловой артели. Оговоримся, что под качественной характеристикой артели будет подразумеваться территориальное происхождение ее членов, наличие или отсутствие устойчивых связей артельщиков с монастырским промыслом.

Монастырская документация промысла в основном представлена архивными материалами, отложившимися в фонде Николо-Корельского монастыря ГААО.

Знакомство с обширным фондом монастырского архива убеждает нас в том, что специальной документации мурманского промысла монастыря, по всей видимости, не существовало вплоть до конца XVII столетия. Только с этого времени в архивном фонде монастыря начинают встречаться разнообразные группы источников, касающиеся

тех или иных аспектов промысла, – найма покручеников, отпуска «хлебных запасов» и промыслового инвентаря на промысел, сдачи под караул монастырского становища на Мурманском берегу, распределения добычи промысла между монастырем и промышленниками и др.

Дадим краткую характеристику источникам. Во-первых, это небольшая группа таких документов, как «тетрати записные» и «книги отпускные» участников мурманского промысла – карбасников (кормщиков) и покручеников Николо-Корельского монастыря [21], [23], [25], [32]. «Книги» составлялись либо монастырским казначеем, либо же приказчиком монастырской Холмогорской службы, ведавшим в том числе организацией рыбных промыслов на Кольском полуострове. В «книги» вносились конкретные данные о покрученных на промысел лицах (кормщиках и покручениках), выдаваемом им жалованье, ссудах и т. п. К выделенной группе документов относятся еще ряд источников, которые, правда, не имеют заголовка [26], [33].

Во-вторых, найм покручеников фиксируется и в таком ценном источнике, как «договорные письма» монастыря с артелью [26], [28], [34].

В-третьих, распределение добычи между командой и монастырем отражено в специальных «росписях» и «реэстрах», куда заносились полные данные, касающиеся общей добычи и ее последующего распределения между членами артели (1722 и 1733 годы) [1], [27].

Наконец, вопросы организации труда на мурманских промыслах монастыря встречаются и в таких ценных, но, увы, единичных документах, как инструкции монастырских властей промышленникам (1745 год) [29], и в хозяйственной переписке приказных старцев с администрацией монастыря (1741 год) [30].

Все выделенные группы источников относятся к периоду конца XVII – первой половины XVIII века. А как же быть с более ранним периодом? Ведь известно, что в XVII веке монастырь регулярно организовывал промысел на Мурмане. Проблема решается при обращении к общим монастырским приходо-расходным книгам и к хозяйственной документации тех служб, которые были причастны к организации промысла на Мурмане. В последнем случае это Холмогорская территориальная служба, выполнявшая торгово-распределительные функции [46; 17]. Нами были изучены все сохранившиеся в фонде монастыря приходо-расходные книги службы за вторую половину XVII века (за первую половину столетия подобных источников в фонде нет). Общее количество документов, представленных в фонде, – 42 единицы хранения, они охватывают период с 1649 по 1700 год. Из них данные о мурманском промысле содержат 19 приходо-расходных книг, датируемых периодом с 1649 по 1654 год и с 1683 по 1697 год [2], [3], [4], [5], [6],

[7], [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15], [17], [18], [19], [20], [22]. Выпавшие из этого периода два десятилетия – 60–70-е годы XVII века – косвенным образом указывают на то, что в этот период промысел на Мурмане монастырем по каким-то причинам не велся.

Таким образом, несмотря на немногочисленность и разрозненность источников, их комплексное использование вполне позволяет получить представление о характере организации труда на мурманских промыслах Николо-Корельского монастыря.

Как уже было сказано ранее, монастырь не сразу начал самостоятельно снаряжать экспедиции на Мурман. Из записей приходо-расходных книг Холмогорской службы монастыря за 1649–1654 годы видно, что духовная организация в этот период выступала лишь одним из пайщиков промысловых экспедиций на Мурманский берег, снаряжаемых другими промышленниками. Подобный порядок участия в промысле известен по этнографическим описаниям и исследованиям для второй половины XVIII века [44; 24–25]. Так, при организации артели для тюленьего промысла участниками вносились определенные пай («ужины»), от доли которых зависел и размер распределяемой добычи. При этом непосредственные участники промысла – покрученики – состояли на содержании хозяев «ужины» [44; 25].

Николо-Корельским монастырем вносилось в общее предприятие от 1 до 2 «участков», на которые приходилась добыча рыбной продукции. Таким же постоянным, как и размер «участков», был состав промышленников, в кооперации с которыми монастырь организовывал промысел на Мурман. Источники называют имена четырех промышленников – Авраама Щербинина, Алексея Мачки, Степана Шубного и Дорофея Афанасьева. Монастырский «участок» включал денежную и натуральные части, которые шли в общий «котел» промысла [2; 3 об., 8 об.], [4; 14–14 об.], [8; 6, 19].

Особенности взаимоотношений монастыря с покручениками в этот период из материалов приходо-расходных книг Холмогорской службы проступают довольно скупо. Как правило, записи источников сообщают о покупке холмогорским приказчиком у покручеников рыбы, сверх той, что монастырь получал на свой «участок».

Скупость сообщений, полагаем, раскрывает и тип социальных взаимоотношений, существовавших между монастырем и работными людьми в указанный период. По всей видимости, наймом работных людей ведал хозяин промысловой ладьи – он же и организатор промысловой экспедиции. Отношения монастыря и покручеников, таким образом, были опосредованы: монастырь выделял деньги и продовольствие на «участок», а нанять на промысел покрученика уже было делом самого хозяина морского судна.

С начала 1680-х годов система взаимоотношений монастыря и работных людей меняется. Духовный феодал нанимает команду самостоятельно, не вступая в кооперацию с другими участниками промысла на Мурмане. Одно из первых свидетельств деятельности устойчивой мурманской промысловой артели монастыря встречается в приходо-расходной книге холмогорского приказчика старца Афанасия (1683 год). Так, приказчиком были выданы кабалы на общую сумму в 2 руб. 13 ал. 2 де трем мурманским кормщикам [9; 2].

Аналогичные сведения о выдаче сумм кормщикам и покрученикам встречаются и в ряде других приходо-расходных книг службы. При этом в некоторых случаях представленные в источниках данные дублируют показания специальной документации промысла. Холмогорские приказчики, помимо дел своей территориальной службы, ведали и вопросами организации промысла на Мурмане и Новой Земле.

В этой связи нельзя не отметить, что начало упоминания в источниках самостоятельной организации промысла на Мурмане синхронно приобретению монастырем собственного становища на побережье Баренцева моря. Становищами в XVI–XIX веках назывались комплексы жилых и хозяйственных строений, используемых промышленниками в сезон промысла. В начале XVII века на Мурманском берегу насчитывалось 50 становищ [42; 28–29]. В 1680 году Николо-Корельский монастырь приобрел становище на Семи островах (группа островов у побережья Мурманского берега Баренцева моря) [36; 111–112], [40; 90]. Если быть более точным, то монастырское становище на одном из Лицких островов группы Семи островов [10; 5–5 об.]. Позже, по крайней мере со второй четверти XVIII века, монастырь обосновался на становище Шубино (группа островов Шубинской губы Мурманского берега Баренцева моря) [50; 234].

Какова же была численность промышленников и как происходило формирование мурманских артелей монастырского промысла? Отметим, что в источниках артели имеют специальное наименование, которое не являлось чем-то исключительным только для Николо-Корельского монастыря, а напротив, нередко использовалось в качестве самоназвания участников промысла на Мурманском берегу. Такие артели назывались артелями «мурманщиков», а их члены – «мурманщиками». В силу специфики промысла, распадавшегося в период XVI–XIX веков на два этапа – весенний и летний, артели также в зависимости от сезона промысла именовались «вешними» и «летними».

Производственной ячейкой артели был карбас (сменившийся в XVIII веке шнекой), на котором было занято четверо работников – кормщик и трое рядовых (покручеников).

Наиболее сложной была деятельность промышленников «вешней» артели, поскольку ее участникам приходилось пешком добираться до места промысла: замерзающее на зиму Белое море не позволяло проделать этот путь по воде.

«Вешние» артели начинали формироваться в январе – феврале. Материалы «тетрадей отпускных» и «книг записных» указывают на то, что договор с командой и последующая выдача средств производились либо в начале – середине января, либо во второй половине – конце февраля текущего года. К этому же времени относились и заключавшиеся между монастырем и промышленниками договоры. Но и здесь были свои исключения. «Летние» артели отправлялись на Мурман из Холмогор на монастырской ладье, что значительно снижало денежные затраты обитатели на содержание промышленников. Отрывочные данные источников позволяют говорить о том, что артели летнего промысла формировались в июне текущего года [5; 16 об.], [25; 6 об.].

Количественный состав мурманских артелей «вешнего» промысла достаточно хорошо реконструируется для 1690-х годов – периода неплохо обеспеченного разнообразными видами документации мурманского промысла. Нельзя не отметить, что даже в том случае, когда источник сообщает только о кормщиках и ничего не говорит о количестве покручеников, состав промысловой артели все же может быть выявлен. Устойчивая традиция организации промысла предполагала работу на судне четырех промышленников. Поэтому свидетельство приходо-расходной книги, что суммы по кабалам выданы 3 мурманским кормщикам, безусловно, указывает на то, что в артели было 12 человек. Конечно же, далеко не всегда соответствие кормщиков покрученикам может быть выявлено по записям приходо-расходных книг. Известны упоминания только одного или двух кормщиков, на которых приходились различные выплаты, что затрудняет выявление полного состава артели.

Более определенные данные содержатся в «тетрадах отпускных» и «книгах записных» промысла рассматриваемого периода. Из источников явствует, что численный состав «вешних» артелей мурманских промышленников равнялся 12 [15; 15], [17; 8 об.], [21; 1–6], [32; 1–4 об.]. Исключением стал только «вешний» промысел 1697 года, на который вышло 16 промышленников [23; 1–6 об.].

В XVIII веке происходит некоторое сокращение количественного состава артелей. Теперь на «вешний» промысел, как правило, отпускалось 8 промышленников. В частности, судя по документации промысла, именно столько промышленников было «отпущено» на Мурман в 1734, 1736 и 1738 годах [28; 1, 5–5 об.].

Значительно меньше нам известно о составе «летних» артелей. В нашем распоряжении есть

всего лишь два показания источников, относящихся к 1691 и 1710 годам. В первом случае на промысел было отпущено 6 человек, а во втором – 8 [5; 16 об.], [25; 6 об.]. «Летние» артели, в отличие от «вешних», возглавлялись «лодейным кормщиком» – промышленником, правившим большое морское судно (ладью) к Мурманскому берегу и одновременно с этим принимавшим участие в добыче трески и палтуса уже как карбасный кормщик.

Источники позволяют выявить персональный состав промышленников, а также территориальное происхождение кормщиков и покручеников. Этот вопрос, как представляется, крайне важен, поскольку дает возможность получить некоторое представление об экономическом районировании Поморья (понимая под последним занятость определенных волостей в том или ином промысле), проследить наличие или отсутствие устойчивых связей отдельных промышленников с монастырским мурманским промыслом.

Руководителями промысла были кормщики (карбасники). По имеющимся источникам нам удалось выявить имена 22 промышленников, возглавлявших артельные объединения на мурманском промысле в разные годы последней четверти XVII – первой половины XVIII века. Среди них выделяется группа из 8 промышленников, участвовавших в монастырском промысле 2 и более раз. Так, в 1690–1700-е годы среди постоянных участников промысла были (в скобках приводим количество упоминаний в источниках): Василий Алексеев сын Кожин (5), Тимофей Семенов сын Языков (4), Осип Петров сын Новоселовых (4), Федор Демидов сын Романов (2), Иван Ермолин сын Ряба (2) [5; 41], [15; 15], [16; 37 об.], [17; 8 об.], [21; 2–4], [23; 1–2], [24; 9 об.], [25; 1 об., 5 об.], [32; 1 об.], [33; 1]. В период 1710–30-х годов постоянными участниками промысла на Мурмане выступали Степан Карпов сын Малгин (3), Семен Семенов сын Опаницыных (2), Спиридон Иванов сын Борисов (2), Гаврило Иванов сын Орлов (2) [26; 1], [28; 1–1 об., 5–5 об.], [30; 1–1 об.], [31; 1], [34; 1]. Прочие промышленники-кормщики в источниках упоминаются единожды¹, хотя, безусловно, это не исключает того, что они участвовали в промыслах неоднократно, но это не отразили источники.

Рассмотрим основную группу промышленников – покручеников. Источники сохранили имена 56 рядовых участников промысла [5; 16 об.], [21; 2–4], [23; 3–5], [25; 2–3], [26; 2 об.–3], [28; 1–1 об., 5–5 об.], [32; 4–4 об.], [33; 1–1 об.]. Как правило, все промышленники лишь единожды упоминаются в источниках как участники промысла. Исключение составляют 5 промышленников, участвовавших в монастырском промысле 2 и более раз.

В промысле участвовали представители нескольких поколений одних и тех же крестьян-

ских фамилий, некоторые из них приходились родственниками кормщикам. Это относится к фамилиям Васильевых, Малгиных, Опаницыных, Новоселовых и Трапезниковых.

Некоторые из кормщиков начинали свою карьеру в качестве покручеников на монастырских мурманских промыслах. Так, ранее упомянутый Степан Малгин в 1696 году упоминается в числе покручеников, а в 1722, 1725 годах становится известным уже в качестве кормщика [21; 4], [26; 1], [34; 1].

Промышленники – кормщики и рядовые покрученики – были выходцами из различных волостей Двинского, Кеврольского и Турчасовского уездов². Так, по имеющимся данным источников, нам известно, что кормщики были представителями волостей Нижней половины – Курейской, Княжостровской, Мудьюжской и Ухтоостровской; Верхней половины – Костогорской и Чухченемской Двинского уезда, а также и Айногорской волости – Кеврольского уезда [9; 2], [17; 8 об.], [20; 2–4], [23; 1–2], [28; 1–1 об.], [32; 1–3 об.], [34; 1]. Из этих же населенных пунктов происходили и некоторые покрученики. Были среди рядовых участников промысла выходцы из волостей Нижней половины – Койдокурской и Лисестровской; Верхней половины – Матигорской и Ровдогорской Двинского уезда; а также Ньюхоцкой волости – Кеврольского и Пияльской (Меньшей) волости – Турчасовского уездов [21; 5 об.], [32; 4–4 об.].

Владения монастыря сформировались в XVI – начале XVII века, они зафиксированы в государственных кадастровых документах той эпохи (в «сотной» грамоте 1587–1588 годов и в писцовой книге Двинского уезда 1622–1624 годов) [35], [37]. Так, владения монастыря находились в следующих волостях: Низовской луке, Заостровской, Лисестровской, Княжостровской, Кехте, Койдокурской, Ухтоостровской волостях [35; 263–275 об.], [37; 238–239]. Как можно видеть, ряд волостей монастырских владений совпадает с теми волостями, из которых происходили кормщики и покрученики, трудившиеся на мурманском промысле монастыря. Это относится ко Княжостровской, Койдокурской и Ухтоостровской волостям. Но при этом источник, как правило, не конкретизирует, из каких деревень был выходцем тот или иной член артели, что затрудняет идентификацию конкретных лиц. Подобная работа, по крайней мере для конца XVII века, может быть проведена при использовании данных кадастровых источников – переписных книг Двинского уезда.

Остается признать, что доминирующим на промыслах был труд наемных крестьян, не связанных с вотчинным хозяйством Николо-Корельского монастыря.

Артель за свой труд получала как натуральную, так и денежную плату. Натуральная плата – «участок» – представляла собой долю от общего

промысла, достававшуюся кормщику и рядовым покрученикам. Денежная же часть включала несколько компонентов выплат, как безвозмездных, так и с возвратом. Рассмотрим натуральную часть оплаты труда «мурманщиков».

«Участок» распределялся неравномерно: кормщик за свой труд получал пол-участка, а рядовые покрученики – пятую долю добычи. Наглядно представить, как производился раздел

рыбной добычи между монастырем и артелью, позволяет «реестр» приема рыбы мурманского промысла Николо-Корельским монастырем (от 15.09.1733) [27]. Тогда на промысел вышла артель, состоявшая из 8 промышленников (2 кормщиков и 6 покручеников). В таблице представлены данные, касающиеся раздела добытой трески и палтуса между монастырем и артелью (подсчет наш).

Распределение рыбной добычи между Николо-Корельским монастырем и артелью в 1733 году [27]

Сорт рыбы	Общая добыча (пуд)	Доля монастыря (пуд)	Доля артели (пуд)	Доля кормщиков (пуд)		Доля покручеников (пуд)	
				На участок	Общая	На участок	Общая
Палтус	98	71,05	26,95	6,125	12,25	2,45	14,7
Треска	816	591,6	224,4	51	102	20,4	122,4
Итог (%) по палтусу	100 %	72,5 %	27,5 %	6,25 %	12,5 %	2,5 %	15 %
Итог (%) по треске	100 %	72,5 %	27,5 %	6,25 %	12,5 %	2,5 %	15 %

Из таблицы следует, что на долю монастыря приходилось чуть более 70 % общей добычи. Внутри артели при этом добыча распределялась неравномерно: «участок» кормщика примерно в 2,5 раза превышал долю добычи рядового покрученика.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Участие Николо-Корельского монастыря в изучаемый период в мурманском рыбном промысле прошло 2 этапа:

1. В середине XVII века монастырь являлся лишь одним из пайщиков промысловых экспедиций на Мурман, организовывавшихся богатыми промышленниками с Двины.

2. С начала 1680-х годов монастырь самостоятельно организует промысел на Мурмане. В какой-то мере этому способствовало и приобретение собственного становища (в 1680 году) на побережье Баренцева моря Кольского полуострова.

Изменение роли монастыря в организации рыбного промысла определяло и тип промыслово-артельных отношений: на первом этапе основной формой организации артели была артель складников (по классификации А. Я. Ефименко), на втором – покручеников.

В систему покрута монастырем вовлекались собственно монастырские крестьяне и нанимаемые из других волостей Поморья. Наиболее стабильную часть артели составляли кормщики.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и правительства Мурманской области (проект № 10-01-43101 а/С).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Единожды в документах мурманского промысла Николо-Корельского монастыря упоминаются имена следующих кормщиков (в скобках указывается год упоминания): Ефим Тарасов (1683), Андрей Овечкин (1683), Дмитрий Зеленков (1683), Иван Иванов сын Горбатов (1691), Василий Федотов (1691), Яков Ануфриев (1694), Иван Смирных (1697), Гаврило Пахомов (1718), Фадей Самойлов сын Анисимовых (1722), Григорий Михайлов сын Казмин (1734), Яков Вешняков (1741), Стефан Лебедев (1741), Потапий Корельских (1745) [5; 14], [9; 2], [17; 8 об.], [23; 6 об.], [26; 1], [28; 1], [29; 8], [32; 3], [33; 1].

² Структуре административно-территориального деления Поморья посвящена специальная монография Д. Семушина [52].

ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 191. Оп. 1. Д. 191.
2. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 378.
3. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 379.
4. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 383.
5. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 400.
6. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 412.
7. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 426.
8. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 451.
9. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 776.
10. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 781.
11. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 796.
12. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 813.

13. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 829.
14. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 844.
15. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 896.
16. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 914.
17. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 952.
18. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 977.
19. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1002.
20. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1028.
21. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1052.
22. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1055.
23. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1078.
24. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1195.
25. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1388.
26. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1604.
27. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1896.
28. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1924.
29. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2174.
30. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2304.
31. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2334.
32. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2557.
33. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2566.
34. ГААО. Ф. 1025. Оп. 5. Д. 493.
35. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Кн. 9.
36. Сборник материалов по истории Кольского полуострова XVI–XVII вв. Л., 1930. № 68. 191 с.
37. Сотная 1587–1589 гг. на владения Корельского монастыря / Публ. А. И. Копанева // Северный археографический сборник. Вып. II. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972. 215 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

38. Брызгалов В. В. Состав мурманских рыболовных артелей в конце XVII века // М. В. Ломоносов и национальное наследие России: Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 285-летию со дня рождения великого русского ученого М. В. Ломоносова. Часть IV. Архангельск, 1996. С. 101–104.
39. Гемп А. Г. Хозяйство и хозяйственная деятельность Николо-Корельского монастыря в XVII веке (Очерки). Архангельск, 1967 // Архангельская областная научная библиотека им. Н. Добролюбова. Ф. 657389. 321 с.
40. Географический словарь Кольского полуострова. Т. I. Л., 1939. 147 с.
41. Данилевский Н. Я. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитых морях // Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VI. СПб., 1862. 234 с.
42. Державин В. Л. Северный Мурман XVI–XVII вв. (К истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М., 2006. 144 с.
43. Дуров И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / Под ред. и с доп. Н. Виноградова. // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. XIX. Соловки, 1929. 182 с.
44. Ефименко А. Я. Артели Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. СПб., 1873. С. 7–75.
45. Ефименко П. С. Сборник народных юридических обычаев. Архангельск, 1866. 220 с.
46. Иванов В. И. Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв. Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб., 2005. 256 с.
47. Иванов В. И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007. 608 с.
48. Кораблев Н. А. Покрут на мурманских рыбных промыслах (вторая половина XIX в.) // Вопросы истории Европейского Севера: Межвуз. науч. сб. Петрозаводск, 1974. С. 119–129.
49. Кораблев Н. А. Условия труда и быта покрученников на мурманских рыбных промыслах (вторая половина XIX в.) // Вопросы истории Европейского Севера: Межвуз. науч. сб. Петрозаводск, 1977. С. 149–159.
50. Никонов С. А. «Караульные росписи» монастырских промысловых становищ Мурманского берега XVIII в. как исторический источник // VII Ушаковские чтения: сб. науч. ст. Мурманск, 2011. С. 233–248.
51. Подвысоцкой А. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 199 с.
52. Семушин Д. Русский Север. Пространство и время. Архангельск, 2010. 120 с.
53. Ушаков И. Ф. Покрут на Мурманских рыбных промыслах (в свете высказываний В. И. Ленина) // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Т. 426. Мурманск, 1969. С. 95–121.
54. Юрченко А. Ю. Тресковый промысел поморов на Мурмане: развитие артельных отношений // Наука и бизнес на Мурмане (X Юбилейная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Тейлоровские чтения»). Мурманск, 2002. С. 7–13.

ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ СТОГОВ

кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории культуры, государства и права, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
bel-grigorij@yandex.ru

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Динамика численности правых организаций неуклонно уменьшалась, что объясняется уходом части активных монархистов на фронт, внутренними раздорами в монархических организациях, неспособностью правых предложить обществу конструктивные модели обустройства России.

Ключевые слова: Русское собрание, Всероссийский Дубровинский союз русского народа, Союз русского народа («обновленческий»), Русский народный союз имени Михаила Архангела, Отечественный патриотический союз

Актуальность заявленной проблемы состоит в том, что изменение численности правых организаций в ту или иную сторону свидетельствует о степени востребованности монархической идеи в конкретный период времени (в данном случае – в годы Первой мировой войны). Сложность анализа заключается в том, что в различных научных трудах количество членов правых организаций существенно варьируется. Видимо, это связано как с различными методиками подсчета численности, так и с тенденциями конъюнктурного характера (советские историки обычно существенно занижали численность правых организаций, тогда как современные историки-монархисты, наоборот, подчас склонны к завышению количественных показателей). Так, в коллективной работе «Программы политических партий России» утверждается, что к концу 1907 года Союз русского народа (СРН) насчитывал около 400 местных отделений, половина из которых приходилась на сельскую местность, а общее число членов Союза доходило до 400 000 человек [15; 438]. Однако в «Истории политических партий в России» можно прочесть, что в конце 1907 года в 66 губерниях и областях действовало 2 124 отдела СРН [2; 64] (другие монархические союзы – 105 отделов), по преимуществу в Европейской России, и особенно много – в Белоруссии и на Украине, то есть в черте еврейской оседлости. Таким образом, число местных отделений отличается от показателя предыдущей работы более чем в пять раз. Исследователь черносотенного движения в Поволжье Г. В. Набатов утверждает, что к концу 1907 – началу 1908 года черносотенные организации действовали в 2208 населенных пунктах, расположенных в 66 губерниях [8], и, таким образом, его данные почти совпадают с данными, приводящимися в книге «История политических партий в России».

Данные же об общей численности СРН на конец 1907 года в различных работах указываются примерно одинаковые [15; 438], [18; 87]. Правда,

сами черносотенцы в свое время заявляли, что в их союзах состоит 3 млн человек. Однако современные исследователи склоняются к тому, что столь завышенная цифра включает в себя не только активных членов, но и сочувствующих, официально в правые организации не входивших. В этой связи писатель и историк О. А. Платонов, к примеру, утверждает, что «общее число русских людей, связанных с деятельностью “Союза Русского Народа”, составляло не менее 2 млн человек» [11; 244].

Русский скульптор, публицист и общественный деятель В. М. Клыков, анализируя численность черносотенных организаций в период первой русской революции, писал, что, «по подсчетам Департамента полиции, в конце 1906 г. черносотенцев насчитывалось около 500 тысяч человек» [6].

Интересные данные о численности региональных организаций правых в период их расцвета приводит Е. М. Михайлова. По ее данным, правые партии и организации в Поволжье «в период революции 1905–1907 гг. стали одной из массовых политических сил с численностью, по официальным данным, до 38 тыс. человек в конце 1906 – начале 1907 гг.» [7; 28]. В качестве сравнения исследовательница отмечает, что «численность эсеров в регионе в этот период составляла около 4800 человек, кадетов – 3400 человек, октябристов – 2500 человек, социал-демократов – более 5800 человек» [12; 28–41, 61–83, 116–126, 158–166, 208–228].

Наиболее авторитетными, по словам Е. М. Михайловой, стали «Астраханская народно-монархическая партия (АНМП, Астрахань) с численностью до 18 тыс. человек в октябре 1906 г., Царско-народное Русское общество (ЦНРО, Казань) – до 15 тыс. человек в конце 1906 г., Православный всероссийский братский Союз русского народа (ПВБСРН, Саратов) – 7025 человек в декабре 1907 г. Спад революции 1905–1907 гг. непосредственным образом повлек за со-

бой сокращение численности членов правых организаций в условиях третьей ионийского режима» [7; 39]. Имеются данные, что в рабочем поселе Сорново под Нижним Новгородом, насчитывавшем к 1914 году 11 тыс. рабочих, имелись отдел и подотдел СРН общей численностью 420 человек (по данным на 1 декабря 1907 года) [14; 124], или около 4 % от общей численности поселка.

Однако если численность черносотенцев в Поволжье была относительно высокой, то в других регионах она могла быть значительно меньшей. Как утверждает С. А. Степанов, «черносотенцы не пользовались существенной поддержкой в районах с преобладающим русским населением и там, где русское население отсутствовало или было незначительным. Так, в Великом княжестве Финляндском не было ни одного черносотенного союза, в Польше, Прибалтике, на Кавказе и в Закавказье численность черносотенцев не превышала 7,5 тыс. человек, причем почти все они были сконцентрированы в административных центрах – Варшаве, Вильно, Тифлисе. Зато они активно действовали в регионах со смешанным национальным составом – в Белоруссии и на Украине, через которые проходила черта еврейской оседлости. В 15 губерниях “черты” сосредоточивалось 57,6 % всех членов крайне правых организаций. Парадоксально, что большинство членов Союза русского народа составляли украинцы, белорусы и молдаване. <...> Вместе с тем сельские подотделы черносотенных партий были самыми неустойчивыми. Погоня за численностью, стремление отрапортовать о поголовном присоединении к Союзу приводили к тому, что многие отделы существовали фиктивно» [18; 87].

Отметим, что численность черносотенного движения колебалась в разное время его существования. Конец 1907 года – это время наивысшего количественного роста Союза русского народа, затем начинается период расколов и нарастания кризисных тенденций. В результате к началу Первой мировой войны общая численность, а также численность отделов как СРН, так и других правых организаций неуклонно падала. К тому же многие правые деятели ушли на фронт, и, таким образом, объективно уже не могли принимать активного участия в деятельности партийных структур.

Получалось зачастую так, что ряд провинциальных организаций СРН (в частности, в Екатеринодаре) вообще закрылись из-за ухода всех своих членов в армию. Многие правые отправились на войну добровольно. Киевское молодежное патриотическое общество «Двуглавый орел» практически в полном составе отправилось на фронт. Не удивительно, что большинство «орлят», включая своего 23-летнего председателя В. С. Голубева, полные патриотического энтузиазма, но почти не имевшие военной подготовки, пали смертью храбрых в огне войны [3; 688].

Причины уменьшения численности черносотенцев в предвоенный период наиболее аргументированно обоснованы исследователем И. В. Омелянчуком (см. [10; 31]). По словам ученого, после 1908 (и вплоть до 1917 года) начинается стадия распада черносотенного движения, «которая, с одной стороны, явилась следствием достижения черносотенцами поставленных целей – победы, пусть и временной, над оппозицией, что привело к отходу значительной части рядовых членов правых партий от активной политической деятельности, а с другой – распад движения стал результатом изменения отношения правительства к правым партиям» [10; 46].

Исходя из данных, приведенных исследователем дореволюционных партий Н. Д. Постниковым [13; 17], если в период с 1911 по 1913 год число организаций уменьшалось незначительно (в числе сельских организаций даже увеличивалось), то в период Первой мировой войны происходит резкое падение числа отделов правых партий всех типов.

Данные о численности различных социальных слоев, представители которых входили в правые организации, также существенно варьируются у разных исследователей. Так, по подсчетам С. А. Степанова, общая численность рабочих-черносотенцев по всей стране составляла примерно 12–15 тыс. человек [17; 227]. По мнению И. В. Омелянчука, цифры эти не совсем точны: «Только в... рабочих отделах монархических организаций, по которым имеются точные данные, насчитывалось около 24 тыс. членов» [9; 89–90].

Общую численность Союза русского народа в период с 1912 по 1917 год пока что определить не представляется возможным, так как этот вопрос требует серьезного детального исследования на основе архивных данных, прежде всего фонда Департамента полиции МВД, где содержатся агентурные данные о правых организациях. Если же определять численность СРН и отколовшегося от него к 1912 году Всероссийского Дубровинского Союза русского народа (ВДСРН), вместе взятых, оценочно, то думается, что она, возможно, могла упасть примерно в 35 раз и составлять не более 10–12 тыс. человек. По данным Ю. И. Кирьянова, в первой половине 1916 года численный состав всех правомонархических объединений едва превышал 45 тыс. человек [5; 82].

Общая численность Русского народного союза Михаила Архангела (РНСМА), по данным О. А. Платонова, была значительно меньше, чем Союза русского народа, и не превышала 20–25 тыс. человек [11; 319] даже в период расцвета организации, то есть в 1909–1910 годы. Местные же организации РНСМА вообще отличались крайней малочисленностью. Так, по агентурным данным, Союз Михаила Архангела в Ростове-на-Дону «ничем себя решительно не проявляет, насчитывая своих членов менее 20-ти человек» [1;

4 об.]. Численность же Русской монархической партии даже в период ее расцвета (1906 год), по данным О. А. Платонова, составляла всего лишь около 10 000 человек (60 местных отделений) [11; 248]; в период же Первой мировой войны партия (в то время уже Русский монархический союз) влачила совсем жалкое существование.

Общую численность ВНС О. А. Платонов оценивает всего лишь в 3 тыс. человек [11; 320].

Согласно данным, которые приводит в своей монографии Ю. И. Кирьянов, численность Русского собрания в период со второй половины 1914 по 1915 год составляла всего 480 человек [4; 90]. Таким образом, эта организация была совсем малочисленной, и число ее членов упало с 1906 года (период наивысшего расцвета) примерно в 5 раз.

Вместе с тем численность некоторых монархических организаций в период войны росла. В частности, В. Г. Орлов утверждал, что с момента создания Отечественного патриотического союза по 1916 год увеличилась численность его отделов. Так, с осени 1916 года в ОПС состояло уже 82 отдела [16; 375–376]. Правда, рискуем предположить, что В. Г. Орлов существенно завышал цифры, чтобы успешно отрапортовать о своей деятельности перед компетентными органами, при непосредственном влиянии которых создавалась эта организация.

Рассмотрим данные о численности правых организаций на Северо-Западе России. Согласно исследованиям Ю. И. Кирьянова, основанным на документах Департамента полиции МВД, в конце 1907 – начале 1908 года членов Союза русского народа в Архангельской губернии насчитывалось 38 человек, в Вологодской – 7094, в Олонецкой – 170, в Новгородской – 175, в Санкт-Петербургской (без Санкт-Петербурга) – 419 человек, в Санкт-Петербурге – около 30 000 человек (в данные по Санкт-Петербургу входят также правые, состоявшие в других монархических организациях). При этом во всех губерниях, кроме Санкт-Петербурга, иных, кроме СРН, монархических организаций не было или по ним «нет сведений» (такая пометка в документах Департамента полиции свидетельствует или о крайней малочисленности, или о полном отсутствии организаций). Данные по этим же губерниям на конец 1915 – начало 1916 года выглядят для правых совсем печально. Чиновники Департамента полиции по всем губерниям, кроме Вологодской, писали стандартное «нет сведений»; что же касается Вологодской губернии, то в ней имелось 130 членов СРН и ВДСРН, а для других правых организаций они отсутствовали [5; 79–82]. Получается, что в северо-западных губерниях России правые организации к началу Первой мировой войны либо вообще исчезли, либо (как в Вологодской губернии) их численность упала более чем в 54 раза. Такое положение вещей можно охарактеризовать как полную катастрофу

монархического движения. Правда, в эти данные не вошли сведения по Русскому собранию (всего на конец 1914 – начало 1915 года в этой организации состояло 480 человек), большинство членов которого проживали в Санкт-Петербурге и его пригородах. Кроме того, один человек (Соколов П. П., личный дворянин, директор мужской Ломоносовской гимназии) проживал в Архангельске [4; 334], а еще один человек – полковник Кашкаров П. Д. – в Новгородской губернии [4; 328]. Оставшиеся примерно 10 % от общего количества членов РС проживали в других губерниях Российской империи.

Подводя итоги, следует отметить, что численность крупнейших правых организаций была весьма значительной в годы Первой русской революции 1905–1907 годов, однако потом постепенно уменьшалась. Главными причинами изменения динамики численности монархических организаций в сторону уменьшения являются, на наш взгляд, следующие:

1. Общее снижение интереса к правой идеологии в связи с начавшимся в предвоенные годы процессом модернизации экономики.

2. Неспособность правых обозначить четко выраженную и понятную широким народным массам идеологию, отвечавшую вызовам времени и способную удовлетворить стремления и чаяния простого народа.

3. Неспособность правых скоординировать свои усилия, взаимные распри, обвинения друг другу, внутрипартийная борьба, закончившаяся расколом Союза русского народа в 1909–1912 годах.

Впоследствии, в годы Первой мировой войны, число членов отдельных монархических организаций уменьшалось в несколько раз. Причины такого явления многочисленные, и, по сути дела, все вышеперечисленные факторы характерны и для периода Первой мировой войны. Следует добавить, что, хотя монархисты и пытались в 1915 – начале 1917 года скоординировать свои усилия, созывали Саратовское, Петроградское и Нижегородское совещания монархических организаций, а затем готовились к проведению еще одного объединенного съезда монархистов в Петрограде, однако их усилия уже были слишком запоздалыми и далеко не последовательными. Таким образом, монархистам так и не удалось полностью преодолеть межпартийные трения и целиком скоординировать свои усилия.

Кроме того, общая политическая ситуация, связанная с тем, что значительное количество правых отошло от партийной деятельности и непосредственно принимало участие в боевых действиях, а также в работе военно-санитарных поездов, способствовала сокращению рядов монархических организаций. Недостаток финансирования правых структур также самым негативным образом сказывался на степени эффективности мо-

нархической пропаганды в широких народных массах, а значит, отрицательно отражался и на общей численности правых организаций.

Следует отметить, что зачастую сами правительственные чиновники относились с подозрением к деятельности правых, осуществляли предварительную цензуру, ограничивали тираж или вообще временно прекращали выпуск некоторых правых изданий. Безусловное отторжение у значительной части чиновников вызывал антисемитизм правых, а также их симпатии к Германии. Что касается предположений чиновников о высокой степени германофильства среди правых, то гонения на монархистов в значительной степени проявляются, естественно, в годы Первой мировой войны, которая велась Россией против стран Германского блока.

Кроме того, речи правых, произнесенные в Государственной думе, их статьи в газетах трактовались искусно поставленной либеральной пропагандой, имевшей, к тому же, значительно

большие финансовые возможности, чем правые, как пустые, никчемные, не отражавшие реального положения дел в стране и т. д. Именно так они и стали восприниматься широкой общественностью, популярность правых в этих условиях неуклонно снижалась, и их численность стала резко падать. В условиях войны, а также развязанной либеральными средствами массовой информации травли императорской семьи, при муссировании слухов о «зловещей роли» Г. Е. Распутина в жизни императорского двора правые стали восприниматься в обществе как представители «темных сил», только того и желающие, чтобы Россия заключила с Германией сепаратный мир, хотя это, как показывают факты, совершенно не соответствовало действительности.

В итоге правые, проиграв информационную войну, теряли популярность в народе, и численность их организаций резко снизилась. Они так и не смогли заручиться поддержкой ни властных структур, ни широких народных масс.

ИСТОЧНИК

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ОО. 1916. Д. 244 (1).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

2. История политических партий в России / Под ред. А. И. Зевелева. М.: Высш. шк., 1994. 447 с.
3. Кальченко Т. В., Степанов А. Д. Студент-черносотенец. Владимир Степанович Голубев (1891–1914) // Воинство святого Георгия: Жизнеописание русских монархистов начала XX века. / Сост. и ред. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. СПб.: Царское дело, 2006. 808 с.
4. Кирьянов Ю. И. Русское собрание 1900–1917. М.: РОССПЭН, 2003. 352 с.
5. Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.
6. Клыков В. М. За веру, Царя и Отечество [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://srn.rusidea.org/?a=10001>
7. Михайлова Е. М. Правомонархическое движение начала XX века в Поволжье: идеологическое оформление и общественно-политическая практика: Автореф. дисс. ... д-ра. ист. наук. Казань, 2007. 45 с.
8. Набатов Г. В. Черносотенное движение в Нижегородской губернии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.nnov.ru/history/partis/12.html>
9. Омелянчук И. В. Социальный состав черносотенных партий в начале XX века // Отечественная история. 2004. № 2. С. 84–96.
10. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. 48 с.
11. Платонов О. А. Союз русского народа 1905 г. и другие патриотические организации // Терновый венец России. История русского народа в XX веке. М.: Родник, 1997. Т. I. 1040 с.
12. Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ: Сб. ст. М.: Институт истории СССР, 1987. 243, [1] с.
13. Постников Н. Д. Территориальное размещение и численность политических партий России в 1907–1917 гг. (По материалам Департамента полиции): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998. 20 с.
14. Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. / Вступ. ст. Ю. И. Кирьянова // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 104–124.
15. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М.: РОССПЭН, 1995. 461 с.
16. Степанов А. <Д> Отечественный патриотический союз // Черная сотня. Историческая энциклопедия. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
17. Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914). М.: ВЗПИ АО «Росвузнаука», 1992. 330 с.
18. Степанов С. А. Черносотенные союзы и организации // Политические партии России: история и современность / Под ред. проф. А. И. Зевелева, проф. Ю. П. Свириденко, проф. В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.

LENKA HRUŠKOVÁ

Ph. D., Institute of Technology and Business (Ceske Budejovice,
Czech Republic)
hruskova@mail.vstecb.cz

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Рассматриваются вопросы гендерной проблематики на начальной стадии изучения языка с точки зрения различных учебных стратегий.

Ключевые слова: обучающие стратегии, соревнование, гендерная проблематика

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время различия между мужчинами и женщинами принято считать важными детерминантами образовательной стратегии. В традиционной педагогике школьники, как правило, считаются бесполоми созданиями. Недостаточно учитывается и то, что учащиеся являются членами одной из двух основных групп человеческого общества – это либо девочки, либо мальчики [2].

Гендерные роли имеют свои социальные различия. Каждое общество создает определенные стереотипы, выступающие в форме социальных ожиданий, то есть определяет для мальчиков и девочек приемлемое поведение и внешний вид. С другой стороны, общество оказывает давление на их принятие, а какое-либо другое поведение становится определенным образом наказуемым. Многие мужские и женские качества рассматриваются как антагонистические, хотя в последнее время наблюдаются тенденции к нивелированию этих различий. Психологические особенности, считающиеся исключительно мужскими или женскими, присутствуют у обоих полов, но только у одного из них они имеют положительную оценку и социально обоснованы. В противном случае происходит их ослабление с помощью отрицательной обратной связи [2], что потом скажется на личности ученика.

Школьный период – это время усердия и старания, когда происходит усиление мотивации достижения желаемого результата, развиваются способности, навыки, нормы, правила, происходит освоение социальных ролей, развитие чувства собственного достоинства ребенка, его уверенности в себе. Ребенок в этот период в основном сосредотачивает свое внимание на достижении результата.

Стратегии обучения учитывают контекст, в рамках которого они определяются и осуществляются; подчеркиваются роль учителя в процессе обучения с точки зрения оценки личных целей и типа взаимодействия: а) конкурентивный (соревновательный); б) кооперативный; в) индивидуалистический.

В отношении разделения обучающих стратегий с точки зрения гендерных ролей и стереоти-

пов можно сделать следующие предположения. Индивидуалистические стратегии ориентированы на индивидуальное выполнение целей и являются независимыми от социальной среды, поэтому могут устраивать как мальчиков, так и девочек в зависимости от личных предпосылок. Гендерные различия могут проявляться при осуществлении соревновательных стратегий.

ЦЕЛЬ И МЕТОДИКА

Цель – определить эмпирическую эффективность стратегий обучения в отношении половых различий. Гипотеза исследования: независимо от обучающих стратегий, девочки показывают на начальной стадии обучения иностранному языку лучшие результаты, чем мальчики. Статья базируется на результатах исследований в отдельных начальных школах, которые основаны на квантитативном методологическом подходе к исследованию проблематики обучающих стратегий. Мы предполагаем, что обучение учеников младшего школьного возраста в значительной степени зависит от гендерных различий и переменных, оказывающих воздействия на их *эксплицитность*. Для подтверждения гипотезы был создан комплекс условий для двух групп учащихся: 9–11 лет (первичная школа); вторая группа состояла из учащихся 4–5-х классов начальной школы. Основная исследовательская группа насчитывала 258 учеников из семи начальных школ различных регионов Чехии. Оценка эффективности обучения учеников проводилась при помощи конкурентивно-кооперативных (или коллаборативных) и индивидуалистических стратегий и техник, основанных на дидактических стандартизованных тестах – инструментах систематической оценки результатов обучения. Во всех случаях применялся стандартный тест по английскому языку «Cambridge Young Learners» на уровне дескриптора для A1, согласно «Общеввропейской компетенции владения иностранным языком». Тест был нацелен на определение уровня владения всеми четырьмя навыками иностранного языка: работа с текстом (лексико-грамматическая часть), письмо, говорение и аудирование.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

С помощью статистической обработки данных была сделана попытка подтвердить или опровергнуть гипотезу исследования. На рис. 1 показан подсчет баллов по принципу половых различий (без учета таких факторов, как школа, тест и класс).

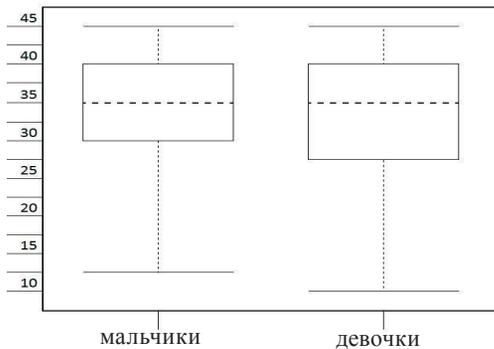

Рис. 1. Распределение баллов по половой принадлежности

В исследовании участвовали 214 мальчиков и 181 девочка. Результаты девочек (в среднем 33,32) были чуть лучше результатов мальчиков (в среднем 33,11). Немного лучший показатель вариабельности имеют представители мужского пола ($s = 8,89$ балла) по отношению к представительницам женского пола ($s = 8,27$ балла).

Обобщение результатов анализа по половой принадлежности проводится с помощью двухвыборочного теста для средних. С помощью t-теста проводим тестирование гипотезы, где показатель не зависит от половой принадлежности.

Прежде всего при помощи F-теста проверим гомогенность дисперсии оценки и мужчин, и женщин (гомоскедастичность). Полученные при помощи статистических методов данные не показывают существенную зависимость при оценке половой принадлежности. Используем далее другие уточняющие статистические методы (табл. 1).

У учащихся мужского и женского пола результаты подобные. Самое большое количество баллов получили начальные школы в Соколове и Рудольфове около Чешских Будейовиц, самой слабой оказалась начальная школа в Высшем Броде (рис. 2).

Статистическую индукцию проводим с помощью трехфакторного дисперсионного анализа (TAR), в базе данных – оба набора тестов. Тестируем нашу гипотезу, потому что такие факторы, как школа, пол и тест или их совокупность, могут значительно повлиять на средние показатели противоположных вариантов. Из таблицы дисперсионного анализа видно, что наиболее существенное влияние на результаты показателей тестов имеют факторы школы и использованных обучающих стратегий (табл. 3) (p -значение = 5,98, 10–12), а на 5-процентном уровне по-прежнему значительно взаимодействие факторов школы и пола (p -значение = 0,041). Другие

факторы и их взаимодействие не имеют существенного влияния на результаты тестирования.

Таблица 1

Подсчет баллов в соответствии со школой (с преобладающей обучающей стратегией) и полом учащихся (без учета теста и класса) для учащихся мужского пола

	mean	sd	25%	50%	75%	100%	n
MAL	29.00000	7.338743	16	22.50	31	35.00	40
RUD	37.02500	7.814260	16	33.00	39	44.00	45
S.U.	36.38462	4.167272	25	34.00	37	39.75	42
SOK	43.60000	1.897367	39	43.25	44	45.00	45
STR	29.87179	7.441631	9	26.50	30	35.50	43
TAB	28.48276	7.448014	12	24.00	27	34.00	44
VBR	21.06667	8.786895	10	14.00	21	27.00	36

Примечание. MAL – základní škola (ZŠ) Malonty, начальная школа (НШ) п. Малонты; RUD – ZŠ Rudolfov, НШ г. Рудольфова; S. Ů. – ZŠ Sezimovo Ústí, НШ г. Сезимово Усти; SOK – ZŠ Sokolov, НШ г. Соколова; STR – ZŠ Strakonice, НШ г. Страконице; TAB – ZŠ Tábor, НШ г. Табора; VBR – ZŠ Vyšší Brod, НШ г. Высший Брод.

Таблица 2

Преобладающие обучающие стратегии в НШ

Кооперация	Компетитивные обучающие стратегии	Индивидуалистические стратегии
г. Сезимово Усти	г. Рудольфова	г. Соколова
г. Табор	г. Высший Брод	
	п. Малонты	
	г. Страконице	

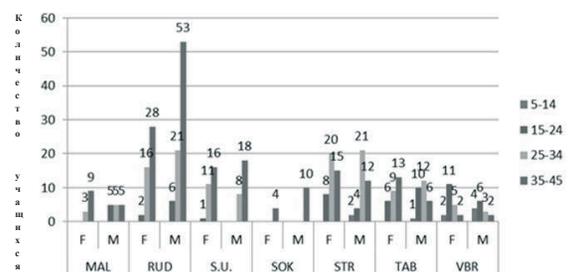

Рис. 2. Распределение числа учащихся по достигнутым показателям, школам (с преобладающими обучающими стратегиями) и половой принадлежности

Для правильного использования дисперсионного анализа необходимо было проверить мотивационный остаток (резидуи) – различия эмпирических и сбалансированных значений; для этого был использован тест Шапиро – Уилка и графические методы qq-диаграммы. Резидуи была гомоскедастической (существенно не отличались их дисперсий). Далее для проверки был использован тест Бреуша – Пагана, из графических методов был выбран график зависимости резидуи от наиболее важного фактора. Была также подтверждена независимость каждого измерения. В ряде исследований независимость подтверждается при помощи теста Дарбина – Уотсона применительно к резидуи.

Таблица 3

Статистическая индукция с помощью
трехфакторного дисперсионного анализа
(TAR)

>Anova(AnovaModel.7)				
Anova Table (Type II tests)				
Response: показатели				
	Sum Sq	Df	F value	Pr(>F)
Пол	168.7	1	3.3945	0.06651
Школа	3280.5	4	16.4982	4.117e-12 ***
Тест	0.0	1	0.0001	0.99210
Residuals	13471.5	271		
Signif. codes:	0 '***'	0.001 '**'	0.01 '*'	0.05 '.' 0.1 ''

Из трехфакторного дисперсионного анализа (без интеракции, табл. 3) видно, что наиболее важным фактором является школа (p -значение = 4,12.10⁻¹²), примерно на 7-процентном уровне значимости – пол (p -значение = 0,067). Тип теста не имеет значительного влияния (p -значение = 0,99).

С помощью метода наименьших квадратов постараемся оценить модель дисперсионного анализа (табл. 4)

Таблица 4

Оценка модели дисперсионного анализа

Coefficients:		Estimate	Std.Error	t value	Pr(> t)
(Intercept)		33.436480	1.503952	22.232	< 2e-16 ***
Пол		-1.593502	0.864900	-1.842	0.06651
Школа	[T.RUD]	4.920341	1.496962	3.287	0.00115 **
Школа	[T.S.U.]	2.752489	1.663138	1.655	0.09908 .
Школа	[T.SOK]	11.341593	2.330178	4.867	1.92e-06 ***
Школа	[T.TAB]	-2.384409	1.647708	-1.447	0.14902
Тест	[T.t2]	0.008397	0.847632	0.010	0.99210
Signif. codes:	0 '***'	0.001 '**'	0.01 '*'	0.05 '.'	0.1 '' 1

В модели в качестве регрессоров фигурируют фиктивные переменные для отдельных факторов (пол – основной уровень в алфавитном порядке у учащихся мужского пола, школа – основной уровень в алфавитном порядке у учеников НШ п. Малонты (MAL), тест – основной уровень, представленный в табл. 4). Наиболее выразительными являются показатели в школе г. Соколова. Средние показатели теста в школе г. Соколова по сравнению со школой в п. Малонты на 11,34 балла выше. Значительными являются показатели и у школы г. Рудольфова (p -значение = 0,0012). Это говорит о том, что показатели в школе в г. Рудольфове относительно показателей в п. Малонты на 4,92 балла выше. Если мы применим 10-процентный уровень значимости, то по-прежнему остается значимым коэффициентом переменная пола М (p -значение = 0,067). Показатель коэффициента -1,56 указывает на то, что средний показатель тестов учащихся мужского пола относительно женского снизился на 1,56 балла. Последний значимый коэффициент наблюдается в школе г. Сезимово

Усти (p -значение = 0,099). Показатель коэффициента 2,75 указывает на то, что средний показатель школы в г. Сезимово Усти относительно показателя в школе п. Малонты на 2,75 балла выше. Многомерный коэффициент детерминации $R^2 = 0,198$ показывает, что предполагаемыми изменениями ряда факторов объяснялось лишь 19,8 % изменений показателей тестов. Остальное можно объяснить влиянием случайных факторов, которые не были включены в данный анализ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе исследований мы выясняли, проявляются ли у учащихся младшего школьного возраста гендерные различия в условиях специфических обучающих стратегий. Сигнификативные различия в данном случае можно было наблюдать во всех исследованных стратегиях. Значительную роль играет взаимодействие различных полов со школой и школ с учащимися различных полов и классов.

При использовании 10-процентного уровня значимости существенным был коэффициент переменной пола М (p -значение = 0,067). Показатель коэффициента 1,56 указывает на то, что средний показатель тестов у учащихся мужского пола может понижаться на 1,56 балла относительно женского пола.

При интерпретации трехфакторного и четырехфакторного дисперсионного анализа (без интеракции) и других статистических моделей мы пришли к заключению, что приблизительно на 7-процентном уровне значимости принадлежность к определенному полу имеет влияние на эффективность обучающих стратегий (p -значение = 0,067). При использовании метода наименьших квадратов (по результатам модели дисперсионного анализа), когда возникают, как регрессоры, фиктивные переменные относительно фактора пола, гипотеза находит свое подтверждение. На первичной стадии обучения иностранному языку девочки показывали лучшие результаты в дидактических языковых тестах, чем мальчики, независимо от выбранной обучающей стратегии (данная верификация находится в соответствии с международными исследованиями).

Подтверждена значительно лучшая успеваемость девочек в изучении языков, в которой они были традиционно успешными. Наибольший разрыв наблюдался в пользу мальчиков при стандартизованном тестировании по математике и информатике, но девочки имели преимущество в знаниях и навыках мальчиков и девочек объясняются прежде всего различиями их социализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. V á g n e r o v á M. Vývojová psychologie. Praha: Portál, 2000.
2. P r ů c h a J. Moderní pedagogika věda o edukačních procesech. Praha: Portál, 1997.

НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА ПАВЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры начального образования Института педагогики и психологии, Череповецкий государственный университет (Череповец, Российская Федерация)
npp55@mail.ru

ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА ЦЕЛИКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин факультета общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, Череповецкий государственный университет (Череповец, Российская Федерация)
evts80@yandex.ru

ТЕЛЕРЕКЛАМА И РЕБЕНОК*

Рассматриваются результаты исследования восприятия телевизионной рекламы детьми старшего дошкольного возраста и его влияния на потребительские предпочтения, а также общение, игры детей (по мнению родителей и воспитателей).

Ключевые слова: феномен рекламы, визуальный ряд, влияние телерекламы на детей, навязчивая реклама

Реклама оказывает особое влияние на детей дошкольного возраста. С точки зрения рекламодателя дети – превосходная аудитория. Дети являются наиболее восприимчивыми ко всем психологическим уловкам, которые использует реклама. Научить ребенка правильно воспринимать рекламную информацию, исходящую из телеэкрана, – одна из серьезных задач, стоящих перед обществом. Однако анализ журналов, предназначенных для воспитателей ДОО, программ образования и воспитания в детском саду, беседы с родителями и воспитателями позволяют сделать вывод, что не только целенаправленная работа, но и элементарное внимание к проблеме приобщения ребенка к миру рекламы отсутствуют. Между тем, согласно исследованию, проведенному на кафедре возрастной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, более половины детей до 7 лет положительно относятся к рекламе и безоговорочно верят ей. Более того, именно дети определяют около половины всех семейных покупок [4; 30–38].

Влияние телерекламы в первую очередь сказывается на детях, так как они являются более восприимчивыми по сравнению со взрослыми и не в состоянии эффективно противопоставлять воздействию рекламы собственные установки, взгляды, нравственные критерии. Ситуация же на телевидении такова, что любые передачи и кинофильмы то и дело прерывает показ рекламы.

Для изучения особенностей восприятия детьми старшего дошкольного возраста телевизионной рекламы и ее влияния на поведение детей нами было проведено специальное исследование, отдельные результаты которого предлагаются в данной статье.

В эксперименте принимали участие 12 детей в возрасте от 6 до 7 лет, 12 родителей, 2 воспитателей. Наблюдения проводились на базе МДОУ д/с № 83 г. Череповца. Результаты позволили выявить понимание, отношение, доверие детей старшего дошкольного возраста к рекламной продукции, выяснить, какая реклама нравится детям больше (табл. 1).

Таблица 1

Отношение детей старшего дошкольного возраста к рекламе

Имя	Можешь ли ты объяснить, что такое реклама?	Как ты относишься к рекламе?	Какие чувства ты испытываешь, если тебе покупают рекламируемый товар?	Веришь ли ты рекламе?	Хочешь ли ты посмотреть рекламу?	Назови твою любимую рекламу
Миша	Да	+	Очень нравится	Да	+	Про растишку
Дарина	Нет	–	Очень нравится	Да	+	Скелетоны, растишка
Максим	Нет	+	Очень нравится	Да	+	Хуба-буба
Даша	Нет	+	Очень нравится	Да	+	С животными
Алена	Нет	+	Очень нравится	Да	+	Растишка
Дима	Нет	+	Очень нравится	Да	+	Скелетоны
Настя	Нет	+	Очень нравится	Да	+	Реклама про телефоны
Егор	Да	+	Очень нравится	Да	+	Человек-паук
Вика Ц.	Нет	–	Не нравится	Нет	+	Скелетоны
Саша Б.	Нет	+	Очень нравится	Да	+	Растишка
Саша Б.	Нет	+	Очень нравится	Да	+	Скелетоны
Андрей М.	Нет	–	Очень нравится	Да	+	Про кофе

Из таблицы видно, что 97 % детей любят смотреть рекламу, но объяснить, что это такое, могут только 10 %. 97 % опрошенных детей доверяют рекламе, и все дети хотят видеть рекламу. Любимые рекламные ролики – выполненные в стиле мультипликационного фильма, а также те, где задействованы животные. Все дети отметили красочность рекламы. 98 % детей испытывают радость от покупки рекламируемого товара, 2 % – разочарование. С возрастом критическое отношение усиливается. В группе дошкольников большая часть детей положительно относится к рекламе, любит ее смотреть. В младшем школьном возрасте таковых уже меньше – примерно 38 %, среди детей 11–12 лет – только 18 %, а старшим подросткам реклама категорически не нравится. При этом выборочно, отдельные рекламные ролики нравятся соответственно 10, 25 и 8 % опрошенных детей [1; 21].

Однако следует отметить, что ребенок не всегда в состоянии объяснить рекламный текст. Так, рекламу пива «Толстяк» дети поясняют следующим образом: «Это человек, который много ест и становится толстым». При толковании рекламы стирального порошка «Ласка» дети опираются на ассоциативный ряд: очень ласковый, что-то нежное, ласковый человек, гладить кошку, любовь – ласкаешь кого-то, ласточка, ласково обращаться с людьми.

Маленьких детей в первую очередь привлекают движение на экране и яркая картинка, а не смысл рекламного сообщения. Поток смысловой информации воспринимается ими бессознательно. Это основано на физиологической особенности восприятия: внимание человека фокусируется на изменениях в окружающем пространстве, а не на том, что неизменно. Без дополнительного волевого усилия человек не может долго концентрироваться на стационарном объекте. Накапливается усталость, и внимание переключается самопроизвольно. И наоборот – чем больше изменения, тем сильнее внимание к ним.

Современная реклама характеризуется динамичностью. Интенсивность сменяющихся друг друга образов очень высока. Однако взрослый, имея достаточно развитую волю и сформированное критическое мышление, при желании легко «отстраивается» от мельтешения рекламных картинок на экране и переключается на другую программу. Ребенок же полностью подпадает под власть рекламы. В рекламных клипах визуальные образы меняются настолько быстро, что внимание ребенка просто не успевает устоять и послушно следует за ними. Поэтому о каком бы товаре ни шла речь, ролики, напрямую обращенные к детям, отличаются быстротой, яркостью и неизменной «веселостью», никогда не сообщая информации о продукте как таковом. У маленьких детей практически отсутствует «чувство раздражения из-за однотипных рекламных клипов, которые повторяются бес-

конечно», – отмечает А. Дударева [3; 31]. Один и тот же телеролик они готовы смотреть многократно и с неослабевающим интересом.

Повышенный интерес к рекламе отнюдь не исчерпывается только биологическими процессами. Физиологические особенности детского восприятия всегда ложатся на процесс социализации ребенка (его адаптацию в социуме), начало которой приблизительно совпадает с началом обучения в школе и, соответственно, – на большую, практически без малейшей критичности доверчивость детей ко взрослым, в первую очередь к родителям и учителям. Поэтому воздействие соответствующе организованной массовой информации на ранних этапах социализации индивида очень велико. Часто оно таково, что, как показывают результаты исследований, никакие, даже самые убедительные новые данные о конкретном объекте в дальнейшем неспособны существенно повлиять на сформировавшееся на основе впечатлений детства отношение. Для ребенка 5–7 лет реклама – «это, прежде всего, самая простая модель знакомства с обществом» [5; 31]. Из-за занятости родителей ребенок не может в нужном объеме копировать их поведение в разных ситуациях. Овладение стереотипами поведения взрослого человека осуществляется посредством игр и сказок. В сказках детям предлагаются решения того, что правильно, а что нет, как поступать в тех или иных ситуациях. Благодаря игре дети вырабатывают собственные сценарии поведения. Реклама же в восприятии ребенка – синтез игры и сказки. Герои рекламных роликов просты и линейны, их желания и поступки лишены нюансов, понятны ребенку. Мультишный герой в рекламе обычно забавный, смешной, дружелюбный, часто попадает в курьезные ситуации. Ребенок всегда сопереживает герою, оказывает ему мысленное содействие, что сходно с ролью, которую берет на себя ребенок в игре. Во всем этом просматривается аналогия с рекламой: трудно упрекнуть героев роликов в неоднозначности характеров, а сюжеты – в сложности. Но, пожалуй, больше всего привлекает ребенка в рекламе позитив, бьющий через край. Герои доброжелательны, аккуратны, члены рекламных семей не кричат друг на друга и на детей. К примеру, ролики соков «Моя семья»: дети будят родителей посреди ночи, засыпают кухню попкорном, но родители лишь улыбаются да вздыхают. Ничего удивительного, что такая модель поведения притягивает ребенка. По сути, увлеченность детей рекламой носит компенсаторный характер. Таким образом, можно говорить о том, что важными факторами, обуславливающими повышенный интерес к рекламе у детей старшего дошкольного возраста, являются движение на экране и яркая картинка.

Если сравнить результаты опроса родителей с ответами детей, то обнаруживается следующее: 50 % родителей отрицательно относятся к рекла-

ме, 33,3 % – положительно, 16,6 % реклама нравится выборочно, то есть отношение детей и родителей к рекламе не совпадает. Родители позитивно оценивают лишь немногие из рекламных роликов и хотели бы, чтобы рекламы было меньше (особенно средств личной гигиены), чтобы повысилось ее качество. О том, что родители понимают негативное воздействие рекламы на детей старшего дошкольного возраста, говорят ответы родителей на вопрос о том, прерывает ли ребенок свою деятельность при виде рекламы или услышав ее «позывные». Выяснилось, что большая часть детей прерывает свою деятельность ради рекламы. При этом около трети детей отвлекаются только на определенную рекламу, соответствующую их предпочтениям, и только около 10 % детей отвлекаются на большинство рекламных роликов.

Отвечая на вопрос «Отражается ли содержание рекламных роликов в деятельности детей?», родители отмечали следующее. У 75 % детей содержание рекламы не проявляется в их высказываниях и поведении, у 20 % детей реклама находит отражение в высказываниях, особенно юмористического содержания. Простые наблюдения над русской речью показывают, что реклама «поставляет речевые образцы, а точнее, дает навязчивые речевые клише даже в речи взрослых и детей» [2; 5]. Например, как способ инициации действия взрослого: «Не дайте мне засохнуть» (просит налить чай); «Тот самый вкус, тот самый чай» (после того как чай налили, вместо «Спасибо»). Или как означивание собственного действия и с целью привлечь внимание окружающих. Например: «О моих волосах надо заботиться» (причесываясь). Наличие «цитатности» в речи детей отрицательно влияет на развитие ребенка, так как у него складывается иллюзорная коммуникация. Дети запоминают отдельные выражения или необычные сюжеты. В то же время, когда специально просили вспомнить какую-либо телевизионную рекламу, отдельные фразы, песенки, персонажей, у большинства детей это вызывало затруднения.

Данные о влиянии рекламы на потребительские предпочтения детей («Просишь ли ты купить рекламируемые товары?») можно представить следующим образом: на большинство детей подготовительной группы реклама оказывает мотивирующее воздействие (50 %), 16 % детей, по их мнению, не «поддаются» воздействию рекламы. При этом ответы родителей не совпадают с ответами детей: 75 % родителей отмечают, что ребенок просит приобрести товар, рекламе которого он видел. При отказе в покупке предпочитаемого ребенком на основании рекламы товара 45 % детей реагируют спокойно; 15 % ведут себя по-разному в зависимости от ситуации; 5 % реагируют отрицательно; 25 % не обращаются с подобными просьбами к родителям.

Анкетирование, проведенное среди воспитателей, которые наблюдают ребенка в игре, в коллек-

тиве, позволило выяснить, играют ли дети в героев каких-либо рекламных роликов, используют ли дети в игре высказывания из рекламы (табл. 2).

Таблица 2

Мнение воспитателей о влиянии рекламы на ребенка

Вопрос	Ответ	%
Играют ли дети в каких-либо героев рекламных роликов?	Всегда	2
	Часто	15
	Иногда	83
	Никогда	0
Используют ли дети в игре высказывания из рекламных роликов?	Всегда	0
	Часто	23
	Иногда	77
	Никогда	0

Таким образом, мы видим, что дети играют в героев из рекламных роликов (83 %), а также используют высказывания из рекламных роликов в играх со сверстниками (77 %). Все воспитатели отмечают влияние рекламы на психическое развитие ребенка (память, внимание, мышление, речь). Д. Б. Эльконин в «Психологии игры» отмечает, что «сюжетная игра чаще встречается у детей моложе семи лет и практически отсутствует у более взрослых» [5; 56]. Мальчики чаще играют в сюжетные игры, чем девочки, так как девочки раньше мальчиков включаются в процесс труда, помогая по дому. Но до тех пор пока дети играют, они многое перенимают у героев рекламы: «Хорошие хозяйки выбирают “Лоск”», «“Натс” заряжает мозги», «Глазированные сырки “Рыжий АП” — для детей-шпионов» и т. д.

Из рекламы дети узнают много нового, начинают лучше ориентироваться в огромном мире товаров, понимают их функции, преимущества и недостатки. Малыши без труда отличат одну марку жевательной резинки или леденцов от другой, всегда находятся в курсе новинок. Ребенок включается во взрослую жизнь, начинает понимать, что такое цена, заработок, скидки, качество. Реклама помогает быть модным, находиться «на одной волне» со сверстниками. Если ребенок ничего не будет знать о тех товарах, которые показывают на телевидении, он не сможет участвовать во многих детских разговорах и играх («сотки», наклейки, вкладыши). Часто героем рекламного ролика является преуспевающий человек, положительный герой, на которого хочется быть похожим. А для того чтобы этого добиться, необходимо думать, к чему-то стремиться, достигать поставленных целей.

Но и минусов у рекламы немало. Иногда продукты (чипсы, жевательная резинка, леденцы, шоколадные батончики, газированные напитки), в рекламе которых используется образ подростка, являются не слишком полезными для здоровья. Родителям бывает трудно доказать это ребенку, приходится уступать под воздействием его настойчивых уговоров и покупать то, что он просит. Многие ролики призывают «перекусить», если наступило чувство легкого голода. Из-за этого количество приемов пищи

увеличивается, а полноценное питание нередко и вовсе заменяется подобными «перекусами». Маленький ребенок не способен самостоятельно выполнить условия лотереи, предлагаемой телерекламой, хотя очень хочет. Для него желание выиграть приз является совершенно естественным, но без помощи взрослых он не сможет вырезать несколько упаковок и прислать их по определенному адресу. Таким способом рекламодатели пытаются воздействовать на родителей посредством их малыша.

Нередко реклама делает ребенка более агрессивным и раздражительным. Во-первых, многие рекламные ролики повторяются слишком часто, прерывают интересные фильмы или мультфильмы. Во-вторых, такие товары, как горные велосипеды, автомобили, пока недоступны ребенку, а иметь их хочется. Так как желания и возможности не совпадают, возникает чувство разочарования, а нередко и злости на родителей, которые не могут купить дорогую «игрушку». В-третьих, сама реклама может отличаться агрессивностью («Вы не любите кошек? Да вы просто не умеете их готовить!»).

Проведенное исследование показало, что телевизионная реклама, безусловно, влияет на детей старшего дошкольного возраста. По мнению родителей, большинство детей узнают рекламные ролики по визуальному ряду, звуковому сопровождению, воспроизводят отдельные высказывания, выражения, мелодии. Половина детей прерывают свою деятельность из-за рекламы, хотя и не предпочитают рекламу другим передачам. Почти все опрошенные дошкольники доверяют содержанию рекламы, возможно, используют рекламу в качестве культурного эталона потребления. Наибольшей популярностью среди детей пользуется реклама продуктов питания, напитков, игрушек, косметики, бытовой техники, спортивные сюжеты, реклама с участием животных.

В формировании взгляда на рекламу у младших детей важнейшее значение имеет отношение к ней их родителей. Можно констатировать, что полученные факты выявляют опосредующую функцию семьи, корректирующей воздействие телевизионной рекламы на ребенка. Почти половина опрошенных родителей утверждает, что реклама негативно влияет на их детей, следует

запрещать детям смотреть рекламу либо дозировать ее, а также формировать правильное к ней отношение. Результаты наблюдений показали, что в целом реклама все же не играет решающей роли в формировании потребительских предпочтений, хотя во многом оказывается средством манипулирования сознанием детей.

Современный ребенок, еще не оформившийся как личность, не всегда еще умеющий отличить плохое от хорошего, вредное от полезного, уже знает, чем можно утолить жажду, какое пиво правильное, где найти гарантии и что делать, если нет с собой зубной щетки... А 23–30-летние папы и мамы зачастую понятия не имеют, какое пагубное влияние оказывает телереклама на их детей, так как даже не представляют, как бы на них самих последняя повлияла, ведь в их детские годы ее просто не было.

Таким образом, реклама в несет в себе качества очевидной двойственности. С одной стороны, это «истинно демократическое», можно сказать, сакраментальное информационное средство, с незапамятных времен призванное способствовать в реализации прав на обладание. Эта ее особенность подсознательно порождает у потребителя чувства доверия и приязни и тем самым делает его открытым и незащищенным по отношению к данному виду информационного воздействия. С другой стороны – хорошо понимая положение потребителя, рекламодатель, мягко говоря, злоупотребляет этим чуть ли не врожденным доверием людей к рекламе, сделав последнюю многогранным выразителем своих собственных коммерческих интересов. При этом из производственной сферы им были в значительной степени исключены требования гуманности, морали и справедливости. Под маской рекламы современные психотехнологии спрятали массу способов программирования покупателя. Именно это обстоятельство делает рекламу идеальной формой психической агрессии, которой совершенно нечего противопоставить рядовому законопослушному гражданину.

И все-таки, как показывают специальные исследования, будущее за гуманной, интеллектуальной и добропорядочной рекламой. История свидетельствует, что материально-техническому прогрессу сопутствует определенный рост моральных и гуманистических критериев.

* Работа выполнена в рамках исполнения государственного контракта на проведение поисковой научно-исследовательской работы в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» № 14.740.11.1120 от 30 мая 2011 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева Н. Н., Фоминых Н. А. Влияние телевизионной рекламы на детей и подростков // Человек. 2003. № 1. С. 22–23.
2. Базжина Т. В. Рекламные инкрустации в речи ребенка // Психолингвистика и проблемы детской речи: Материалы Российской науч. конф. Череповец, 2000. С. 5–8.
3. Дударева А. Н. Внимание! Дети! // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 34–37.
4. Степанов В. Н. «Реклама – двигатель...» О лингвистической природе эффекта воздействия в текстах телерекламы // Ярославский педагогический вестник. 2001. № 1. С. 30–38.
5. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1989. 560 с.

АЛЕКСАНДР АЛИЕВИЧ КЕРИМОВ

кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории политической науки факультета политологии и социологии, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация)
Kerimov68@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Изучаются и выделяются исторические формы становления института парламентаризма. Предлагается новая периодизация эволюции парламентаризма. Особое внимание в работе акцентируется на выявлении универсальных характеристик парламентаризма на различных исторических этапах его становления.

Ключевые слова: парламентаризм, протопарламентаризм, сословно-представительный парламентаризм, буржуазный парламентаризм

В современной политологической литературе традиционно выделяют три исторические формы парламентаризма: античную, средневековую и современную. На наш взгляд, такое деление не в полной мере позволяет раскрыть содержание и сущность этапов становления парламентаризма. Представляется, что предложенная в рамках данной статьи периодизация позволит более обстоятельно проследить эволюцию парламентаризма, установить его основные, универсальные характеристики.

Главным критерием для выделения этапов парламентаризма является наличие и степень реализации в обществе его основополагающих элементов, таких как принцип разделения властей в управлении государством, значение и статус законов в обществе, наличие свободно избранного законодательного (представительного) органа и политических партий.

Хронологические рамки первого этапа охватывают период с древнейших времен до XII века. Этот этап можно охарактеризовать как эпоху «протопарламентаризма», где можно обнаружить первичные проявления парламентаризма, которые в ходе общественного развития постепенно приобретают черты прообраза средневекового парламента – важнейшего элемента парламентаризма.

По замечанию К. Шмитта, «древнейшее... оправдание парламента заключается в соображении внешней “быстроты”: собственно говоря, решать должен был бы народ в своей реальной совокупности, как это было изначально... по практическим соображениям сегодня невозможно, чтобы все в одно и то же время сходились в одном месте; также невозможно опрашивать всех по поводу каждой частности; поэтому разумней облегчить себе задачу избранием коллегии доверенных людей, а это как раз и есть парламент» [6; 183].

Законодательство в нынешнем понимании до середины I тыс. до н. э. еще отсутствовало. Его за-

меняли указы фараонов, царей, распоряжения их главных управителей. Законодательство носило исключительно авторитарный характер. Основу государственного устройства, правового нормотворчества составляли мифы, легенды о божественном происхождении царей и их власти, и не случайно в античности основными разработчиками правовых норм были жрецы. Законодательная ветвь власти функционировала как одно из властных прав царей, их наместников, правителей административных территорий. В правовом нормотворчестве была весьма слабая преемственность: нормы, действовавшие при одном правителе, отменялись его преемником; централизация сменялась такой крайней децентрализацией, что возникла угроза распада государства.

В античном мире появление законодательных органов власти было продиктовано экономическим развитием общества. Товарное сельское хозяйство, не отягощенное крепостными формами зависимости, способствовало развитию ремесел, судостроения и торговли. Так постепенно усиливалось значение простого народа, занимавшегося общественным производством. Однако представители аристократии сохраняли за собой преимущества, которые им давали родовые традиции и органы власти. В этих условиях возникла необходимость руководствоваться при решении имущественных споров и уголовных дел не родовыми обычаями, а писаными законами, где «множественность форм собственности, ремесленные цехи, купеческие гильдии, корпорации ученых, юристов, врачей, монашеские и рыцарские ордена – все имели свой “частный интерес”, требующий своего выражения» [4; 616].

Второй этап в развитии парламентаризма (начало XIII – середина XVII века) относится ко времени, когда парламенты начинают приобретать значение государственного форума, и с этого времени можно говорить о становлении «сословно-представительного» парламентаризма.

Первые прообразы парламентов появились еще в XII–XIII веках, это были испанские кортесы и английский парламент. Само слово «парламент» вошло в обиход примерно в то же время [5; 9].

Изменения в политической структуре стран Западной Европы в эту эпоху происходили в условиях возникновения и роста в рамках феодализма нового капиталистического уклада. В эволюции форм государственного устройства отчетливо проявилась тенденция к дальнейшему росту самостоятельности отдельных национальных и многонациональных государственных образований. Эта тенденция сопровождалась подъемом национального самосознания и разрывом универсалистских связей средневекового типа, воплощавшихся в духовной и политической власти папства. Устранение внешней по отношению к государству идеологической мотивации его существования через принадлежность к единому католическому миру вело к оформлению идеи самодостаточности государства, к поиску новых идеологических обоснований государства, к возникновению различного рода учений о сущности и назначении государства и государя.

Таким образом, на этом этапе в социально-политической жизни средневековой Европы происходят важные изменения, которые характеризуются, во-первых, существенным усилением позиций сословий, требующих защиты своих частных, корпоративных интересов; во-вторых, по-прежнему отсутствием на практике реализации принципа разделения властей; в-третьих, появлением в политической системе некоторых европейских стран парламентских учреждений – сословно-представительных органов власти, выполнявших функцию ограничения власти монарха; в-четвертых, введением принципа обязательности соблюдения законов для всех членов общества, включая и правителей.

Третий этап (конец XVII–XIX век) характеризуется становлением в условиях зарождения и развития капиталистических отношений буржуазного парламентаризма.

Его становление стало реальностью благодаря превращению буржуазии в господствующий класс, которое совершилось в результате политических революций, ликвидировавших феодальные производственные отношения и феодальное государство. В тесной связи с условиями и результатами революций разрешался и вопрос о форме вновь созданного буржуазного или буржуазно-помещичьего государства. Таким образом, с этого времени можно говорить о парламентаризме как системе организации государственной власти для руководства обществом, которая характеризуется четким распределением законодательных и исполнительных функций с признанием приоритетной роли парламента.

В XIX столетии парламент окончательно формируется как институт государства. Избира-

тельные законы создают основу для регулярных выборов членов парламентов. Парламент становится по сути единственным источником законодательства, только ему принадлежит право принятия законов. Складываются парламентские институты – законодательный процесс, статус депутатов, определяются отношения с исполнительной властью, с партиями и прессой. В ряде стран парламенты приобретают право на законодательную инициативу, право внесения поправок в правительственные законопроекты и контроля над правительством; вводятся вознаграждения для депутатов, утверждается принцип неответственности депутата за критику правительства, партийно-политическая оппозиция признается неизбежным элементом парламентской системы.

Однако XIX столетие не стало триумфом парламентаризма. Напротив, в Западной Европе и США наблюдался почти полный отрыв парламентариев от тех, кого они представляли. Авторитет парламента постоянно падал, а сам орган власти выглядел дискуссионным клубом, неспособным к принятию политических решений. По стечению обстоятельств затяжной кризис парламентаризма совпал с подъемом народных масс, которые пытались диктовать парламентариям и правительствам свою волю, заявляя о своих претензиях на власть. По мнению французского исследователя М. Гунеля, временами казалось, что представительная форма правления может быть сметена под напором масс [3; 97]. Политическая активность народных масс вынудила политиков пойти на компромисс, следствием чего стало появление института референдумов, народного вето, расширяющих права масс на участие в государственном управлении.

Существенную роль в становлении парламентаризма на этом этапе сыграла общественная мысль. Однако слияние теории и практики парламентаризма произошло только на рубеже XIX–XX веков, что в последующем привело к появлению зрелых форм современного парламентаризма.

Четвертый этап охватывает XX век и характеризуется дальнейшим развитием и внедрением в политическую систему общества ведущих элементов парламентаризма.

На этом этапе в большинстве стран Запада формирование государственной власти строилось на основе реализации принципа разделения властей. Усиливается значение парламентов в управлении делами государства, политические партии повсеместно становятся активными субъектами политического процесса, постепенно избирательное право распространяется на все слои населения.

Если в первой половине XX века парламентаризму приходилось доказывать, отвоевывать свое положение в иерархии властей, то по окончании Второй мировой войны он становится об-

щепризнанным институтом. Парламенты начинают играть роль центра в общественной жизни, их зрелость служит показателем демократичности общества. Парламентские институты развивались, обогащались опытом, их взаимодействие с другими институтами, ветвями государственной власти приобретало значение движущего фактора государственности. Законодательная деятельность получает доминирующее развитие, идут процессы становления, совершенствования законодательства во многих странах. Происходит тесная интеграция парламентов различных стран, появляются новые межпарламентские структуры, решающие задачи единого сосуществования независимых государств.

Современная форма парламентаризма отличается от классической и складывалась поэтапно. Институт парламентаризма в своем развитии стал отходить от привычных для него канонов в начале XX века, что было вызвано трансформацией идеи народного представительства в партийное. Исторической предпосылкой процесса стал переход от системы избирательных цензов ко всеобщему избирательному праву, а теоретическим осмыслением – концепция плебисцитарной партийной демократии, истоки которой были заложены М. Вебером. Автор плебисцитарной теории М. Вебер полагал, что наступила эпоха улучшения качественного состояния парламентских структур, так как в этом случае они оказываются в руках «политиков по основной профессии» [1; 675].

В течение XX века развитие парламентаризма по восходящей линии не было однонаправленным: одновременно усиливалась исполнительная власть, которая порой оттесняла парламент на второй план, подчиняла его своему влиянию, а в ряде случаев ставила под сомнение дальнейшие перспективы развития парламентаризма. Итогом многолетней борьбы стало усиление обеих ветвей власти и совершенствование механизма их взаимодействия.

Развитие парламентов и парламентаризма продолжается и в XXI веке. Парламенты функционируют в 200 государствах, почти в 70 действуют двухпалатные парламенты, в остальных – однопалатные [2; 55], где они стали органической частью государственной власти. Несомненно, этот факт является свидетельством утверждения парламентаризма как прогрессивной, демократической системы управления обществом.

Таким образом, эволюция парламентаризма обусловлена происходящими в обществе политическими, социально-экономическими, культурно-духовными изменениями. И каждый этап, реализовав свой исторический потенциал, создает предпосылки для перехода в другое качественное состояние. Кроме того, в процессе становления парламентаризма прослеживается закономерность, показывающая, что формирование его ведущих элементов происходит постепенно, при этом предпосылки появления нового элемента каждый раз формируются в рамках предыдущего этапа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Весь мир: Энциклопедический словарь. Минск: Харвест, 1999. 704 с.
3. Гунель М. Введение в публичное право. М.: Интратэк, 2007. 286 с.
4. Ковлер А. И. Очерки по истории парламентаризма // Парламенты мира. М.: Высш. шк.: Интерпракс, 1991. 624 с.
5. Усанов В. Е. Становление и развитие парламентаризма в России: историко-правовое и критическое исследование. М.: ООО «Издательство “Элит”», 2008. 896 с.
6. Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-пресс, 2000. 336 с.

ОКСАНА ГЕННАДЬЕВНА АБРАМОВА

старший преподаватель кафедры скандинавских языков филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

oksana.abramova@yahoo.com

«ОГОНЬ СЕРДЦА» А. СТРИНДБЕРГА И «ПОЖАР СЕРДЦА» В. МАЯКОВСКОГО: ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СРАВНЕНИЯ*

Представлен опыт сравнительно-типологического анализа семантики и функций метафоры горения в художественной структуре «Любовной болезни» А. Стриндберга и «Облака в штанах» В. Маяковского. Предпринята попытка выявить авторские образные модели и общие закономерности эволюции формы и содержания поэзии модернизма.

Ключевые слова: Стриндберг, Маяковский, поэзия, «Любовная болезнь», «Облако в штанах», метафора горения, модернизм

О поэте Августе Стриндберге говорят редко, он более известен как классик мировой драматургии, хотя сам Стриндберг называл себя поэтом, очевидно, имея в виду под этим словом прежде всего литератора. Д. Э. Беллквист начинает предисловие к своей книге «Стриндберг как современный поэт: критическое и компаративистское исследование» следующей фразой: «Для английской и американской аудитории может быть неожиданным узнать, что Август Стриндберг был не только драматургом и прозаиком, но и одаренным поэтом» [2; XI]¹. Эта фраза не теряет актуальности и сегодня, она также будет справедлива по отношению к русской аудитории.

В качестве эпиграфа к своей книге Беллквист приводит хорошо известные в кругу специалистов слова шведского поэта-модерниста Гуннара Экелёфа: «Лирика Стриндберга в какой-то мере подобна пробе бурения на месторождении алмазов, она коротко сообщает о всех его свойствах». Как и алмазные месторождения, стихотворения Стриндберга немногочисленны, они составляют небольшую часть его творческого наследия. При жизни автора было опубликовано лишь три поэтических сборника: два в 1880-х годах и один в начале XX века².

Рассматривая поэзию Стриндберга в рамках развития современной литературы от романтизма к модернизму, Беллквист заключает, что поэзия шведского автора отчетливо демонстрирует переход от одной литературной системы к другой [2; XII]. Мы поставили в чем-то схожую задачу: типологически соотнести принципиально разных авторов – предшественника модернизма в Швеции Стриндберга и русского футуриста Маяковского – и попытаться прочесть их в едином модернистском пространстве.

В поле нашего внимания оказались стихотворение Августа Стриндберга «Любовная болезнь» (Kärlekssjukan) и поэма Владимира Маяковского «Облако в штанах». В обоих произведениях сюжетно разворачивается метафорическое пред-

ставление о любви как об огне, охватывающем сердце лирического героя.

Огонь – это древнейший и универсальный символ. Условное соединение его с более поздним, обусловленным развитием культуры образом сердца способствовало появлению общечеловеческой, понятной на любом языке парадигмы «горящего сердца». Для европейской культуры, как религиозной, так и светской, «пламенное сердце» – это традиционный символ любви. Более того, находящееся в языках пламени сердце понимается как выражение высшей страсти, иногда губительной и непосильной, как, например, в стихотворении А. Стриндберга «Любовная болезнь».

Это стихотворение относится к ранней любовной лирике Стриндберга, согласно характеристике некоторых исследователей, идеалистической, насыщенной шаблонными излишками и сентиментальными оборотами речи [2; 24]. Стихотворение известно по сборнику «Поэзия в стихах и прозе» (Dikter på vers och prosa), изданном в 1883 году.

Согласно Беллквисту, «Любовная болезнь» написана Стриндбергом под влиянием Б. Э. Мальстрёма, прославленного поэта XIX века, последователя шведского сентиментального романтизма [2; 23]. В духе предмодерна Стриндберг прибегает к игровому принципу, создавая «стилизацию» под поэта-романтика. На девяти страницах он передает длинный монолог влюбленного молодого человека, мучимого воспоминаниями о любимой, которая отдала другому. В его сердце она «зажгла огонь», но вскоре уплыла к «чужим берегам». Ночь не дает лирическому герою покоя, он бродит в «бледно-желтом свете лампы» до самого рассвета, думая о своей любимой. Стихотворение заканчивается непрямым обращением к Творцу с просьбой светом облегчить страдания. Сам герой уже не может говорить: мучение заглушило его голос.

С одной стороны, любовь – это желаемое чувство для лирического героя, она подобна вес-

не, пробуждающей все к жизни. Стихотворение открывается пейзажной зарисовкой, отображающей внутреннее состояние лирического героя: на дворе май, но с неба падает снег, черемуха печально качает белыми локонами, а тюльпаны закрываются от холода. Вдруг появляется жаворонок (возлюбленная героя), который приносит с собой весну (любовь), и все преобразуется. Однако жажда весны и любви сменяется муками: любовная болезнь нарушает покой лирического героя, вводит его в состояние тревоги и невыносимой тоски. Он восклицает: «Жестокая, ты зажгла огонь в моем сердце, где только что был мир. Погаси его! О, погаси его скорее, иначе я сгорю!» [3; 170]. Здесь проявляется смертельная эстетика в духе декаданса: стремление к покою, боязнь огня как стихии движения и обновления.

С другой стороны, огонь у Стриндберга может быть согревающим пламенем, включенным в ассоциативный ряд «огонь – очаг – любовь», где его хранилищем, домом, выступает сердце. Огонь любви, зажженный возлюбленной лирического героя, характеризуется как священный, согревающий. Традиционная формула горения восходит у Стриндберга к очагу, но он оказывается призрачным, несостоявшимся. В момент разлуки огонь становится безудержным, разрушительным, невыносимым, вырывая у лирического героя мольбу: «Погаси!»

Двойственность желания (весны и покоя; любви и тушения «сердечного огня»), меланхоличность, сосредоточенность на собственных переживаниях, экспликация их на природные феномены – эти характеристики лирического героя, равно как и мотивный ряд (мотив утраченной любви, мотив бегства, мотив смерти от любви), встраивают стихотворение Стриндберга в романтическую традицию. Однако в общей картине есть явные модернистские черты (призрачность любовного очага, брэнность жизни, смертельная семантика).

Несколько десятилетий спустя вечный лирический сюжет получит у русского футуриста В. Маяковского совершенно иное звучание. В поэме «Облако в штанах» (1915) так же, как и у Стриндберга, мы встречаем молодого человека, переживающего несчастную любовь. Его возлюбленная украдена, словно Джоконда, она выходит замуж за другого. В сердце лирического героя бушует пожар, который приводит его к экзистенциальному бунту.

В амбивалентной природе огня, жизнеутворяющей и разрушительной, модернистская концепция актуализирует деструктивную функцию, которая становится предпосылкой катарсического возрождения. Для футуриста Маяковского творчество – это воплощение огненной стихии, уничтожающей мир, как он есть, и тем готовящей мир, каким он должен быть. Он жаждет огня, озабочен пыланием, но не в декадентском духе (упо-

ение самим процессом сгорания), а в футуристическом: огонь – это залог новой будущности.

Когда разыгрывается эпизод тушения пожара, лирический герой противится тому, чтобы его пожар тушили:

Люди нюхают –
запахло жареным!
Нагнали каких-то.
Блестящие!
В касках!
Нельзя сапожища!
Скажите пожарным:
на сердце горящее лезут в ласках.
Я сам.
Глаза наслезнённые бочками выкачу [1; 180].

В поэме «Облако в штанах» центром развертывания лирического сюжета становится метафора «пожар сердца», она призвана обозначить кульминацию. Отсутствие начала «пожара» и его окончания говорит о том, что «состояние горения» – это катастрофическое, но и единственно возможное существование поэта-футуриста.

«Пожар сердца», эмблемирующий «духовное творчество», перерастает из символа любви в символ ненависти. Огонь необходим не только для того, чтобы осветить путь в идеальное будущее, но и «выжечь» прошлое, включая его духовные и этические ценности:

Уже ничего простить нельзя.
Я выжег души, где нежность растили.
Это труднее, чем взять
тысячу тысяч Бастилий! [1; 185].

В этих строчках прочитываются богоборческие тенденции, реализуемые в полной мере в четвертой части поэмы.

Метафора «пожар сердца», заданная любовной фабулой, выстраивает в поэме «Облако в штанах» целый метафорический сюжет, который завершается тем, что лирический герой несет свое кровоточащее сердце к «дому отца», к Богу (у Стриндберга герой также в конце обращается к Творцу). Но возвращению «блудного сына» не суждено состояться. Боль отвергнутой любви и отвергнутой поэзии толкает героя на бунт против Творца, и в этом крике протеста проявляется трагизм вселенского одиночества лирического героя. Стихия огня пронизывает художественную ткань поэмы, воплощая собой и яростное пламя уничтожения (любовь порождает страдания, а страдания – бунт), и очищающий огонь любви и самопознания, актуализирующий творческое начало.

Казалось бы, один сюжет (несчастливая любовь), разыгрывается один и тот же культурный инвариант («горящее сердце»), оба текста содержат схожие синтаксические элементы, но Стриндберг и Маяковский находятся на разных полюсах модернизма. Временная дистанция между этими двумя авторами и между двумя рассматриваемыми произведениями велика. Стриндберг, ярчайший представитель европей-

ской культуры, в русле декадентской эстетики играет с поэтическим клише. Он представляет приватную ситуацию в психологическом ключе. Огонь у Стриндберга восходит к очагу, он согревающий, священный – в этом его положительный смысл. В то же время огонь, превратившись в пожар, может быть невыносимым, губительным, тогда он переходит в ряд негативных явлений. Маяковский же встраивает «пожар сердца» в футуристическую модель, разворачивая личную драму в космогонический масштаб. У него пожар, хоть и болезненное, но единственно возможное и желаемое состояние творческого движения. Футуризм не принимает формулу очага, культурная подпитка для него неприемлема. Если у Стриндберга мы обнаруживаем тесную связь с природным и опосредованную связь с божественным, то у Маяковского трансцендентных источников подпитки пламени нет, а солнце умалывается до «монокля»:

От вас,
которые влюбленностью мокли,
от которых
в столетия слеза лилась,
уйду я,
солнце моноклем
вставлю в широко растопыренный глаз [1; 187].

Если у Стриндберга огонь в сердце лирического героя появляется благодаря его возлюбленной («Ты зажгла огонь в моем сердце»), то лирический герой Маяковского самовозгорается, идет и жжется, подпитываемый всеми земными «любовями» и «любятами».

Так на примере двух стихотворений двух далеких и в национальном, и во временном планах авторов мы наблюдаем переход от камерности и созерцательности предмодерна к действенной модели авангарда, разлагающей мир до основания и через поэтический синтез ищущей его новый лик.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее перевод с английского и шведского наш.

² Dikter på vers och prosa (1883), Sömngångarnätter på vakna dagar (1884), Ordalek och småkonst (1902).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Худож. лит., 1959. Т. 1. 463 с.
2. Bellquist J. E. Strindberg As a Modern Poet: A Critical and Comparative Study. Berkeley; Los Angeles; London, 1986. XVII+181 p.
3. Strindberg A. Samlade skrifter. D. 13, Dikter på vers och prosa; samt Sömngångarnätter på vakna dagar. Stockholm, 1913. 329 s.

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА ВАСИЛЬЕВА
кандидат философских наук, доцент кафедры германской
филологии филологического факультета, Петрозаводский
государственный университет (Петрозаводск, Российская
Федерация)
pavic3x@sampo.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ХУДОЖНИКА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ШЕЛЕРА И А. СТРИНДБЕРГА*

Рассматривается связь аксиологии Макса Шелера и творческих интенций Августа Стриндберга. Феноменологический взгляд на искания художника в драме Стриндберга «На пути в Дамаск» позволил выявить основные направления противоречивой мысли шведского писателя и немецкого философа, определить параллели и константы в их восприятии ценностной составляющей личности. Человек как личность в творчестве обоих мыслителей характеризуется наличием экзистенциального противоречия между интеллигентной и эмоциональной составляющими.

Ключевые слова: ценности, экзистенция, полицентризм, поиски самоидентичности

В статье на примере драмы А. Стриндберга «На пути в Дамаск» проводится феноменологический анализ ценностных исканий художника: в широком смысле – как творца, а также в общечеловеческом смысле – как носителя определенных ценностей. Мы сосредоточимся на экзистенции и на общечеловеческих ценностях как основообразующих и попытаемся рассмотреть их в феноменологическом ключе. На примере текста Стриндберга «На пути в Дамаск» мы проанализируем поиски главного героя как поиски самоидентичности, как поиски ценностей и как поиски смыслов. При этом Стриндберг рассматривается как провозвестник модернизма и постмодернизма в литературе. Все упомянутые «субстанции» текста мы попытаемся сопоставить с аксиологией немецкого философа Макса Шелера, а точнее, с его иерархией ценностей [16].

Главный атрибутивный параметр модернизма – многовариантность культуры, ее полицентричность. Модернизм (как и пришедший ему на смену постмодернизм) рассматривается в контексте культуры не только как умонастроение, интеллектуальный стиль, но и как тип ментальности, характеризующийся в первую очередь перманентным кризисом [3], вызвавшим череду «отказов» в культуре: отказ от презумпций метафизики, от универсальности, абсолютности и тотальности разума (что было поставлено под сомнение еще Кантом в его «Критиках...» [6], [7]), отказ от моноонтологизма и связанной с ним интенции на перманентную инновацию, «смену образца» [12; 13] при постоянной смене критериев новизны, отказ от нормы в любом ее проявлении и, наконец, преодоление трактовки человека как «слепка» Бога и связанный с этим переход к плюральным версиям гуманизма.

В условиях картины мира, когда Бог умер, а человек, будучи его образом и подобием [5; 97], вследствие этого утратил доступ к пониманию

мира, как будто лишившись некоего кода, который ранее был ему доступен, в этих условиях художник, как Павел на пути в Дамаск, оказывается вынужденным пересмотреть свои прежние взгляды, научиться по-новому воспринимать окружающие явления. Когда произошло «романтическое очищение эстетического феномена от всех теоретических и моральных примесей» [12; 102], искусство модерна начинает отражать картину мира, уже лишенную системности, а человека – как лишившегося своего гордого имени властелина этой реальности. Утверждающаяся бессистемность, хаотическая мозаика эпохи модерна и постмодерна есть объективное воспроизведение фрагментарности наших представлений и беспомощности искусства, лишившегося привычной глубины и смысла [3].

Эти характеристики в полной мере относятся к драме Стриндберга «На пути в Дамаск». В ней сконцентрированы все вышеперечисленные признаки модернистской литературы (и культуры), в том числе идея плюральности и конструктивности разума, уходящая в область «перекодирования» культуры, что, в свою очередь, требует нового языка и новых художественных средств для выражения по-новому осмысливаемой реальности. Сложность, хаотичность мира, его децентрированность при всем разнообразии и разноплановости его элементов – все это погружается у Стриндберга в культуру, потому что только так он представляет себе возможность осмысления жизненного мира: человек взаимодействует с миром как духовное существо и в этом реализует свое предназначение [14; 52]. Это созвучно мысли Шелера о том, что человек уже при рождении «начинает дышать воздухом совершенно иного мира» [22; 62].

Этим особым воздухом пропитано все пространство драмы Стриндберга. Изобилие цитат из Псалтири, аллюзии, отсылающие к мифо-

логическим героям (например, Кентавр Несс и связанная с ним легенда о смерти Геракла), семиотическая насыщенность (прообраз постмодернистской избыточности), дискурсивность, рваный сюжет (прообраз будущего распада картины мира), игра как самоцель – все эти атрибуты модернистской культуры перенасыщают текст. Это та «мифология литературы», которая соответствует «необычности творческого дара» [9; 27] настоящего художника во все времена.

Остановимся на Псалмах Давида, которые пронизывают всю ткань повествования. В отличие от Евангелия – вести от Бога к человеку, Псалмы Давида воплощают в себе слово человека, обращенное к Богу. Царь и пророк Давид являет нам весь спектр возвышенных чувств человека по отношению к своему творцу: от самоуничтожения и покаяния (в осознании своей немощи) до выражения ликующей надежды на Творца как своего избавителя, веры в спасение души и вечное блаженство. Псалмы Давида мы можем рассматривать здесь как связующую нить между Богом и человеком. Однако Стриндберг трансформирует это соотношение между *божественным* и *человеческим* в сторону «повышения». Человек не самоуничтожается до размеров песчинки, а поднимается до уровня Творца. Это основная идея аксиологии Макса Шелера и его этического персонализма [13].

Этическая теория Шелера тесно переплетена с его теологическими взглядами, в том смысле, что любое устремление к Богу, уничтожение, смирение перед Богом трансформируется у Шелера в устремление вверх – к божественным ценностям [19].

В теологии Шелера наивысшей ценностью является не Бог, а ценность Священного, которая, в свою очередь, воплощает Бога как первую ступень Священного [17]. Это наивысшее качество ценности, в соответствии с которой формируются затем все дальнейшие идеи, представления и понятия человека. Независимо от национальной окраски идеи Божественного, в соответствии с которой Бог Аристотеля скорее похож на античного мудреца, самодостаточного в своей мудрости, а пророк Мухаммед напоминает восточного шейха, путешествующего по пустыне, у каждого народа есть своя априорная идея Божественного. Во всех религиях во все времена Бог являет собой бесконечное бытие, некую априорную субстанцию, из которой выводятся все ценностные предикаты [21; 308].

У Шелера же ценностное начало мира задается не Богом, а идеей наивысшей духовной ценности – ценности Священного, вокруг которой кристаллизуются затем все предикаты Бытия, и Бог – первый из них. Соответственно, идея Бога задается тем уровнем, который изначально определяется этой наивысшей ценностью. Поэтому Бог крестьянки, по Шелеру, так отличается от

Бога ученого-теолога. И именно потому, что Бог воплощает в себе наивысшую ценность, ничто и никогда не вызывает такие жаркие конфликты, вплоть до военных, когда речь заходит о вере и религии. А с другой стороны, ничто не способно так быстро погасить вражду и сплотить бывших врагов, как единение в идее Божественного.

И у Шелера, и у Стриндберга Бог является некой константой, на которую «равняется» человек-творец, человек-художник. Таким образом, единение с Богом в Псалмах Давида становится константой, сюжетообразующей и «сюжеторазвивающей» осью всего произведения Стриндберга. Вместе с тем в «больном» пространстве текста Псалмы Давида, на наш взгляд, играют роль некоего референта, с чем соотносятся метания и поиски главного героя.

Главного героя можно сравнить с Сизифом, который снова и снова тащит на гору свой камень, зная, что после его обрушения вниз все снова повторится. Но в этом преодолении себя и заключается тайный смысл человеческого становления. Все переплетение сюжетов и дорог, которые ведут главного героя к познанию (по пути в Дамаск), вся усталость, разочарование, боль, отчаяние, все падения и раны – все это он способен вынести. Что дает ему силы? В конце второй части герой констатирует: «Гордыня – а ведь это последний след нашего божественного происхождения!» [12; 250]. Вот он – источник сил, неисчерпаемый родник познания. Стриндберг как будто дополняет прекрасное и вечное творение Царя Давида, вписывая еще один псалом как «модус» человеческой экзистенции – его стремление приблизиться к тем высотам, заглянуть в те глубины, где человеческого разума уже недостаточно [20; 61–62].

В этом смысле становится понятной и мысль о «преступлении как наказании», которую главный герой доносит до нас не прямо, но опосредованно: через это стремление человека приблизиться к высотам Бога, где он, человек, в состоянии адекватно оценивать свои поступки (и преступления) и нести за них ответственность. Этот крайний индивидуализм, на первый взгляд, полностью исключает «мы-отношения» [15; 125–128], однако он утверждает наивысшую ступень возвышения человека в сторону Божественного, что сближает мысль Стриндберга и Шелера.

Противостояние между осознанием неизбежности смерти и необходимостью продолжать жить – это центральный экзистенциальный конфликт. Здесь сконцентрирована главная мысль всех эпох и народов – поиск смысла, который так или иначе ведет к смерти и от этого становится еще более значимым. При этом катастрофическая разобщенность человека и мира никуда не исчезает – она еще более актуализируется, так как целью человека-творца является не «при-

сутствие в мире», а «обладание миром» [4; 63]: лишь «погружение в тотальность бытия» есть «путь к обретению подлинного существования» [4; 73]. Разум – достоинство и гордость человека – является в то же время и его проклятием. Чем яснее и глубже человек мыслит, тем шире и дальше перед ним раскрывается путь познания, и тем большее одиночество ощущает человек на этом пути. Крайнее напряжение всех душевных сил способно обострить и направить мысль художника в запредельные, недоступные обычному опыту, но необходимые для творчества области. А для такого художника, как Стриндберг, это возможность вовлечения высших сил в свое творчество – они проникают в ткань текста, определяют развитие сюжета.

Образ хаотически сложного, децентрированного мира – отправной момент модернистской художественной культуры, что приведет в будущем к постмодернизму – изображению мира, о котором у человека больше нет знания. У Стриндберга уже намечается деструктивное (и аутодеструктивное) начало – один из стилеобразующих факторов постмодернистского искусства, уже проглядывает образ катастрофы, распада, хаоса. Еще нет явного обнаружения стерилизующей искусство роли интеллекта, но главный герой уже говорит: «Человек ничего не знает, поэтому с сегодняшнего дня я буду *верить*» [12; 247].

Что необходимо понимать под *верой*? У Стриндберга, как и у Шелера, это в первую очередь этические ценности, а не отказ от познания в пользу веры по принципу *credo quia absurdum*. Ироничные слова героя в начале третьей части: «Имею кое-какие обязательства по отношению к своей бессмертной душе» [12; 254] задают вполне определенное поле, где разделяются разум и душа (духовные ценности). И в этом смысле Стриндберг близок в своей аксиологии этическому персонализму Макса Шелера, который отстаивал единичность и неповторимость человеческой экзистенции и утверждаемые ею единичные ценности [18].

Обращаясь к поискам самоидентичности, мы обнаруживаем, что самоидентичность художника не может трактоваться в обычном смысле. А именно: для большинства людей самоидентичность означает идентификацию себя в социуме – привязанность к семье, роду, преданность различным институтам (профессии, религии, нации). Другое дело – художник: его поиски самоидентификации превосходят этот ординарный уровень. Ему не нужна иллюзия индивидуальности, которой прикрыта обычно принадлежность к «толпе», его не устраивает добросовестное и монотонное исполнение своей социальной роли, на что обрекает его принадлежность к определенной социальной группе. Художник – это всегда «сверх», «за пределом»,

то есть главным атрибутом его является способность к трансценденции. Высказывание Стриндберга «Как я могу полюбить добро, если я не ненавижу зло?» [1; 195] очень показательно в том смысле, что художник всегда требует от себя крайнего напряжения сил для проникновения в предельные области познания.

Взрывая все возможные границы, герой Стриндберга как будто стремится пережить на пути в Дамаск все судьбы и роли, которые выпадают на долю человека: в этом он обретает свою подлинность, без которой немислима человеческая экзистенция. Интересно, что в своем произведении «Рессентимент в структуре морали» [19] Шелер рассматривает все эти категории, используя другую терминологию, в том смысле, что каждый человек для обретения себя нуждается в осознании своей принадлежности к роду, нации. Стриндберг же сам воплощает в себе образец мятущегося человека, который так и не нашел в своем творчестве, в этой вечной трансценденции островка успокоения.

Феноменология, как известно, хотела привести философствование обратно к самим вещам. Для такого подхода решающим является трансцендентально-философское обеспечение направленности на акт, на вещи и на корреляцию того и другого. Молодой Хайдеггер, «создавая свою концепцию истории бытия как истинного события» [13; 264], сформулировал это на своем собственном языке [10; 232]; при этом он попытался ухватить значение феномена в смысле его исполнения, в смысле его содержания и в смысле его связей. То же самое делал Шелер в своих трудах, но его главная задача – выявить основания *нравственного* познания, подобно тому, как Кант раз и навсегда задал координаты в теории рационального познания. Шелер провел феноменологический анализ фактов нравственной, духовной жизни индивида, чтобы установить в них такие же определенные и строгие законы, какие существуют в теории познания, то есть в рациональной области.

Человек в феноменологическом смысле – это всегда не просто «что», а «то, что»: здесь есть исполнение некой интенции (в онтологическом смысле), которая изначально заложена в нем волею Бога, но исполнение ее возложено полностью на человека и зависит только от той системы ценностей, которую он исповедует. «Я осознаю “что” в отношении любой вещи окружающего мира, например, “то, что” книги, так как я ориентируюсь в окружающем мире, в котором уже на протяжении тысячелетий существует знание и печатное слово. Это “то, что” книги есть любая заменяемая ее реализация. Но человека так мыслить нельзя: у него в “том, что” исполнения и, тем самым, в решающем моменте может открыться новое и совершенно иное “что”. Как, например, при движении человека

к высотам культуры или как у Павла на пути в Дамаск!» [8; 233]. В случае Стриндберга – это «то, что» человека страдает, бесконечно ищет и не находит, разрушает, чтобы создавать, и снова разочаровывается.

Что касается ценностей, то они не возникают как путеводные огни, задающие направление. Человек в каждый момент своей экзистенции уже является чем-то, то есть стоит на неких ценностных основаниях. Эта изначальная заданность (обусловленная законом симпатии) никогда не оставляет «выбора» в том смысле, что человек движется по своему пути в Дамаск, и маршрут этот ведет его по «ценностному» пути. Первосущное божественное бытие как будто «постоянно оглядывается на себя в человеке, пытаясь всякий раз узнать себя на все более высоких уровнях и в новых измерениях» [2; 219]. Направленность человека на момент, которая обнаруживается христианской традицией как

исполнение жизни во всей ее остроте, позволяет сказать, что искания героя на пути в Дамаск являются смысловым стержнем всего творчества Стриндберга.

«То, что» художника – это та система ценностей, которую он исповедует и в которую (по принципу симпатии) встраиваются все его последующие «выборы». Читая «На пути в Дамаск», мы еще раз убеждаемся, что выбор художника всегда обусловлен исканиями, неудовлетворенностью, вызовом, стремлением к самоуничтожению вплоть до смерти. Понимание противоречия между конечностью земного и бесконечностью духовного бытия придает человеческой жизни непреходящий драматизм. Презируя игру витальных случайностей, всегда балансируя «на грани», за пределом, герой Стриндберга утверждает свою экзистенцию. Из этих устремлений рождается, в конце концов, вся духовная культура.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адорно Т. Проблемы философии морали. М.: Республика, 2000. 239 с.
2. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.
3. Вебер М. Кризис европейской культуры. СПб.: Университетская книга, 1990. 565 с.
4. Губман Б. Л. Западная философия культуры XX в. Тверь: ЛЕАН, 1997. 287 с.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 399 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. Симферополь: Реноме, 1998. 462 с.
7. Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 2007. 528 с.
8. Матвеевич А. А. Август Стриндберг. Жизнь и творчество (1849–1912). М.: ИМЛИ РАН, 2003. 264 с.
9. Парандовский Я. Алхимия слова. М.: Правда, 1990. 656 с.
10. Пёггелер О. Выравнивание и поиск других начал. Шелер и Хайдеггер / Пер. с нем. С. В. Васильевой // Философская антропология Макса Шелера. СПб.: Алетейя, 2011. 568 с.
11. Стриндберг А. Интимный театр: Пьесы. Пер. со швед. М.: Совпадение, 2007. 374 с.
12. Стриндберг А. Пьесы: Густав Ваза. Карл XII. На пути в Дамаск / Пер. А. А. Афиногеновой. М.: Индрик, 2002. 312 с.
13. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 415 с.
14. Шелер М. Философские фрагменты из рукописного наследия. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2007. 382 с.
15. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира. М.: Институт Фонда «Общественное Мнение», 2003. 334 с.
16. Ave-Lallemant E. Die Lebenswerte in der Rangordnung der Werte. Vom Umsturz der Werte in der modernen Gesellschaft. Bonn: Bouvier Verlag, 1997. S. 81–99.
17. Vermees Ch. Solidarität, Person und soziale Welt. Würzburg: Königshausen und Neumann, 2006.
18. Cusinato G. Absolute Rangordnung und Relativität der Werte im Denken Max Schelers. Vom Umsturz der Werte in der modernen Gesellschaft. Bonn: Bouvier Verlag, 1997. S. 62–80.
19. Gabel M. Das Heilige in Schelers Systematik der Wertrangordnung. Vom Umsturz der Werte in der modernen Gesellschaft. Bonn: Bouvier Verlag, 1997. S. 113–128.
20. Lessing G. E. Die Erziehung des Menschengeschlechts und andere Schriften. Stuttgart: Philipp Reclam jun, 1987. 96 s.
21. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Bern: Franke Verlag, 1954. 676 s.
22. Scheler M. Ressentiment im Aufbau der Moralen. Fr-am-M.: Klostermann, 1979. 117 s.

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА
кандидат филологических наук, доцент, и. о. заведующего
кафедрой скандинавских языков филологического факуль-
тета, Петрозаводский государственный университет (Пе-
трозаводск, Российская Федерация)
natshar@mail.ru

«ДРАМА СОЗНАНИЯ» А. СТРИНДБЕРГА И «МОЗГОВАЯ ИГРА» А. БЕЛОГО. К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ*

В статье поднят вопрос о типологической связи проблематики и поэтики драм А. Стриндберга и романа Андрея Белого «Петербург». Выявлены два смысловых узла – богоискательство как главное проблемное поле драмы «На пути в Дамаск», представленное в сознании героя, и прием «мозговой игры» Андрея Белого как воплощение игры сознания и реализация жанровых потенций модернистского романа.

Ключевые слова: мозговая игра, сознание, «Петербург», «На пути в Дамаск»

Творчество Августа Стриндберга во многом наметило пути развития европейского модернизма XX века как в его обращенности к первоистокам бытия, так и в области кардинального обновления повествовательных форм. Шведский писатель по праву входит в число авторов первого ряда XX века, таких как Дж. Джойс, М. Пруст, Ф. Кафка. А. Стриндберг стал известен в первую очередь как драматург, пьесы которого предвосхитили появление экспрессионизма и западно-европейского театра абсурда.

В данной статье избран особый угол зрения на важнейшую метафизическую проблему не только шведского писателя, но и всего рубежного периода европейской и русской культуры – богоборчество и богоискательство.

Хронотоп поздних драм А. Стриндберга («На пути в Дамаск» (1898–1904), «Игра снов» (1902), «Соната призраков» (1907)) представляет собой ментальную сферу героя. Автор превращает пространство пьес в «драму сознания». Сознание при таком подходе трактуется как эстетический объект. В этом видится безусловный прорыв модернизма XX века в построении новой антропологии, нового видения человека.

Типология двух имен – Август Стриндберг и Андрей Белый – требует, безусловно, пояснения. Сошлемся на комментарий Н. Берберовой, лично знавшей русского писателя: «В “Исповеди глупца” великого шведа... есть страницы, через которые, как через таинственное стекло, видишь Белого» [5; 205].

В письме от 6 февраля 1912 года Андрей Белый пишет своему другу, брату по духу Александру Блоку: «Ты пишешь, что – один, один. Милый друг, мы все – одни. Самое чувство одиночества, такого одиночества, которое Ты испытываешь, есть уже светлая весть. <...> Верю в Тебя, и все-таки, хоть и один Ты, протягиваю руки. Пусть Тебе кажется, что Ты один, а я скажу – я с Тобой. Хочешь или не хочешь. Я где-то

рядом, хотя Ты меня можешь не видеть и не слышать» [1; 440].

В этом же письме есть P. S., посвященный А. Стриндбергу, но даже при его бы отсутствии в этом отрывке дешифруется основной мотив творчества «великого Августа»: одиночество как главный удел человеческого существования и одиночество как присутствие в судьбе человека сверхъестественных высших сил. Последний образ восходит к эстетике М. Метерлинка, оказавшего влияние и на А. Стриндберга, и на А. Белого. Одиночество, понятое в его бытийственном модусе, связывается с тишиной, молчанием, в атмосфере которого возможно предчувствие художником-провидцем невидимых и кажущихся от этого враждебными потусторонних сил. Андрей Белый в этом же письме к А. Блоку угадывает, что состояние друга окрашено настроением «Inferno» А. Стриндберга. «Inferno» (1897) – автобиографический роман, созданный на основе «Оккультного дневника» в парижский период творчества. Русский символист, по собственному признанию, «был глубоко потрясен своим, родным страданием». «И была мне радость в том, что вот не один. <...> И Стриндберг – тоже» [1; 440].

Андрей Белый возвращается к роману «Inferno» в письме к Э. Метнеру, вновь выделяя тему «оккультного сыска»: «Блока еще не видел, с ним творится что-то странное: он болен – но вообще его *нельзя* видеть. Все изумляются, сам же Блок мне пишет, что он понял Стриндберга и под его знаком (разумею Inferno). Значит, его *преследуют*; это страшно, опасно для Блока, боюсь за него» [6; 391]. Роман «Inferno» наряду с романом «На шхерах» А. Белый вспоминает и в «Речи памяти Блока», произнесенной в Вольфиле в Петрограде в 1921 году: «А. А. субъективно чувствует ноты, о которых так несравненно рассказывал Стриндберг в “Inferno” и в “Шхерах”» [2; 490].

Мировосприятие героя «Inferno», глубоко трагическое, болезненное, когда мир мыслится как враждебная сила, как «скопище невидимых и таинственных сил зла» [1; 441], было близко всему русскому символизму, и в особенности А. Блоку и Андрею Белому.

Автобиографическое начало творчества и шведского, и русского писателей видится в осознаваемой ими житнетворческой модели поведения. Романы «Inferno», «Легенды», поздняя драма «На пути в Дамаск», роман «Одинокий», продолжающий автобиографическую эпопею, – этапы духовной биографии великого шведа. Тернистый путь к духовному возрождению А. Стриндберга пролегал через кризис, сходный во многом с проявлением болезни (К. Ясперс).

Андрей Белый не случайно увидел «родственное» в страданиях А. Стриндберга, поскольку страдание имело природу не психологического толка. Шведский писатель, находясь в Париже (после развода с Сири фон Эссен), обращается к изучению оккультных наук, алхимии, переживает религиозный и мистический опыт, который будет художественно трансформирован в поздние драмы («На пути в Дамаск», «Пасха», «Соната призраков»).

Подобный опыт переживает и русский писатель. Воззрения Андрея Белого 1910–20-х годов обусловлены влиянием антропософии: с 1912 по 1916 год писатель вместе с А. Тургеневой находится в общине Р. Штайнера в Дорнахе, где строит храм-театр «Гётеанум».

В учение Р. Штайнера как в «точную науку о мистическом» писатель трансформировал близкую ему со времен «аргонавтизма» идею житнетворчества. Образная, мотивная структура романов Андрея Белого («Петербург», «Котик Летаев», «Москва») формировалась под воздействием антропософского учения Р. Штайнера.

И Стриндберг, персонифицирующий себя как в героя «Inferno», так и Неизвестного («На пути в Дамаск»), и Андрей Белый пройдут путь паломничества, духовного обращения, оба они – *на пути к посвящению*. Даже разделенные пространственно (Швеция – Россия) и во времени (А. Стриндберг родился в 1849 году, А. Белый – в 1880-м), писатели принадлежали одной художественной и мировоззренческой парадигме, испытывали влияние идей «властителей дум» Ф. Ницше, Э. Сведенборга, Г. Ибсена.

В текстах модернистов воссоздается неготовый, становящийся мир образов. Одной из характерных примет искусства модернизма следует считать сведение представления об объективном мире к бытию субъективного сознания, использование техники «потока сознания».

Сознательные и бессознательные импульсы становятся «содержательным» планом и драм А. Стриндберга («На пути в Дамаск», «Игра снов», «Соната призраков»), и романов Андрея

Белого (особенно «Петербург», «Котик Летаев» и «Москва»). Такие произведения являются выражением особого типа художественного сознания, нацеленного скорее не на принцип изображения, а на принцип выражения.

«На пути в Дамаск» – это путь сотворения, житнетворчества себя в поисках Бога. Фигура Неизвестного, главного героя драмы, полностью доминирует над остальными персонажами, по словам А. А. Мацевича, «заполняя все драматургическое пространство» [7; 5]. Герои, с которыми вступает в диалог Неизвестный (Нищий, Дама, Доминиканец, Доктор, сумасшедший Цезарь, Мать), лишены психологической нагрузки и вне связи с главным героем уходят в «театральное небытие».

В драме изменен театральный характер. В тексте выстроена целая галерея героев-двойников, которые зеркально отражают разные стороны богоборчества и богоискательства Неизвестного. Главная драматургическая коллизия разворачивается не между героями, которые являются порождением возбужденного сознания Неизвестного, а между человеком и Богом, становясь притчей о духовном пути человечества.

Герой Неизвестный в драме Стриндберга, лишенный личностного начала – имени, обращает свой взор в небеса, откуда Савл услышал голос. История обращения Савла, гонителя христиан, в ярого приверженца веры и первоапостола Павла – библейский семиотический код драмы Стриндберга, причем обозначенный в самом «читаемом» отрезке текста – в заголовке. Богоборчество заявлено с первых строк драмы. Неизвестный, как Иов, поднял «руки на небеса», «когда церковный совет вздумал забрать» у него детей [8; 145]. Библейский контекст драмы широк – история Иова, Моисея, путь обращения апостола Павла. Неизвестный в драме шведского драматурга жаждет спасения (в любви Дамы, в монастыре, в смерти).

Неизвестный мыслит как Создатель всего сущего, он готов вылепить идеальный мир, мир без зла и насилия: «И мне хочется взять в руки всю эту массу и вымесить ее во что-то более совершенное, прочное, прекрасное... хочется, чтобы все сущее и все создания были счастливыми: рождались без боли, жили без горя и умирали в тихой радости» [8; 164]. Неизвестный берет на себя миссию «сверхчеловека», герой ратует за равенство со Всевышним, во многом заостряя и отчасти пародируя как идею Ницше, так и комплекс идей немецких поэтов-романтиков. Герой не в силах смириться с существованием высшей силы, неподвластной человеку, и в то же время везде ощущает ее присутствие. Героиня призывает Неизвестного покориться, смириться: «Откуда в тебе этот дьявольский бунтарский дух?»

А. Стриндберг передоверяет своему герою свой духовный опыт. Находясь в Париже, переживая мировоззренческий кризис, автор обра-

тился к Книгам Моисея. «Это чтение оставило след в моей драме» (из «Оккультного дневника» Стриндберга). Герой, уподобляя себя Иову и Моисею, передавшему человечеству Скрижали Завета, не утрачивает стремления «потягаться с Богом»:

«...Взойди я на Синай и встречу Вечного, и не подумал бы закрывать лицо!» [8; 187].

Герой переживает акт очищения. В сознании Неизвестного совершается мучительная битва, исход которой не предрешен. Двойственность намерений зафиксирована в диалоге героя и некой инстанции сознания, именуемой Мать Дамы.

«Мать: На колени перед Распятым!

Неизвестный: Нет, только не перед Ним!» [8; 190].

В финале герой в монашеском одеянии стоит перед Распятим. Вслед за этой сценой дается внутренний спор Неизвестного, муки героя, искашаемого Сатаной. Вместе с тем герой осознает всю обреченность этих борений, справедливо трактуя битву Иова в двойственном ключе против Бога и против Сатаны: «Я слышал, человек способен бороться с Богом, и не без успеха, но бороться с Сатаной было не под силу даже Иову» [8; 179].

Духовный путь, паломничество, путь от вероутраты к богообретению – главный нерв символистских драм шведского писателя – является отражением и предощущением главного вопроса эпохи рубежа XIX–XX веков, утратившей Бога и взыскующей Его благодати. В финале драмы звучит мольба к Богу:

«Исповедник: Господи, дай ему вечный покой!

Хор: И да светит ему вечный свет!» [8; 311].

Искусство модернизма сделало эстетическим объектом процесс рождения мыслеформ, ярким доказательством этого выступает драма шведского писателя.

Структурные схемы романов Андрея Белого могут быть представлены через мотивы духовной смерти и последующего возрождения, через связанность пути инициации героев с подвигом Спасителя и с «религией страдающего бога» Диониса Ф. Ницше.

События, герои, топонимика в романе «Петербург» – результат «мозговой игры» автора.

Андрей Белый определил главный прием, претворенный в романе, как «превращение сознания в бытие» [3; 323]. Один из вариантов названия романа – «Мозговая игра» [3; 323]. А. Белый выстраивает сознание своих героев по модели, близкой авторскому сознанию. Творческая мысль в художественном мире «Петербурга» обладает своим бытием, своей энергией, она порождает реально существующий мир: «Каждая праздная мысль развивалась упорно в пространственно-временной образ, продолжая свои – теперь уже бесконтрольные – действия вне senatorской голы» [4; 35].

«Петербург» Андрея Белого вписан в жанровую традицию романа «потока сознания». Автор реализует в архитектонике текста процесс онтологизации человеческой мысли, превращая роман в историю его написания (созидания образов, героев, места действия, «призрачного» и «фантазмагорического» Петербурга). В романе возникает целая иерархия сознаний: революционер – senator – Петербург – повествователь. Подлинной реальностью художественного пространства романа становится всеобъемлющее сознание творца-демиурга, способного породить мир оформленных образов.

«Мозговая игра» становится в тексте Андрея Белого и объектом размышлений автора, и процессом сотворения образов, событий, самого города, тем самым лишая его укорененности в бытии (отменяя статус достоверности и «оседлости бытия»), и воплощением игры сознания, и реализацией жанровых потенций модернистского романа.

Ментальный пласт романа реализует подлинную мистику сотворения себя и переживания себя как «стремительного отхода к хаосу» и «повторением космогонии». Восприятие миссии поэта как провидца, сжигаемого на костре, людском или внутреннем, теургическое понимание творчества были близки обоим писателям.

Мучительный и трагедийный путь обретения веры в поисках справедливого Провидения, путь к Богу оказывается в драме «На пути в Дамаск» Стриндберга и романе «Петербург» А. Белого путем обретения высшего «Я».

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
2. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма / Под ред. А. Л. Казина. М.: Искусство, 1994. Т. II. 571 с.
3. Белый А. Мастерство Гоголя. М.: МАЛП, 1996. 351 с.
4. Белый А. Петербург. СПб.: Наука, 2004. 699 с.
5. Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М.: АСТ: Астрель, 2010. 765 с.
6. Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1980–1993. Кн. 3.
7. Матвеев А. А. Август Стриндберг – драматург-новатор // Стриндберг А. Пьесы. М.: Индрик, 2002. С. 4–10.
8. Стриндберг А. На пути в Дамаск // Стриндберг А. Пьесы. М.: Индрик, 2002. 312 с.
9. Шарапенкова Н. Г. Онейросфера романа «Петербург» Андрея Белого (миф о житнетворчестве) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2011. № 7 (120). Т. 1. С. 68–73.

MAGNUS LJUNGGREN

Professor of Russian literature, University of Gothenburg
(Gothenburg, Sweden)
magnusljunggren@telia.com

РУССКИЙ СИМВОЛИСТ У СТРИНДБЕРГА

Раскрываются малоизвестные факты из биографии А. Блока и В. Пяста, переводчика, литератора, журналиста. Важным фактором духовной близости поэта и литератора станет обращение к прозе шведского драматурга А. Стриндберга. Освещена поездка В. Пяста, инициированная А. Блоком, в Стокгольм в трагическом 1912 году, выявлены сходные мотивы творчества русского поэта-символиста и шведского драматурга-новатора.

Ключевые слова: русско-шведские литературные связи, Стриндберг, одиночество

В 1910 году русский символизм переживает состояние кризиса. На смену экзальтированным ожиданиям апокалиптических перемен начала века пришло чувство подавленности и апатии. Александр Блок отстраняется от прежнего круга общения. Именно в этот момент его друг и коллега Владимир Пяст дарит ему роман Стриндберга «Одинокий». Пяст оказался восприимчив сразу к нескольким ипостасям Стриндберга – автору автобиографической прозы, политическому бунтарю, оккультисту и Стриндбергу-экспрессионисту. Находясь в преддверии своей автобиографической поэмы «Возмездие» с эпиграфом из Ибсена, Блок вскоре проявил к личности Стриндберга не меньший интерес. Идентификация с отъявленным одиночкой стала почти полной: подобно Стриндбергу, Блок предпринимал длительные прогулки по своему городу и подчеркивал свою свободу от прежних знакомств – тот факт, что он был «одинок»¹ [4; 383].

Русская интеллигенция, как считал в тот момент Блок, оказалась в тупике, предавшись вялости и инертной беспомощности. Стриндберг, со своим горьким опытом, указал выход из тупика. Казалось, он представлял собой нечто мужественно-суровое, закалившееся в горниле бунтарских мечтаний, душевных кризисов и оккультных испытаний. Блок желал личной встречи со Стриндбергом, но здоровье не позволяло ему отправиться в Стокгольм. В апреле 1912 года, находясь в состоянии депрессии и подавленности, он написал статью «От Ибсена к Стриндбергу», в которой утверждал, что Стриндберг на целый шаг опередил Ибсена: последний парит над фьордами, подобно птице, в то время как Стриндберг – прежде всего человек, мужчина, «муж». Рука Ибсена бела и бескровна, писал Блок, у Стриндберга же рука рабочего или атлета, одновременно мощная и израненная. «Больной» России жизненно необходим Стриндберг [2; 462].

Пяст полностью разделял мнение Блока. Его переживания были, быть может, еще интенсив-

нее. Стриндберг представлялся ему «наиболее значимым на земле человеком и писателем», и, что довольно характерно, Стриндберга-человека он ставил выше Стриндберга-художника [5; 196]. В Петербурге было уже известно, что великий швед серьезно болен, что, возможно, жить ему оставалось недолго. Если хотелось его увидеть, пожать его мужественную руку, нужно было торопиться. Именно тогда, ранним утром в середине апреля, Пяст прочитал в петербургской газете, что состояние Стриндберга ухудшилось. Сам же он, постоянно находившийся в стесненных экономических обстоятельствах, неожиданно получил заказ на два перевода. Это привело его к решению любой ценой, пока еще не поздно, отправиться в Стокгольм. Обещанные гонорары давали возможность поехать, но были недостаточны для покрытия всех расходов на путешествие. Пяст был вынужден попробовать заключить контракт с газетой на должность корреспондента, добиться гонорара за репортажи из Стокгольма. Блок посоветовал ему обратиться в «Русское слово». Газета тут же приняла предложение Пяста, и ему была обещана приличная сумма за обширный репортаж. Гонорар не мог быть выплачен вперед, но должен был быть выслан на его стокгольмский адрес сразу по получении репортажа по телеграфу.

В мемуарах, озаглавленных «Встречи», Пяст спустя семнадцать лет подробно описывает свое путешествие. Он ехал в Стокгольм на корабле через Турку (Або). Судя по всему, он отправился к Стриндбергу в самый день своего прибытия, 29 апреля. Оглядываясь назад, он намеренно старается преуменьшить все, что окружало Стриндберга. «Синяя башня» представлена маленькой, серой, обыденной. Умиравший писатель оказался помещен в «сероватую, скромную» квартирку наедине со своей домработницей [6; 153]. Как только Пяст поселился в гостинице, он немедленно связался с зятем Стриндберга, Владимиром Смирновым (они жили в соседних отелях в центре), от которого узнал, что больной никого не

принимает, кроме самых близких. Добровольно выбранная изоляция оказалась теперь полной.

Пяст сидел, окруженный играющими детьми в сквере Тегнерлунден по соседству, и спрашивал самого себя, неужели так и не удастся хоть мельком увидеть «человека, который в моем представлении выпадает из числа прочих живущих на земле людей», обменяться с ним взглядом, услышать его голос [6; 153]. Он набрался храбрости, поднялся по лестнице и позвонил в дверь. Открыла служанка Мина. В просторной прихожей было темно. Дверь в комнату больного была приоткрыта. «Так живут мученики науки, – подумал Пяст, – писатели, которые сами выбрали уединение». Он мог бы с легкостью преодолеть преграду и войти в комнату, но после минутного колебания все же решил, как тяжело ему это ни далось, не нарушать волю «великого». Пяст оставил экземпляр недавно изданной автобиографической «Поэмы в тонах» в оригинале с прикрепленной к нему визитной карточкой с приветствием.

Одиночество еще больше, чем прежде, стало лейтмотивом в его восприятии Стриндберга. В мемуарах он торжественно восклицает: «Жилище автора “Одинокого”, первой книги Стриндберга, которую я прочел, – я в тебе был!» На визитной карточке он написал на ломаном шведском примерно следующее: «Августу Стриндбергу, Единственному, но уже больше не Одинокому – от молодых русских поэтов». На всякий случай он передал зятю Стриндберга еще один экземпляр книги со следующим посвящением: «Nur an August Strindberg, den Einzigen aber nicht den Einsamen». Это была игра слов: Стриндберг, вне сомнения, был одинок. Но в этот момент имелось в виду то, что он был единственным, он был уникален. Ибо, с другой стороны, он стал частью молодого русского содружества, стал близок Блоку, самому Пясту и Андрею Белому, который признавался Блоку за пару месяцев до этого, что после чтения «Инферно» почувствовал особую «радость в том, что он вот не одинок...» [1; 440]².

Пяст тоже не был совершенно одинок – он чувствовал себя окруженным агентами шведской охраны, которые следили за чужестранцем. Кроме того, он встречался с дочерьми Стриндберга – Карин и Гретой. Очень скоро деньги, однако, стали иссякать. Статья была выслана, но гонорар не поступал. Пяст получил некоторое вспомоществование от Смирнова, но все более чувствовал себя как молодой писатель из «Голода» Гамсуна [6; 156]. И все же он многое успел: посетил зоологический парк «Скансен», Народный Дом, Королевскую библиотеку, Национальный музей, Северный музей – музей шведской культуры и этнографии, а также Дворянское собрание и салоны ресторана «Бернс».

Спустя несколько дней он, наконец, получил денежный перевод от матери и смог отправиться в обратный путь – раньше, чем планировал. Впо-

следствии выяснилось, что гонорар по иронии судьбы дошел до Стокгольма сразу после его отъезда. Из-за неудачного стечения обстоятельств статья так и не была напечатана в «Русском слове». Но главный редактор был доволен работой Пяста: «Не правда ли, – очень хорошо сделали, что так, бросив службу, без копейки денег, вздумали тогда поехать в Стокгольм? Ведь этого – не правда ли? – никто у вас больше не сумеет отнять, – того, что вы были, съездили! – Правда, правда, правда!» [6; 157].

Вернувшись в Петербург, Пяст поделился своими впечатлениями от путешествия с Блоком, который после смерти Стриндберга 14 мая с доставленной из Стокгольма репродукцией портрета Стриндберга кисти Рихарда Берга перед глазами написал статью «Памяти Августа Стриндберга». В ней Блок описывает его как «пробный» тип нового человека, уникальное соединение мужественного и женственного начала, ученого и художника, ремесленника и творца, демократа и товарища [3; 463–469]. За этим последовало «стриндберговское лето» петербургских символистов, завершившееся мейерхольдовской постановкой в Териоках «Преступление преступлению рознь». Пяст прочитал вводную речь на фоне слегка кубистического портрета Стриндберга работы Николая Кульбина в траурной рамке. Здесь были среди прочих Блок и пара Владимир и Карин Смирновы. Любовь, жена Блока, блистала в роли Генриетты, по словам Блока, роли всей ее жизни³ [4; 398]. После интенсивного «стриндберговского лета» страсть постепенно стала угасать, а с ней и дружба Блока и Пяста.

Между тем отчет Пяста о путешествии все же был напечатан в журнале «Новая жизнь», в майском номере 1912 года. Он, разумеется, свежее и правдивее в деталях, чем мемуары. Статья открывает перед нами и удивительную панораму времени. Еще яснее, чем книга воспоминаний, она дает представление о Стриндберге как, с одной стороны, титане в поединке со смертью, с другой же – как о ближнем, товарище по борьбе, чей характер вмещает в себя и суровость, и нежную заботу.

Особенно поражает, однако, то, что Пяст-радикал почти совсем вытеснил здесь Пяста-окультиста (чего можно было бы ожидать скорее от его мемуаров, опубликованных в советское время). Хотя он и усматривает мистическую связь между солнечным затмением и массовыми расстрелами бастующих рабочих на реке Лене – за день до гибели «Титаника». В это время смертельно больной Стриндберг, собирая последние силы, играет на рояле траурный марш, который вторит этой катастрофе цивилизации. Так символисты толковали – и охотно связывали между собой – знаки времени.

Кроме карнавальнoй процессии и традиционных чествований студентов накануне Валь-

пургиевой ночи в Скансене, Пяст с особым интересом описывает празднование Первомая с его демонстрацией, протянувшейся от площади Норра Банторьет и вверх по бульвару Валхаллавэген и завершившейся речью Яльмара Брантинга на поле Ладугордсьердэ, посвященной великому сыну шведского народа. Для русского гостя кульминацией празднования, казалось, стала постановка в честь Стриндберга «Фрёкен Жюли» в театре Народного Дома, сопровождаемая приветствиями от профсоюза рабочих под сенью увенчанного лавровым венком бюста Стриндберга с надписью на ленте: “народному поэту” в этот “народный день”. Пяст связывает с этим, естественно, большое количество народа на похоронах Стриндберга тринадцать дней спустя – событие это снова выпало на 1 мая по старому стилю, что было в глазах Пяста символично. В более глубоком смысле Стриндберг, таким образом, оказался не одинок и в своем отечестве.

Можно было подумать, что этот «революционный» взгляд на Стриндберга мог бы создать хорошие предпосылки для отношений между Пястом и большевиком Смирновым. Но вышло иначе. В опубликованных и неопубликованных воспоминаниях Владимира Смирнова и его жены Карин о последних днях Стриндберга и о знакомстве с Пястом (а затем и с Блоком в Териоках) между строк читается, что символисты в глазах обоих были далекими от реальности экзальтированными духовидцами. Смирновы – особенно Карин – подчеркивают странности Пяста. Они как будто не хотят ничего знать о его демократическом взглядах и интересе к Стриндбергу как к «стирающему классовые границы» борцу за рабочее дело⁴.

Спустя несколько дней после приезда Пяст уже вполне освоился в Стокгольме, в котором он, судя по всему, усматривает черты своего родного города. Он охотно проводит параллели. Действительно, у Стокгольма и Петербурга много общего – оба города на воде расположены на одном градусе северной широты.

Почти за два года до Стриндберга скончался Лев Толстой. Это событие в символистских кругах приобрело апокалиптическое измерение. Символисты восприняли его драматическую кончину – в бегстве из богатой помещицкой среды Ясной Поляны в монастырскую аскезу – как национальное потрясение. Пяст на тот момент считал естественным сравнить смерть Стриндберга именно со смертью Толстого. Более того, для него это была смерть, ставшая воскресением, призывом к новой жизни. Блок выразил нечто подобное в написанной тогда же статье памяти Стриндберга.

Символисты жили с обостренным чувством надвигающейся агонии текущей эпохи и наступающих исторических перемен. Они были «сейсмографами» в гораздо большей степени, чем писатели-радикалы типа Максима Горького, которых восхвалял Смирнов.

Следует отметить, что в статье Пяста обнаруживается характерное для того времени восприятие Швеции как страны, тесно связанной с природой и первобытностью, и, быть может, именно поэтому по-детски подлинной, невинной, целомудренно чистой. Своего великого, питавшегося от народных истоков сына страна не может воспринять умом, лишь сердцем. Подобный взгляд также является неотъемлемой частью культа Стриндберга у русских поэтов.

(Пер. со швед. Н. Воиновой)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо Андрею Белому от 25 января / 7 февраля 1912 года [1].

² Письмо А. Белого от 6/19 февраля 1912 года [1].

³ Письмо к матери от 15/28 июля 1912 года [1].

⁴ См.: Smirnoff V. August Strindbergs sista dagar (Последние дни Августа Стриндберга) // Afton-Tidningen. 1942. 14 мая. См. также: Minnen av en härlig rebell (Воспоминания о славном бунтаре) // Vi (Мы). 1942. 9 мая; отрывок из воспоминаний Karin Smirnoff: Aleksandr Blok och Strindbergs ansikte (Александр Блок и лицо Августа Стриндберга).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
2. Блок А. От Ибсена к Стриндбергу // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 5.
3. Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 5.
4. Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 8.
5. Литературное наследство / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1981. (Литературное наследство). Т. 92: В 4 кн.: Александр Блок: новые материалы и исследования, кн. 2 / Ред. В. Р. Щербина. 415 с.
6. Пяст, Владимир Алексеевич. Встречи / Сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 413 с. (Россия в мемуарах).

IRINA LEONIDOVNA DANILOVA

Doctor of Philology, Lecturer of the Institute of Languages and Literatures Pro-rector of Academic Affairs and Instruction, University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden)
irina.danilova@spraak.gu.se

АВГУСТ СТРИНДБЕРГ – СОЗДАТЕЛЬ «ИНТИМНОГО ТЕАТРА». КОНЦЕПЦИЯ «ИНТИМНОГО ТЕАТРА» И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ТЕАТРА В ШВЕЦИИ

В статье представлена концепция «Интимного театра» Августа Стриндберга, ее формирование на протяжении всей творческой эволюции шведского драматурга.

Ключевые слова: «Интимный театр», интеллектуальная драма, шведская драма XX века

С именем Стриндберга связано рождение шведской театральной культуры XX века. Театральная концепция писателя складывалась в течение двадцати пяти лет (1882–1907). Его «Интимный театр» (1907–1910) был не просто камерным, он укрупнял невидимые процессы душевной жизни героев, это был театр литературный и философский, требующий от зрителей интеллектуальной работы. Первая яркая попытка Стриндберга повлиять на современный театр относится к 1882 году. В книге «Новое царство» он высмеял Королевский театр, репертуар которого состоял из дешевых французских фарсов и мелодрам. Но его голос не был услышан.

В 1889 году в Копенгагене, после удачной постановки пьесы «Отец» в Казино-театре этого города, Стриндберг опубликовал в журнале «Новая земля» статью «О современной драме и современном театре», где тоже критиковал неразвитость вкусов публики и примитивность театральных пьес. К этому времени его «театральная программа» уже сложилась и была сформулирована годом раньше в предисловии к пьесе «Фрекен Жюли». Развлекательным и нравоучительным постановкам драматург противопоставлял внимание к коллизиям, возникающим в интимных и семейных отношениях из-за скрытой враждебности людей друг к другу. Вместе с тем он не стремился к изображению типичных семейных ситуаций, напротив, искал случаи уникальные. «Я нахожу радость в сильной, жестокой жизненной борьбе, мне доставляет удовольствие что-нибудь узнать, изучить. Поэтому я выбрал необычный случай, но поучительный, исключительный, одним словом. Однако это такое исключение, которое подтверждает правило, что, вероятно, узвит тех, кто любит банальность» [3; 82], – декларирует он в предисловии к «Фрекен Жюли». И далее подчеркивает: «Я не верю в простые характеры. <...> Мои души (характеры) – конгломераты прошлого и будущего, кусочки книг и газет, оборванные лоскуты праздничных одежд... Я позволяю душам воспринимать “идеи” друг друга, намеки, внушения, это называется суггестией» [3; 89–90].

Видимо, поэтому пьеса «Фрекен Жюли», при создании которой драматург осознал для себя необходимость выражения в диалогах глубинной жизни души героини, стала шедевром, на 100 лет пережившим создателя, и одной из самых популярных пьес Стриндберга. Тогда, в конце 1880-х годов, Стриндберг мечтал открыть в столице Дании свой экспериментальный театр, который бы представил проблемы реальных людей, говорил бы о непримиримых противоречиях современности. Такого рода театр уже существовал в Париже. Это был «Théâtre libre» под руководством А. Антуана. С мыслью о новом театре Стриндберг пишет в 1888 году короткие пьесы «Фрекен Жюли», «Самый сильный», «Самум», «Пария». Но они были поставлены значительно позже. Например, премьера «Фрекен Жюли» состоялась только в 1891 году в Берлине на сцене «Freie Bühne», а в 1893-м – в театре А. Антуана в Париже. В Швеции эта пьеса была впервые поставлена в 1906 году в Лунде, она была сыграна передвижной труппой, созданной А. Фальком для того, чтобы поддержать драматурга и осуществить постановки лучших пьес Стриндберга.

Осенью 1907 года Стриндберг в союзе с верным А. Фальком открывает в Стокгольме «Интимный театр», тщательно продумав его интерьер и программу воспитания актеров. Драматург всегда мечтал о такой сцене и о таком зале, где мог бы возникнуть особый волшебный контакт между актерами и зрителями, он мечтал о театре высокой интеллектуальной культуры и полного взаимопонимания. Поэтому, получив ссуду на открытие театра, он не жалел денег для создания уютного интерьера и атмосферы романтического общения. Салон был выдержан в мягких зеленоватых тонах. Лампы под потолком задрапированы золотистым шелком. На полу – ковер насыщенного зеленого цвета. Салон украшен шестью ультрасовременными колоннами с декорированными капителями. Было обставлено фойе для дам и отдельная курительная комната для мужчин. Предполагалось, что дамы не будут курить [1; 9–14]. Сцена была очень маленькая – 6 на 9 метров. На правой стороне была помеще-

на репродукция известной картины А. Беклина «Остров смерти» («Остров мертвых»), а на левой – его же «Остров жизни», репродукции исполнил молодой шведский художник Карл Шульберг. В театре были созданы все условия для театрального производства и для творчества: декорационная мастерская, 20 оборудованных гримерных, фойе для актеров с зеркалом и роялем, где постепенно на стенах появились фотографии актеров и фотографии со сценами из спектаклей. Для того чтобы уровень актерского мастерства соответствовал задачам театра, необходимо было иметь образованных актеров, понимающих как специфику камерного театра, так и сложность драматургического материала. В меморандуме, обращенном к актерам, Стриндберг требовал углубления в содержание пьесы, умение передавать концепцию спектакля, а не работать на публику. «В драме мы ищем сильный значительный мотив, но с ограничением. Мы избегаем украшательства, всех ожидаемых (публикой) эффектов, мест для аплодисментов, премьерства, сольных номеров» [1; 15–16].

С историей создания и работы «Интимного театра» тесно связан вопрос о внутренней эволюции архитектоники пьес Стриндберга, пьес «меньшего формата», написанных специально для камерного театра после 1900 года. После кризиса 1897 года и создания «Инферно» он пишет две части драматической трилогии «Путь в Дамаск», где впервые существование человека было представлено как «странствование по дороге жизни» [2; 14] и где изображению персонажей сопутствовал анализ: точка зрения писателя выражена непосредственно в репликах. Это свидетельствовало о появлении нового жанра в драматургии Стриндберга – жанра интеллектуальной драмы, использующей метафорические приемы, аллегоризм, символику.

В 1900 году написана «Пляска смерти», а в 1901-м – «Игра снов» («Игра грез»), «Невеста под венцом», «Белая, как лебедь» и «Монастырь» (третья часть «Пути в Дамаск»). Именно в них происходят качественные изменения архитектоники пьес, которые проявятся и в пьесах 1907 года, написанных специально для репертуара «Интимного театра», среди них «Соната призраков», «Ненастье», «Выжженная земля» и «Пеликан». Символика и фантастические образы, похожие на образы современных фильмов ужасов, мистические мотивы, разрушающие гармонию реальности, становятся доминирующими чертами образного строя пьес Стриндберга. Главным принципом развития действия становится «дьявольская игра», врывающаяся и искажающая видимую, осязаемую реальность.

В начале XX века основными принципами архитектоники драм Стриндберга становятся следующие. 1. Совмещение в художественном времени и пространстве абсолютно конкретного и абсолютно обобщенного принципов, что позволяет понимать драму как конкретное проявление вечного. 2. Вплотение принципиально неразрешимых конфликтов. 3. Соединение в одном характере (душе) главного персонажа максимально возможного количества противоречий, чтобы показать реальную сложность жизни души. 4. Окружение главного персонажа представлено более простыми, вспомогательными фигурами – актантами, олицетворяющими его отдельные невидимые качества. 5. Внимание к звучащему слову. Приближение художественного языка к языку поэтическому для создания эффекта единства словесного действия. 6. Утверждение в драме принципа музыкального, мелодического развития действия, аналогичного опере и балету.

Несмотря на масштабность и сложность идей своего создателя, «Интимный театр» был камерным театром, которому было трудно конкурировать с театрами Стокгольма. Он не мог существовать без постоянной финансовой поддержки. Все героические усилия директора А. Фалька позволили театру просуществовать до 1910 года и остаться в истории шведского театра в качестве значительного и смелого эксперимента.

Движимый идеей Интимного театра, Стриндберг создал пластичный жанр интеллектуальной полифункциональной драмы, позволяющей переходить от реалистического изображения к гротеску, а также способной трансформироваться при постановке на сцене в другие эстетические системы.

Сейчас работа «Интимного театра Стриндберга» возобновлена в том же помещении полуподвала, где был старый театр. Правда, зал оформлен в современном стиле. Драматургию, написанную Стриндбергом для камерной сцены, играют актеры, верные духу творчества великого драматурга. Руководит театром Туре Рангстрем, написавший следующие строки: «По-прежнему существует магия Интимного театра. <...> Есть потребность исследовать его пьесы в свете дня сегодняшнего. Стриндберг говорил: “Стол и два стула – вот идеал”. Вероятно, он имел в виду, что простота и понятность могут быть основой драмы. На самом деле, Интимный театр есть осуществленная *невозможность*. Маленький театр не способен выжить экономически. Но наши лучшие минуты мы проживаем тогда, когда играем Стриндберга» [4; 24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nolin B. Intima Teatern. Stockholm, 2000.
2. Ny svensk teaterhistoria. Band 3 1900-talets teater. Stockholm; Göteborg: Gidlunds förlag, 2007.
3. Strindberg A. Fröken Julie. Ett naturligt sorgspel. Med ett förord av författaren. Stockholm: Natur och Kultur, 1986.
4. Strindbergs Intima Teatern. Stockholm, 2012.

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
 nypatr@list.ru

ЗАЧИНЫ С ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫМ ГЛАГОЛОМ *ЕСТЬ* В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII–XX ВЕКОВ: ОПЫТ ГРАММАТИЧЕСКОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ*

В статье представлен опыт структурного, семантического, функционального и композиционного описания бытийных зачинов с предикатом *ЕСТЬ*. Выявлена возрастающая в направлении к середине XIX – началу XX века динамика в использовании экзистенциальных инициальных высказываний, а также активность некоторых групп существительных – номинаций субъектов бытия, локализаторов и квазилокализаторов.

Ключевые слова: поэтический зачин, бытийное предложение, экзистенциальное предложение

В лирике, в отличие от других литературных родов, заглавие – не облигаторный, а факультативный элемент текста. В стихотворениях без заглавий функцию наименования выполняет первая строка, репрезентирующая произведение во внешнем мире, играющая важную роль в процессе декодирования художественного целого, управления читательским восприятием: «...первая строка произведения задает жанр, размер, ритм, тему и очень часто отношение автора ко всему стихотворению» [1; 28], поэтому, очевидно, «относительная важность первой строки в поэзии выше, чем в прозе» [1; 28]. Само отсутствие заглавия является значимым, предоставляющим «большую свободу для интерпретации содержания стихотворения и может свидетельствовать о возможности его неоднозначного толкования» [26; 58].

В русской синтаксической системе «сообщения о человеке – его личности, внешности, физическом состоянии, внутренних переживаниях... отношениях к другим людям и происходящих в его жизни событиях – обычно строятся по бытийной синтаксической модели» [2; 142]. Поскольку в поэзии, где «все события реальной действительности... оказываются погруженными в недра чьего-то сознания, становятся материалом чьих-то мыслей и чувств» [23; 177], преобладают зачины, содержащие сообщение о состоянии или мировидении лирического героя, то есть связанные с категорией «Человек», можно предположить активность инициальных предложений экзистенциального типа. В качестве объекта специального рассмотрения были выбраны первые строки, включающие бытийный глагол в форме настоящего времени. Результаты сплошной выборки свидетельствуют о росте числа бытийных зачинов в направлении к золотому и серебряному веку русской лирики: зачины с предикатом *ЕСТЬ* в поэтических произведениях малых жанров, относящихся к XVIII

столетию, представлены всего 5 репрезентациями (2 – Дмитриев, 1 – Хемницер, 1 – Богданович, 1 – Кантемир); на протяжении XIX века количество подобных инициальных образований резко возрастает (107 случаев – 27 авторов), поэзия XX столетия демонстрирует еще более высокую их активность (131 пример – 28 авторов).

Общим местом при характеристике поэтического хронотопа со времен А. А. Потебни стало утверждение о том, что лирика – это «презентс» переживания внутреннего субъекта. Входящий в зачин глагол *ЕСТЬ*, относящийся к изображающему мир в состоянии некой данности и статики несюжетным процессным предикатам, обычно имеет семантику настоящего неактуального (повторяющегося и постоянного) и идеально подходит для характеристики присущих всему роду человеческого ментальных состояний, выражения неких сентенций, общих суждений о жизни, всевременных процессов:

Во всяком роде есть безумцы и буяны... (Дмитриев)
Есть граница между ночью и утром...

(Р. Рождественский)

На каждый звук есть эхо на земле... (Тарковский)

Единичны репрезентации иного рода, когда форма *ЕСТЬ* получает грамматическое значение настоящего актуального или настоящего расширенного:

Есть еще вино в глубокой чашке... (Гумилев)

Есть у тебя еще отец и мать... (Цветаева)

Нет погоды над Диксоном. Есть метель.

Ветер есть. И снег. А погоды нет.

(Р. Рождественский)

Будет луна.

Есть уже немножко.

А вот и полная

повисла в воздухе... (Маяковский)

Панхронизм грамматической семантики дополняется исторически сложившейся многознач-

ностью персональной природы формы ЕСТЬ, которая в русском языке национального периода используется для выражения идеи существования не только какого-либо класса объектов в позиции 3-го синтаксического лица, но и приложима также к говорящему и адресату (в силу совершившегося в истории русского языка вытеснения иных форм парадигмы презенса глагола БЫТЬ¹). Как кажется, воплощению предикатом значения бытия вообще как не обусловленного чьим-либо волением процесса, независимо от Я-, ТЫ- или ОН-модусной рамки высказывания, способствует также омонимичность окончаний формы ЕСТЬ и инфинитива на -ТЬ.

Поэт представляет существование в мире описываемого далее, после зачина, явления как несомненное, видимое, слышимое или безошибочно угадываемое, прорицаемое интуитивно, постигаемое божественным озарением:

Есть бытие; но именем каким

Его назвать? Ни сон оно, ни бденье... (Баратынский)

Все снится: дочь есть у меня... (Бунин)

Тем самым в бытийном предложении подчеркивается яркое модальное значение реальной экзистенции какого-либо предмета, не позволяющее представить тот же самый процесс как ирреальный (сослагательный, условный, оптический, побудительный, долженствовательный по значению вариант бытийного предложения при сохранении исходного смысла «бытие объекта в мире» трудно представим), так что предложение в лирическом контексте, как правило, существенно сужает свои парадигматические возможности.

Интонация экзистенциальных зачинов, как правило, констатирующая, приглашающая читателя к совместному размышлению по поводу бытия некоего вдруг открывшегося поэту явления. Подчеркнуто эмоциональные вопросительные медитативные и риторические зачины занимают незначительное место в выбранном материале, не только диалогизируя лирический текст, но и являясь знаками сомнений лирического героя в возможности существования желаемого:

– Есть ли счастье на свете сильнее любви?

(Лохвицкая)

Ты, чистая звезда, скажи мне, есть ли там,

В селениях твоих, забвенью и покою? (Лохвицкая)

До первой звезды есть ли звезды еще?

(Цветаева)

Есть тайна несказанная.

Но где, найду ли я? (Сологуб)

Не случайно идея существования какого-либо явления способна в поэтическом высказывании соседствовать со знаками отрицательной модальности (негативными частицами и приставками), подчеркивающими недоступность, недостижимость, «несказанность», странность называемого объекта или же «неправильность», дисгармоничность, парадоксальность мироуст-

ройства: *Есть в земном творении Облики незримые, Глазу незаметные...* (Случевский); *Есть много звуков в сердца глубине, Неясных дум, непетых песен много...* (А. К. Толстой); *Есть много навсегда забытых впечатлений, Никем не понятых, никем не оцененных...* (Фофанов); *О, есть неповторимые слова...* (Ахматова); *Есть в литографиях забытых мастеров неизъяснимое, но явное дыханье...* (Г. Иванов); *Не с тобой мне есть угощенье, Не тебя мне просить прощенья...* (Ахматова); *...Есть недоступность чуда...* (Адамович); *Есть музыка неслышная во всем, что движется...* (Вс. Рождественский).

Бытийные конструкции с тесно взаимодействующими знаками негации и ассерции не только усиливают присущую лирике неопределенность субъекта существования, но и подчеркивают неоднозначность, множественность, «расщепленность» [27; 221] поэтической референции. По этой причине сообщение о реальности бытия некоего феномена иногда совмещается в инициальном высказывании с показателями субъективной гипотетической модальности (1) или категории неопределенности:

(1) *Есть рыбы, говорят, которые летают!*

(Дмитриев)

Есть счастье у нас, поверьте... (Гиппиус)

Как будто есть, как будто нет...

Уму наверно, а воскресну ли? (Гиппиус)

(2) *Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья...*

(Тютчев)

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней...

(Баратынский)

Есть что-то знакомое, близкое мне...

(Кюхельбекер)

Есть старая песня, печальная песня одна...

(Григорьев)

Зловещее и смутное есть что-то

И в сумерках осенних и в дожде... (Фофанов)

Есть что-то грустное и в розовом рассвете,

И в звуках смеха, тонущих вдали... (Лохвицкая)

Есть что-то позорное в мощи природы... (Брюсов)

Где-то есть, за темной далью

Грозно зыблемой воды,

Берег вечного веселья... (Брюсов)

Есть одна хорошая песня у соловушки... (Есенин)

Ведь где-то есть простая жизнь и свет...

(Ахматова)

У меня есть улыбка одна... (Ахматова)

В качестве субъектов экзистенции в поэтических зачинах выступают:

1. Личные одушевленные существительные: *люди* (Крылов, Кольцов, Лермонтов, Бальмонт), *женщины* (Мандельштам), *отец и мать* (Цветаева), *дитя* (Кантемир), *дети* (Надсон, Цветаева), *дочь* (Бунин), *путники* (Вс. Рождественский), *безумцы, буяны* (Дмитриев), *прогрессист* (Вяземский), *подхалим* (Маяковский), *бесноватый* (Случевский), *лишние, добавочные* (Цветаева), *счастливицы и несчастливицы* (Цветаева), – среди

которых встречаются термины родства и имена – оценочные характеристики, а повторяющиеся здесь оказываются лексемы *люди* и *дети*, участвующие в выражении общих суждений о сути человеческого характера, например:

*Есть люди: мысли их и жесты
До оскорбительности ясны.* (Бальмонт)
*Есть странные дети: веселья и шума
Бегут, как заразы, они...* (Надсон).

2. Наименования объектов живой и неживой природы – *рыба* (Бальмонт), *рыбы* (Дмитриев), *зверь норок* (Кузмин), *птица* (Бальмонт), *птичка* (Лермонтов), *иволги* (Мандельштам); *роза* (Пушкин); *земля* (Тютчев, Случевский), *роща* (Козлов), *озеро* (Жуковский), *озера* (Вс. Рождественский), *небо, море* (Брюсов), *небесный свод* (Лермонтов), *звезды* (Цветаева), *луна* (Маяковский, Ходасевич), *другие планеты* (Бальмонт), *холм* (Блок), *ветки* (Майков), *колосья* (Цветаева), *закаты, заря* (Вс. Рождественский), *мхи* (Бунин).

3. Названия артефактов: *вино* (Гумилев), *книга* (Анненский), *кольцо* (Лохвицкая), *украшение* (Фет), *телеграф* (Тютчев), *предмет* – о короне (Случевский), *силуэт* – об изображении лица (Лермонтов), *сад* (Гиппиус), *арка* (Вс. Рождественский), *собор* (Мандельштам), *домик* (Брюсов), *двери* (Есенин), *деньги* (Майков), *дача* (Батюшков), *палата* (Пушкин), *мостки* (Гиппиус), *грот* (Баратынский), часть из которых участвует в формировании лирического топоса. Конкретные реалии, очень не часто включаемые как субъект бытия в инициальное поэтическое высказывание, получают обычно неопределенные, условные характеристики, намеренно «остраняются» в лирическом тексте, так чтобы узнавание и верификация предметов были крайне затруднительными для читателя, например:

*Мостки есть в саду, на пруду, в камышах.
Там, под вечер, как-то, гуляя,
Я видел русалку...* (Гиппиус)
*Есть кольцо у меня – изумруд
И рубин в сочетании странном горят...*
(Лохвицкая)
*Есть арка – такой не бывало:
Она никуда не ведет...* (Вс. Рождественский)
Есть грот. Наяда там в полдневные часы...
(Баратынский)

4. Слова, связанные с мифологией, религией, библейскими легендами: *мир духов* (Вяч. Иванов), *духи зла* (Полежаев), *Творец* (Богданович), *Божий дар* (Гиппиус), *на небе сад* (Лохвицкая), *Зевс* (Вяч. Иванов), *демон* (Брюсов), *демон утра* (Блок), *пророки* (Гумилев), демонстрирующие интерес поэтов к тайнам божества и творения, инфернальным сущностям.

5. Формирующие ключевой хронотоп произведения: временные понятия – *время* (Некрасов), *времена* (Блок), *дни* (Блок), *годы* (Брюсов), *месяцы* (Брюсов), *пора* (Тютчев), *прошлые дни*

(Брюсов), *минуты* (Фофанов, Блок), *часы и дни* (Тютчев), *час* (Хомяков, Тютчев, Ахматова, Цветаева), *ночи* (Жуковский, Случевский, Ходасевич), *мгновенье* (Тютчев), *мгновенья* (Некрасов, Случевский, Вяч. Иванов), *граница между ночью и утром* (Р. Рождественский); поэтическое пространство – *место* (Лермонтов, Тютчев, Тушнова), *сторона* (Никитин), *край* (Бенедиктов, Некрасов, Плетнев), *угол на земле* (Баратынский), *страна* (Баратынский, Некрасов, Блок), *город* (Пушкин), *города* (Вс. Рождественский), *тропа* (Сологуб), *улица* (Брюсов), *зал* (Бальмонт).

6. Абстрактные сущности – самая многочисленная и разнообразная группа слов в позиции бытийствующих субъектов – названия состояний, эмоций, качеств, процессов и их проявлений, моральные и философские категории: *жизнь* (Кольцов), *жизнь и свет* (Ахматова), *бытие* (Баратынский), *причина* (Сельвинский), *закон* (Слуцкий), *вдохновенье* (Сологуб), *любовь* (Бальмонт, Сологуб), *счастье* (Лохвицкая, Гиппиус), *горе* (Никитин, Лохвицкая), *прямоть, честь, подвиги* (Цветаева), *радость* (Батюшков, Мережковский, Бальмонт), *радости* (Лохвицкая), *чувство* (Случевский), *чувство адское* (Бенедиктов), *восторг* (Бальмонт), *нежность* (Бальмонт), *выбор* (Кузмин), *мечта* (Вс. Рождественский), *мечты* (Фофанов), *сила* (Вс. Рождественский), *недоступность чуда, мука, сомнения* (Адамович), *обольщение* (Брюсов), *величье* (Сельвинский), *свобода* (Мандельштам), *игра* (Мей, Блок), *поцелуи* (Бальмонт), *ирония* (Слуцкий), *умение* (Самойлов), *цвет* (Вяч. Иванов), *белость* (Брюсов), *запах* (Ходасевич), *скрип* (Ходасевич), *целомудрие* (Гиппиус), *дыханье, напев, шорохи, колыханье* (Г. Иванов), *грусть* (Фофанов), *скорбь* (Надсон), *мысли* (Тютчев), *невучесть* (Тютчев), *пристрастие* (Тютчев), *прелесть* (Тютчев), *права* (Григорьев), *значение* (Тютчев), *наслажденье* (Глинка), *наслаждение* (Батюшков), *толк* (Жуковский), *гармония* (Батюшков, Тютчев, Случевский), *ласка* (Брюсов), *соответствия* (Сологуб), *красота* (Бальмонт), *краса* (Фет), *блеск и сила* (Фет), *одиночество* (Апухтин), *забвенье и покой* (Лохвицкая), *прекрасное* (Ходасевич), *трудное, стыдное* (Гиппиус).

7. Сущности, связанные с тайнами мироздания, необъяснимыми и непонятными человеческому разуму: *намеки тайные* (Бальмонт), *чудеса* (Блок), *виденья* (Лохвицкая), *облики незримые* (Случевский), *тайна* (Сологуб), *поверье* (Случевский), *заветный мир* (Глинка), *заветная черта* (Ахматова).

8. Звуки мира, слова, тексты: *слово / слова* (Анненский, Гиппиус, Бальмонт, Брюсов, Ахматова, Адамович), *речи* (Лермонтов), *звук* (Вяч. Иванов), *песня* (Григорьев, Бальмонт, Есенин), *стихи* (Вс. Рождественский), *рифмы* (Цветаева), *преданье* (Вяземский), *музыка* (Вс. Рождественский), *эхо* (Р. Рождественский), *весь* (Блок).

9. Особенно выразительными и приковывающими внимание читателя к зачину оказываются яркие окказиональные метафоры-загадки и смежные с ними олицетворения, сравнения, расшифровать которые иногда можно только исходя из всей следующей за инициальным высказыванием части стихотворного произведения: *Источник страсти есть во мне...* (Лермонтов); *В груди у юноши есть гибельный вулкан...* (Бенедиктов); *Есть цветок: его на лире...* (Бенедиктов) – о возлюбленной лирического героя; *Есть близнецы – для земнородных Два божества – то Смерть и Сон...* (Фет); *Есть бездна мрачная, та бездна – отрицанье...* (Надсон); *Есть у свободы враг опаснее цепей... Он – всем врожденная способность примиренья* (Надсон); *Есть за гранью мирозданья Заколотенные зданья... Всяких планов и моделей... Не добравшихся до целей!* (Случевский); *Есть заросли пространств, как на земле бывають...* (Случевский); *Есть духи глаз. С куста не каждый цвет...* (Вяч. Иванов); *Три брата есть: Благоговенье, Чей взор потуплен, лик покрыт, И личности хранитель – Стыд, И холод чистоты – Презренье...* (Вяч. Иванов); *Есть белый цвет и черный – Два врага, как Да и Нет...* (Вяч. Иванов); *Есть час Души, как час Луны...* (Цветаева). Единичным словоупотреблением представлена метонимия: *У меня есть мама на васильковых обоях* (Маяковский).

Структура бытийных предложений в системе языка обычно содержит локализатор ситуации (место / время события) или квазилокализатор (обычно носитель или источник состояния). Экзистенциальные лирические зачины в половине случаев (более 50 % репрезентаций) не содержат ни локализатора, ни квазилокализатора: *Есть обитаемая духом Свобода – избранных удел...* (Мандельштам); *Есть люди: будь лишь им приятель...* (Крылов); *Есть роза дивная: она...* (Пушкин) и т. п. «Локализатор... регулярно отсутствует в предложениях, касающихся абстрактных категорий, существование которых не соотносено с какой-либо конкретной областью...», – отмечают Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Ширяев, имея в виду языковую норму [2; 88]. В лирике же, благодаря метафорической конкретизации мира и участию зачина в построении медитативного дискурса, локализаторы оказываются возможными и в размышлениях об «общих вещах»:

Есть мысли тайные в душевной глубине... (Майков)

Одна есть в мире красота. (Бальмонт)

Есть ценностей незыблемая скала

Над скучными ошибками веков. (Мандельштам)

Обнаруженные в бытийных началах локализаторы представляют собой именованья:

- места существования субъекта (примерно в 15 % репрезентаций), обычно отсылающие читателя к референциально неопределенным или максимально обобщенным локусам (весь мир или некий его фрагмент): *там* (Кольцов,

Лохвицкая), *здесь* (Майков), *где-то* (Брюсов, Ахматова), *на свете* (Хемницер, Лохвицкая, Вс. Рождественский), *в мире* (Кольцов, Фет, Брюсов, Бальмонт, 2 примера у Цветаевой), *в этом мире* (Ходасевич), *на земле* (Баратынский, Гиппиус, Тарковский), *над твердью* (Вяч. Иванов), *в небе* (Лохвицкая), *в пучине воздушной, в небесном огне* (Кюхельбекер), *в морских волнах* (Тютчев), *в горней вышине* (Тютчев), *за гранью мирозданья* (Случевский), *за далью синей* (Блок), *на севере* (Некрасов, Бунин), *в России* (Пушкин), *у быстрых ключей* (И. Козлов), *перед скалой* (Жуковский), *в лесах* (Мандельштам), *в дикой роще, у оврага* (Блок), *на крутом берегу* (Сологуб), *в саду* (Гиппиус), *в старинном доме* (Бальмонт), *в любом учреждении* (Маяковский); лишь изредка координаты ситуации оказываются более точными: *в Кельне* (Мандельштам), *в Хороссане* (Есенин), *в нашей столице* (Брюсов), *над Диксоном* (Р. Рождественский), *у русского царя в чертогах* (Пушкин), *в патриаршей ризнице в Москве* (Случевский), *в старой лавре над Днепром* (Случевский);

- временных понятий, также неопределенных и размытых с точки зрения границ проявления состояния или качества (всего в 4 % бытийных зачинов): *в каждых сутках* (Ахматова), *в ночи* (Тютчев), *в осени* (Тютчев), *в лете* (А. Белый), *в вечерний час* (Брюсов), *до первой звезды* (Цветаева), *между ночью и утром* (Р. Рождественский), *ныне* (Гумилев), *еще* (Гумилев).

Квазилокализаторами как носителями состояния или свойства в лирических зачинах оказываются «все» и «всё», внутренний мир человека, абстрактные сущности, очень редко артефакты:

1. *Во всем* (Сологуб, Вс. Рождественский), *в земном творении* (Случевский), *в природе* (Фофанов), *в русской природе* (Бальмонт), *в будничных вещах* (Бальмонт), *в календаре столетий* (Брюсов), *в людях* (Вяземский), *во всяком роде* (Дмитриев), *у каждого* (Тушнова), *в ней* (Баратынский, Самойлов), *у меня* (2 репрезентации – Лермонтов, 1 – Маяковский, 1 – Ахматова, 1 – Лохвицкая, 1 – Бунин), *во мне* (Лермонтов, Случевский, Ходасевич), *в стане моем* (Цветаева), *у тебя* (Цветаева), *между нас* (Случевский), *у нас* (Случевский, Гиппиус), *у юноши* (Бенедиктов), *для поэта* (Хомяков), *у поэтов* (Григорьев), *у возлюбленной* (Фет), *у Музы* (Тютчев), *у соловушки* (Есенин);

2. *У души* (Глинка, Вс. Рождественский), *в душе моей* (Лохвицкая), *в сердца глубине* (А. К. Толстой), *в душевной глубине* (Майков), *в глубине души* (Брюсов), *в светлых тайниках души* (Блок), *у воспоминаний* (Ахматова);

3. *В жизни* (Тютчев, Вяч. Иванов, Брюсов), *в разлуке, в моем страдальческом застою* (Тютчев), *в светлости осенних вечеров* (Тютчев), *в зелени берез* (Майков), *в сумерках осенних и в дожде* (Фофанов), *в розовом рассвете, в звуках смеха* (Лох-

вицкая), в мощи природы (Брюсов), над скучными ошибками веков (Мандельштам), в моем мышлении (Случевский), в напевах твоих (Блок), в муке (Сологуб), в близости (Ахматова), в труде (Сельвинский), у бессмертья (Вс. Рождественский);

4. В литографиях (Г. Иванов), в вине (Брюсов), у государства (Слуцкий).

Таким образом, множественность и неопределенность референции характеризует позицию не только субъекта, но и локализатора бытия в поэзии. Поэт по праву пророческого дара утверждает часто существование явлений не наблюдаемых, рационально не доказуемых (*Пять чувств – дорога лжи. Но есть восторг экстаза, Когда нам истина сама собой видна...* (К. Бальмонт)), только интуитивно угадываемых и на-

ходящихся в столь же неоднозначно толкуемом хронотопе, а адресат может лишь поверить в реальность бытия принципиально не верифицируемых объектов лирической медитации, на чем настаивает поэт: *Есть, есть гармония живая...* (Случевский).

Таким образом, экзистенциальные зачины в лирическом роде, содержащие, как правило, панхронический по своему грамматическому значению предикат и абстрактный субъект бытия, служат прежде всего для создания «генеритивного регистра» (в терминах Г. А. Золотовой [8; 395]) и демонстрируют прагматическую установку на выражение неких общих представлений о мироустройстве, поэтическое философствование о жизни и человеке, макро- и микрокосмосе.

*Исследование выполнено в рамках финансируемого Минобрнауки РФ проекта № 01201253235 «Русская поэтическая грамматика» и при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В поэзии, где архаические явления сохраняются, как известно, дольше, чем в иных сферах языка, мы встречаем уже давно ушедшие из живого употребления и стилистически отмеченные формы БЫТЬ: *Я есмь. Ты будешь. Между нами – бездна* (М. Цветаева); *Я есмь, доколе я один...* (Вяч. Иванов); *Аз и Есмь лучит алмаз...* (Вяч. Иванов); *Ах ты гой еси, правда матушка!* (А. К. Толстой); *Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!* (Лермонтов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23–31.
2. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М.: Русский язык, 1983. 198 с.
3. Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. 283 с.
4. Джанджакова Е. В. О поэтике заглавий // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 207–214.
5. Джанджакова Е. В. Типы связи между заглавием и контекстом лирического стихотворения // Системность языковых средств и их функционирование. Куйбышев, 1989. С. 114–123.
6. Евсеева Р. А. Трехчастность лирических стихотворений: к проблеме методики анализа композиции // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 11. С. 45–50.
7. Жирмунская Н. А. Эпиграф и проблема импликации в поэтическом тексте (на материале лирики А. Ахматовой) // Филологические исследования. М.; Л., 1990. С. 342–350.
8. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
9. Ковтунова И. И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 3–13.
10. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
11. Кожевникова Н. А. Симметричные и асимметричные конструкции в синтаксисе лирики // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы. М., 2009. С. 785–811.
12. Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии // Проблемы структурной лингвистики. 1984. М., 1988. С. 167–183.
13. Кожина Н. А. Способы выражения экспрессии в заглавиях художественных текстов // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987. С. 111–116.
14. Кошова И. Г. Название как кодированная идея текста // Иностранные языки в школе. 1982. № 2. С. 8–10.
15. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Л.: Просвещение, 1979. 327 с.
16. Ламзина А. В. Заглавие литературного произведения // Русская словесность. 1997. № 3. С. 75–80.
17. Матвеев Б. И. Первое слово автора, обращенное к читателю // Русский язык в школе. 1996. № 2. С. 63–71.
18. Мерлин В. В. Самоотрицание текста (К семантике поэтической концовки) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1990. Т. 49. № 1. С. 3–15.
19. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста / Под ред. Е. В. Красильникова. М.: Наука, 1993. 238 с.
20. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация / Под ред. В. П. Григорьева. М.: Наука, 1990. 300 с.
21. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002. С. 418–433.
22. Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 2000. 416 с.
23. Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1977. 223 с.
24. Соловьева А. К. Заметки о типологии начальных строк художественных прозаических произведений // Филологические науки. 1976. № 3. С. 56–60.
25. Тураева З. Я. Лингвистика текста: Текст: структура и семантика. М.: Просвещение, 1986. 126 с.
26. Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста (лирика). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 157 с.
27. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.

АНГЕЛИНА МИХАЙЛОВНА ДУНДУКОВА
старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
gelya@onego.ru

НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ КАК ТРОПО- И ФИГУРООБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

(на примере «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга)*

Статья посвящена описанию тропо- и фигуροобразующей функций фитонимов и зоонимов в тексте «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга. Как показывает анализ, названия животных и растений с одной стороны несут в себе отражение древних мифологических представлений славян, а с другой – участвуют в формировании новой поэтической системы, соответствующей большей частью антропоцентричному миру русского эпоса.

Ключевые слова: язык фольклора, былина, семантика, метафора, сравнение, параллелизм, антитеза, гипербола

Язык русского фольклора до сих пор «хранит в себе много загадочного» [10; 7], позволяя исследователю каждый раз находить в ее сокровищнице что-то новое. Сборник «Онежские былины» в записи А. Ф. Гильфердинга [4]¹ по праву считается сегодня наиболее полным изданием фольклорных эпических песен, вошедшие именно в него тексты могут предоставить нам наиболее точные и подробные данные об особенностях словесно-художественной традиции этого жанра, в том числе о том, какое место занимают в создании художественных средств выразительности лексемы, являющиеся названиями животных и растений².

Зоонимы и фитонимы выступают в роли образных средств в «Онежских былинах» довольно часто: данная функция характерна для 59 слов с этой семантикой из 299, зафиксированных в сборнике (почти 20 %). Самыми активными в этом смысле являются названия птиц (26 лексем) и зверей (24), гораздо реже используются названия растений (6) и гадов (3), а слова, входящие в лексико-семантическую подгруппу «Рыбы», подобную роль не исполняют вообще. Интересным представляется также тот факт, что тропо- и фигуροобразующая функции наиболее характерны для тех слов, которые не являются сюжетообразующими, необходимыми для описания собственно действия в эпической песне. Так, слова «пес», «щенок», «комарик», «горох» используются в текстах сборника для создания средств художественной изобразительности в 100 % от всех употреблений, «собака» – в 85, «сокол» – в 83, «воробей» – в 76, «соловей» – в 67, «ворона» – в 65 %, а такие же показатели для лексем «конь», «дуб», «змея», «лебедь», «ворон» колеблются от 0,5 до 11 %.

Названия животных и растений в текстах «Онежских былин» образуют следующие виды средств художественной выразительности:

1. *Метафора*. В подавляющем большинстве зоо- и фитометафоры являются антропохарактеристиками, актуализирующими либо качества характера, оценку поведения человека, либо его внешний вид (анатомо-физические или физиолого-возрастные характеристики). В 1 случае метафора «маков цвет» – часть человеческого тела (лицо). В 2 примерах образная характеристика («собака», «ворон») дается абстрактному понятию «горе», которое, однако, в тексте эпической песни все равно персонифицируется, в 5 («ворон») – понятию «старость», в 3 («сокол») – «молодость», в 1 – лексема «собакище» выполняет роль обращения богатыря к своему коню. В 6 случаях «соколом» называется быстрый корабль. В анализируемых текстах встречаются зоо- и фитометафоры, имеющие разную коннотацию:

1. С пейоративной оценкой (171)³: «куро», «куренок», «воробык», «пес», «собака», «собачка», «собакище», «щенок», «щенядь», «кобель», «ворон», «ворона», «змея», «змея», «кобыла», «коровица/о», «корова»: *Собирался собака [Калин] ровно три году, во четвертый год собака во поход пошел* (Илья Муромец и Калин царь, 2, 175, 15–16). Негативная коннотация этих метафор напрямую связана с древними мифологическими представлениями об этих животных: это или проклятые, приносящие беду птицы (воробей, ворон), или существа, связанные с миром мертвых, с демонизмом и колдовством (собака, змея). Некоторые зоонимы в переносных значениях формируют обычно ярко выраженную женскую символику (курица, кобыла, корова, змея, ворона) – употребление такого слова по отношению к герою-мужчине тем более оскорбительно.

2. С мелиоративной оценкой (35): «сокол», «соколик», «лебедь», «лебедка», «лебедушка», «гусь», «жеребец», «кобылица», «маков цвет»: *[было у вдовы] А девять сынов да ясных соколов* (Братья разбойники и сестра, 3, 499, 4). Наиболее

активно и последовательно в этой функции выступают лексемы, обозначающие птиц. Подобное словоупотребление вполне ожидаемо: лебедь в славянской культуре – ярко выраженный феминный символ, знак женской красоты, любви, нежности, верности; сокол и гусь обладают устойчивой мужской символикой, ассоциируясь в народном сознании с образом жениха.

Преобладание в «Онежских былинах» отрицательно окрашенных зоо- и фитометафор совпадает и с общеязыковой традицией, нашедшей отражение в современных толковых словарях и научных исследованиях [1], [2], [7], [9].

II. *Сравнение*. Названия животных и растений в анализируемых текстах в большинстве случаев (83 примера из 102) выступают в качестве образа, а не предмета сравнения и используются для описания внешности героя, его манеры говорить и передвигаться, для изображения сражения, характеристики быстроты течения времени или передвижения корабля, а также указания на количество предметов. С формальной точки зрения сравнения, образованные в «Онежских былинах» с помощью лексем – названий животных и растений, можно разделить на следующие группы:

1. Выраженное сравнительным оборотом с союзами «как» (37), «бу/ыдто» (10/3), «быв» (6), «бы» (5), «аки» (4): «птица», «соловей», «сокол», «маков цвет», «дуб», «трава», «скотинина», «зверь», «соболь», «заяц»: *День тут за день как птица летит* (Добрыня и Алеша, 1, 346, 48);

2. Выраженное субстантивом в родительном падеже (35) – стяжение оборота с предлогом «как у...»: «птица», «сокол», «лебедь», «соболь», «ланы»: *А походочка-то [у Настасьи Митриевны] лани златорогие* (Иван Годинович, 3, 496, 32);

3. Выраженное с помощью сопоставительной сложной конструкции (1): «кувыль»: *Да и столько поганых татаровей, да и сколько в чистом поле кувыль травы* (Братья Дородовичи, 3, 315, 42–43).

В 19 примерах названия животных и растений являются предметом сравнения, при этом всегда образом сравнения также выступает фитоним или зооним. Чаще всего в качестве предмета сравнения выступает лексема «конь». Сопоставление быстроты движения этого животного и скорости полета сокола является самым частотным. Сравнение «коня как зверь» указывает на сходство, казалось бы, несопоставимых (название конкретного животного с одной стороны и слово, обозначающее родовое понятие – с другой) лексем, но в фольклорном тексте своя логика: домашнее, знакомое животное, верный помощник и спутник героя, иногда, обычно в сражении, может вести себя как дикий, почти неуправляемый, страшный, неведомый и непонятный зверь. Индивидуально-авторский характер носят сравнения, образованные сходным образом: оборот «покорить змею как скотинину», демонстри-

рующий сопоставление дикого и домашнего животных, и оборот, образованный лексемами, находящимися в гиперо-гипонимических отношениях, – «птица» и «соловей».

III. *Параллелизм* (словесно-образный, подкрепленный ритмико-синтаксическим, лексическим и морфологическим повтором) [5; 73–74]. Эта фигура используется для описания внешности героя, его манеры говорить и передвигаться, для изображения человеческих отношений и событий, описываемых в тексте эпической песни (казнь героев).

1. Отрицательный (59): «греч», «гречет», «кречетушко», «кречетко», «сокол», «соколик», «соколичок», «соколичек», «голубь», «горох», «ворон», «гусь», «утушка», «уточка», «лебедь», «лебедушка», «комарик», «трава», «березка», «береза», «горностальюшко», «горностай», «горносталь», «заюшко», «куночка»: *Не ясен сокол там пролетывал, да не белой кречетко вон выпорхивал, да проехал удалой дородний доброй молодец* (Дюк, 3, 186, 6–8);

2. Положительный (4): «соловей»: *Кабы на соловья не зима бы студеная, не морозы бы были крещенские, не летал бы я соловей по мхам, по болотечкам, по частым наволокищам, кабы да ай на молодца мне не служба государева (не наборы бы были солдатские), не ходил бы я молодец по чужой я по дальней стороны, по тыя бы по Свирской украины* (Молодец и королева, 2, 531, 1–12).

Отрицательный параллелизм, «особенно популярный в славянской народной поэзии» [3; 185] и явно преобладающий в отобранных примерах, часто оформляет в былинном тексте так называемые *loci communes*. В нашем случае это описание поездки богатыря, движения которого соотносятся в разных эпических текстах с движениями горностая и зайца, сокола и кречета (многочленные конструкции), а также ворона.

IV. *Гипербола* (31): «птиченка», «птичка», «птица», «соловей», «сокол», «воробей», «ворон», «волк»: *Много множество татар да поганых, ведь серому-то волку в день-то не оскатать, черному ворону в день не облететь* (Илья Муромец и Калин царь, 2, 330, 153–155). Художественное преувеличение, включающее в свой состав зоонимы и фитонимы, используется в текстах «Онежских былин» при описании величия войска (обычно вражеского), размеров города (чаще всего Киева) и высоты каблука у сапог (в одном из вариантов сюжета «Смерть Чурилы», записанном от П. Т. Антонова в Пудогге, – у «лапотцев») героя быliny.

V. *Антитеза* (2): «конь», «зверь». Оседлав и нагрузив золотой казной и цветным платьем своего коня, Дюк смотрит на него с удивлением, словно не узнавая: *«Али добрый конь, али ты лютый зверь»* (Дюк, 3, 241, 190). Этот пример можно охарактеризовать и как параллелизм, поскольку обе противопоставленные части слож-

ного предложения имеют сходное строение. Подобное противо- или сопоставление становится понятным, если поставить его в один ряд со сравнением «конь как зверь», о котором говорилось выше.

В «Онежских былинах» встречаются и другие примеры, которые не поддаются однозначному истолкованию. В былинке «Вольга» царице снится «нехороший» сон: *Бьетса сокол да с черным вороном, перебил сокол да черна ворона: ясный тот сокол – Вольга богатырь, черный тот ворон – то сам Сантал* (Вольга, 1, 248, 42–45). «Сокол» и «ворон» в этом примере могут быть и метафорическими изображениями людей – героев-антагонистов в былинке, и их зооморфными воплощениями (подобная функция зоонимов является одной из самых распространенных в анализируемых текстах: герои былин и исторических песен довольно часто превращаются в зверей, птиц или рыб). Похожий пример встречается в варианте исторической песни «Прусский король», записанном от Ивана Григорьевича Захарова в Водлозере. В этом тексте жена прусского короля на вопрос, куда же исчез ее муж, отвечает: *Ай за столом сидел прусский король да белой лебеди, ай на окошечки сидел прусский король ай сизым голубом, и на корабль полетел прусский король вот он черным вороном* (Прусский король, 3, 45, 17–19). Еще один отрывок по форме напоминает конструкцию с отрицательным параллелизмом, однако ей не является: *Налетели на шатер на Кошувев ведь да два сизых два голубя, да не два голубя налетало – два анге-*

ла (Женитьба Ивана Годиновича, 3, 351, 110–112). Во второй части предложения просто уточняется, что на помощь Ивану, который молил Бога о спасении, прилетели не обычные птицы, а небесные посланники, принявшие вид голубей. Примечательно, что о божественном характере этих птиц в текстах сборника прямо говорится только в этом варианте былинки, в остальных случаях (в текстах, где герой не молится) находят отражение лишь общие представления о голубях как о птицах, которых запрещено убивать.

Подобное смешение прямых и переносных значений слов, а также трудность отграничения разных средств художественной выразительности друг от друга могут быть объяснены не только недостаточным для точной дефиниции значения того или иного элемента контекстом, но и сохранившейся в языке фольклора небольшой дистанцией между «образом и значением» [8; 287], а также родством, близостью, пограничным характером формирующихся в языке фольклора разных средств художественной выразительности – параллелизма и связанных с ним генетически сравнения и противопоставления, а также метафоры⁴.

Таким образом, лексемы, обозначающие животных и растения и довольно активно участвующие в создании средств художественной выразительности в текстах «Онежских былин», с одной стороны несут в себе отражение древних мифологических представлений славян, а с другой – участвуют в формировании новой поэтической системы, соответствующей большей частью антропоцентричному миру русского эпоса.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ На это издание сборника мы будем в дальнейшем ссылаться: после цитаты, выделенной курсивом, в круглых скобках указываются соответственно название текста, номер тома, страницы и строки; особенности орфографии и пунктуации источника сохраняются; в случае необходимости в квадратных скобках приводятся необходимые пояснения.
- ² О том, насколько в художественной литературе популярны тропо- и фигуροобразующие элементы слова, входящие в ЛСГ «Животные» и «Растения», можно судить, например, по изданию [6].
- ³ В скобках рядом с цифрой здесь и далее указано количество словоупотреблений в каждом случае.
- ⁴ О том, что «поэтическая метафора – одночленная параллельная формула, в которую перенесены некоторые образы и отношения умолчанного члена параллели», см. [3; 182].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой академический словарь русского языка: [В 17 т.] / Под ред. К. С. Горбачевича. М.; СПб.: Наука, 2004– .
2. Большой толковый словарь русского языка / Глав. ред. А. С. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
3. В е с е л о в с к и й А. Н. Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940. 408 с.
4. Г и л ь ф е р д и н г А. Ф. Онежские былины, записанные летом 1871 года: В 3 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
5. К а л а ш н и к о в а Е. А. Параллелизм как составляющее формульности эпического текста // Язык русского фольклора: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1988. С. 71–82.
6. К о ж е в н и к о в а Н. А., П е т р о в а З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.: В 2 вып. М.: Языки славянских культур, 2000; 2010.
7. О ж е г о в С. И., Ш в е д о в а Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с.
8. П о т е б н я А. А. Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990. 344 с.
9. П у ц и л е в а Л. Ф. Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов и фитонимов (На фоне итальянского языка): Автореф. дис... канд. филол. наук. СПб., 2009. 18 с.
10. Т а р л а н о в З. К. Герои и эпическая география былин и «Калевалы». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 244 с.

YUKIYOSHI INOUE

Master Head of the department, professor The department of
Russian language Faculty of foreign studies, Jochi (Sophia)
University (Tokyo, Japan)
ino-yu@gw5.u-netsurf.ne.jp

ВИД ГЛАГОЛА И ВРЕМЕННЫЕ ПРЕДЛОГИ «В» И «НА»

В статье сопоставляются признаки действия, выраженного совершенным и несовершенным видом глагола, со значениями временных предлогов «в» и «на». Анализ значения совершенного вида и предлога «в» показывает общее представление об «ограниченности» и «сомкнутости» действия, а также времени, а значение несовершенного вида и предлога «на» характеризуется отсутствием такого представления.

Ключевые слова: вид глагола, временные предлоги «в» и «на», сомкнутость и полусомкнутость действия и времени

Д. Э. Розенталь, сопоставляя употребление предлогов «в» и «на» в локативном значении, отмечает, что «употребление предлога “в” в пространственном значении связано с представлением об ограниченном пространстве, при отсутствии этого значения употребляется предлог “на”. Ср.: *машины стояли во дворе* (окруженное забором или домами пространство) – *дети играли на дворе* (вне дома; ср. *на дворе сегодня холодно*)» [5; 288]. Это может относиться и к предлогам «в» и «на» во временном значении. Например, словосочетание «в детстве» связано с представлением об ограниченном периоде времени до отрочества, то есть о сомкнутом времени, а «на закате», обозначающее время захода солнца за линию горизонта, может представляться как линейная протяженность, не связанная с ограниченностью и сомкнутостью времени.

Кроме того, представление об ограниченности в пространстве и во времени даже может быть связано с признаками «ограниченности», «предельности», «целостности» действия, выраженного глаголом совершенного вида (СВ), а представление об отсутствии этого значения – с отсутствием таких признаков действия, выраженного глаголом несовершенного вида (НСВ). В качестве единого инвариантного значения СВ предлагались законченность, предельность, результативность, точечность, целостность и пр. А. В. Бондарко сблизил признак целостности с признаком ограниченности действия пределом, объединяя их в единство – «ограниченное пределом целостное действие» [1; 103]. Понятие «целостности» включает указание на начало, середину и конец действия. Но, как отмечает М. Я. Гловинская, «сомнительна применимость этого понятия к непарным начинательным глаголам типа *запеть, засуетиться* и пр.» [2; 12]. А. В. Исаченко считает, что «совершенный вид представляет процесс как целостное, сомкнутое событие. Несовершенный вид лишен этого добавочного значения» [3; 136]. Мы считаем, что действие, выраженное начинательными глагола-

ми типа *запеть, засуетиться* и пр., может быть определено как «полусомкнутое», имеющее только одну точку сомкнутости, то есть только начало действия, на котором сосредоточено внимание говорящего. Ниже мы рассмотрим признаки действия, выраженные СВ и НСВ, с точки зрения «сомкнутости», «полусомкнутости» и «несомкнутости», а затем значение временных предлогов «в» и «на». При рассмотрении признаков действия мы условно обозначаем начало и конец действия – точками, незавершенный конец – пустым кружком, а несомкнутое действие – линией по аспектуальным ситуациям.

1. Состояние либо процессность действия

- а) Он *спал*. ————— НСВ
б) Он *долго работал*. ————— НСВ

Предложения а) и б) обозначают состояние либо процессность действия соответственно. Оба варианта характеризуются несомкнутостью действия. Под несомкнутостью действия понимается такая ситуация, когда внимание говорящего не сосредоточено ни на начале действия, ни на его конце.

2. Повторяющееся действие либо единичное действие

- а) *Раньше он обычно обедал в столовой*. ————— НСВ
б) *Вчера он пообедал в столовой*. ● СВ
в) Он *посещал музей несколько раз*. ————— НСВ
г) Он *посетил музей несколько раз*. ●●●● СВ

НСВ предложений а) и в) обозначает повторяющееся и несомкнутое действие. Предложение б) показывает единичное, целостное и сомкнутое действие. СВ предложения г) подчеркивает каждое целостное, сомкнутое и в то же время повторяющееся действие, которое вызывает у слушателя представление о действии с наглядно-примерным значением.

3. Развитие действия либо достижение его предела

- а) *Рабочие строили здание*. —————○ НСВ

б) Рабочие *построили* здание. ●——● СВ

Предложение а) обозначает действие, развивающееся по направлению к своему внутреннему пределу (завершению). Оно представляет собой несомкнутое действие, так как внимание говорящего не обращено на начало действия и в то же время его внимание еще не начинает сосредоточиваться на точке завершенности, что отмечено пустым кружком. А предложение б) обозначает достижение этого предела, то есть завершенное и сомкнутое действие, имеющее две точки – и начала, и завершенности.

4. Общефактическое значение действия

4.1. Общефактическое результирующее значение

а) Зимний дворец *строил* Растрелли. —● НСВ
(«— имеетя в виду “построил”»)

4.2. Общефактическое двунаправленное значение

б) К тебе кто-то *приходил*. (= «пришел и ушел») ↔ НСВ

4.3. Общефактическое нерезультирующее значение

в) Я *умолял* ее вернуться. —○ НСВ

4.4. Общефактическое неопредельное значение

г) В детстве Маша *боялась* мышей. — НСВ

Все эти четыре предложения имеют общефактическое значение. Предложение а) имеет перевернутый порядок слов. В нем темой является «Зимний дворец строил», а ремой – «Растрелли». Речь идет о том, кто именно строил. В контексте или даже без контекста известно, что здание, в данном случае Зимний дворец, построили. Таким образом предложение а) обозначает полусомкнутое действие, внимание говорящего обращено только на точку завершенности.

Предложение б) выражает действие, результат которого был достигнут, но аннулирован противоположно направленным действием, обозначенным пустым кружком, то есть не осталось самого сомкнутого действия, на начале и на конце которого было сосредоточено внимание говорящего.

В предложении в) выражается несомкнутое действие, обозначенное пустым кружком.

Предложение г) обозначает несомкнутое неопредельное действие, которое подчеркивает сам факт и не связано ни с процессностью, ни с повторностью.

Когда НСВ выражает процессность, как отмечает А. В. Исаченко, «говорящий находится как бы в потоке самого процесса» [3; 133]. А как показывают вышеприведенные предложения, в общефактическом значении говорящий сверху наблюдает за точкой завершенности и за самим фактом наличия действия. Это показывает эффективность обозначения действия точками, пустыми кружками и линиями.

5. Мгновенность действия

Порох *вспыхнул*. ●——● СВ

Предложение показывает мгновенное, точечное и сомкнутое действие, имеющее начало и конец без середины.

6. Целостность действия

Старик *прожил* долгую трудную жизнь. ●——● СВ

Предложение обозначает целостное и сомкнутое действие с двумя точками сомкнутости, то есть с началом и концом.

7. Начинательное действие

Он *закричал*. ●——● СВ

Предложение обозначает начинательное и полусомкнутое действие, имеющее только одну точку сомкнутости начала, на котором сосредоточено внимание говорящего.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что действие, обозначаемое СВ, является либо сомкнутым, с двумя точками сомкнутости, то есть началом и концом, либо полусомкнутым, с одной точкой, то есть началом или концом. А вообще НСВ отличается несомкнутостью действия, кроме общефактического значения, характеризующегося наблюдением сверху за точкой завершенности и за самим фактом наличия действия.

В современном русском языке временные предлоги «в» и «на» обозначают определенное время как момент действия в сочетании с винительным либо предложным падежом. При этом предлог «в» сочетается с определением и винительным падежом временных единиц имени существительного, выражающего продолжительность не более дня. Например, «в тот день», «в пять часов», «в эту минуту», «в ту секунду», «в этот момент», «в этот миг». С другой стороны, предлог «в» сочетается с предложным падежом имени существительного, которое обозначает продолжительность не менее месяца, например, «в марте», «в этом году», «в двадцать первом веке», «в третьем тысячелетии» и прочее. И между временными единицами «день» и «месяц» лежит «неделя», которая в предложном падеже сочетается с предлогом «на» для обозначения, по выражению Т. П. Ломтева, «неопределенного времени, являющегося моментом внутри определенного времени» [4; 334].

Существительные в винительном падеже, употребляемые с предлогом «в», такие как «в этот момент», «в эту минуту», «в тот день», связаны с представлением о точечном, целостном и сомкнутом времени как о моменте. На наш взгляд, с таким представлением может ассоциироваться мгновенное, точечное и сомкнутое действие, выраженное СВ. Например, «Порох *вспыхнул*». С другой стороны, существительные в предложном падеже с предлогом «в», такие как «в этом месяце», «в этом году», «в двадцать первом веке», «в третьем тысячелетии», могут быть связаны с представлением о целостности времени, внутри которого обозначается неопре-

деленное время как момент. Как нам кажется, с таким представлением может ассоциироваться целостное и сомкнутое действие, условно обозначенное отрезком, ограниченным двумя точками, то есть с началом и с концом: «*Старик прожил долгую трудную жизнь*». А фраза «на этой неделе» связана с представлением о линейной протяженности, о несомкнутом времени, в котором, как правило, внимание говорящего не сосредоточено на начале недели и на ее конце. С фразой «на этой неделе» ассоциируется несомкнутое действие, которое выражается НСВ и при котором внимание говорящего не сосредоточено на начале действия и на точке завершенности действия. Например, «*Он спал*».

Из вышеизложенного напрашивается вывод о том, что значение СВ и временного предлога «в» показывает общее представление об «ограниченности» и «сомкнутости» действия, а также времени. В то же время для НСВ и предлога «на», как правило, свойственно отсутствие такого представления, кроме общефактического значения действия, характеризующегося наблюдением сверху за точкой завершенности и за самим фактом наличия действия. Все это подтверждает выдвинутую нами идею сопоставления признаков действия, выраженных СВ и НСВ, со значением временных предлогов «в» и «на».

С точки зрения исторической грамматики русского языка, отмечает Е. И. Янович, «про-

стые бесприставочные глаголы в связи с недостаточной их дифференцированностью в видовом отношении, характерной для языка памятников XI–XII веков, имели синкретическую форму настоящего-будущего времени, значение которой зависело от контекста» [6; 121].

На недостаточную дифференцированность предлогов в древнерусском языке указывает Т. П. Ломтев: «...для обозначения места осуществления действия или пребывания предмета употреблялись две конструкции: “*на* плюс местный падеж” и “*в* плюс местный падеж”. Той строгой дифференциации между этими конструкциями, какая существует в настоящее время, в древности еще не было. <...> Также в древнерусском языке для обозначения неопределенного времени, являющегося моментом внутри определенного времени, употреблялись 4 предложные конструкции, т. е. “*на* плюс винительный падеж”, “*на* плюс местный падеж”, “*в* плюс местный падеж”, а также “*в* плюс винительный падеж”, например: “на весну”, “на придущемъ вѣць”, “в дне”, “въ осень”» [4; 333–339].

Из вышеизложенного можно сделать предположение, что в истории русского языка дифференциация временных предлогов «в» и «на» происходила параллельно с видовой дифференциацией глаголов в зависимости от соотношения наличия значений ограниченности и сомкнутости или же их отсутствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
2. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
3. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1960. Ч. II.
4. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
5. Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994.
6. Янович Е. И. Историческая грамматика русского языка. Минск, 1986.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НИЛА СОРСКОГО: СОБОРНИК

В Сборник Нила Сорского вошли жития известных святых Древнего Востока. Переписывая эти жития, Нил пользовался не только более древними славянскими текстами, но и своими знаниями, обретенными во время его паломничества на Восток. Редакторский метод Нила опирается на его вдумчивое отношение к написанному и стремление создать понятный его современникам текст.

Ключевые слова: Нил Сорский, Сборник, метод, житие, замена, текст

Несмотря на то что значимость творчества Нила Сорского для русской истории, литературы, не говоря уже об истории Русской церкви, никогда ни у кого не вызывала сомнения, его отдельные произведения мало исследованы как с точки зрения их литературной формы, так и языка, а что касается всего литературного наследия Нила, то оно и вовсе никогда не изучалось в полном объеме как единый корпус творений древнерусского книжника¹.

Впервые список произведений Нила был составлен А. С. Архангельским [1]. В работах М. С. Боровковой-Майковой [2], [3], [4], Я. С. Лурье [9], [10], [11], Ф. Лилиенфельд [8], [21], Д. Островского [23] этот список значительно усовершенствовался: из него были удалены произведения, ошибочно приписанные Нилу, внесены исправления и уточнения. В течение XX столетия к литературным трудам Нила Сорского было причислено более двух десятков работ, но убедительно установлено его авторство только для следующих произведений: *Предание*, *Устав*, три *Послания*: к Вассиану Патрикееву, к Гурию Тушину и к Герману Подольному, *Предисловие* и *Послеловие* к Соборнику (СНС), *Завещание*, *Молтва*.

*Устав*² и *Предание*³ считаются основными произведениями Нила. Они многократно издавались⁴, неоднократно переводились на другие языки⁵ и упоминаются практически во всех публикациях, где речь идет о Ниле Сорском⁶. Однако вплоть до 60-х годов XX века история текста этих двух основных произведений Нила оставалась невыясненной [11; 300]. И только в 1962 году в работе Ф. Лилиенфельд было убедительно доказано, что «так называемый “Устав”... вообще не является монастырским уставом для Нилова монастыря, а трактатом о монашеской жизни, который всякие монахи должны были читать и усваивать... “11 глав” не ограничиваются упорядочением жизни Нилова скита, но имеют целью дать принципиальный ответ на вопросы монашеской жизни, как их понимал Нил. <...> “Предание учеником своим” Нила – это настоящий монастырский устав, типикон игумена. Здесь Нил утверждает порядок жизни в своей

пустыни и заботится о нем, имея в виду времена, когда его уже не будет» [8; 91–92].

Сам Нил строго следовал правилам, изложенным в Предании. В Послании к Гурию Тушину он писал: «Свяжи себе законы божественных Писаний и послѣдуй тѣмъ. <...> Аз же убо не творю что безъ свѣдѣтельства божественныхъ Писаниі. <...> От себе же не смѣю творити» [15; 236]. Из правил, изложенных в Предании по «свѣдѣтельству божественныхъ Писаниі», Нил не делал исключения ни для себя, ни для кого другого. Так, когда его самый близкий ученик Иннокентий Охлябинин пришел к убеждению, что жить в кельях монахи должны по двое или по трое, чтобы у отшельника не было «единоборства съ бесы», Нил с этим не согласился и отправил Иннокентия основывать свою Спасо-Преображенскую Комельскую обитель. В его же ските и в скитах его последователей, как в России XVII века, так и в других странах, осталось неизменным правило проживать инокам в кельях по одному.

Составленная Нилом *Молтва* носит покаянный характер, содержание ее заимствовано из молитв перед причащением, и, поскольку в ней говорится о телесной слабости и об ожидании смерти, правдоподобно, что написал ее Нил незадолго до смерти [13; 138].

В *Завещании* Нил просит «повергнуть» тело его «в пустыни, да изъядятъ е зверие и птица, понеже съгрешило есть... много и недостойно есть погребения». Если же «господа и братиа, яже суть моего нрава», к которым он обращается, этого не сделают, то пусть они, пишет он, «ископавше ров, на месте, идеже живем, с всяким бесчестиемъ» погребут его [13; 138].

В *Завещании* Нил просит после смерти вернуть библиотечные книги в монастырь: «Псалтырь в четверть Игнатъева письма – в Кирилов монастырь – и прочие книги и вещи Кириллова монастыря». Эта просьба является прямым свидетельством того, что до самой смерти Нил пользовался книгами из богатейшей библиотеки Кириллова монастыря, которые ему были одинаково необходимы как для «испытания боже-

ственных Писаний», так и для составления СНС, дошедшего до нас в автографе преподобного. Предисловие и Послесловие к СНС Нил написал сам, а жития, им собранные, отредактированные и расположенные в соответствии с календарем, как он сам говорит в Предисловии, «писахъ же съ разныхъ списковъ, ꙗкоже въбрани правая» [13; 37].

Несмотря на широкую известность имени Нила Сорского, этот его фундаментальный труд, дошедший до нас в автографе, вплоть до 2000 года не издавался и специально не изучался [6]. В СНС вошли известные жития святых, это не авторские произведения Нила, однако они заслуживают не меньшего внимания со стороны исследователей идеологии Нила, чем его авторские работы, поскольку, создавая этот уникальный агиографический свод, Нил строго следовал своей идеологической концепции, изложенной в его авторских сочинениях. О том, что все сказанное и написанное Нилом, соответствует его убеждениям, говорит он сам в *Послании* к Герману Подольному: «И ты что слышал от меня или написанным видел, если угодно тебе, подражай этому» [14; 243].

СНС никогда не был за пределами исследовательских интересов, но обращались к нему только фрагментарно, в поисках отдельных примеров в подтверждение той или иной черты мировоззрения Нила. Так, в работах историков XIX – начала XX века примеры из СНС использовались в подтверждение «критицизма» Нила, его «принципа свободного критического исследования церковных источников» [1], [2], [5].

Первым с такой трактовкой «критицизма», основанной на примерах из СНС, не согласился К. В. Покровский. В реферате «К литературной деятельности Нила Сорского», отметив наличие совпадений между пропусками в СНС и в Великих Минеях Четиих митрополита Макария (ВМЧ), К. В. Покровский пришел к выводу, что «критицизм» Нила носит чисто текстуальный характер. И только три пропуска могли представлять интерес с точки зрения идеологии: 1) пропуск в житии Кириака места о желании святого устроить «общежитие», 2) пропуск известия о подвижничестве и посте Илариона Великого и 3) пропуск известия о получении Саввой Освященной 1000 золотых на содержание монастыря, но сам К. В. Покровский не придавал значения этим пропускам и считал их случайными. Однако его оппоненты увидели в этих лакунах доказательство «критицизма» Нила. Возражая Покровскому, Ф. Е. Корш заявил, что «пропуски и особенно пропуск о посте очень характерны для Нила: они свидетельствуют о его критицизме» [12; 32–34].

Я. С. Лурье, пересмотрев результаты К. В. Покровского, полностью согласился с выводами последнего о случайном характере трех указанных

пропусков. Кроме того, Я. С. Лурье отметил, что если бы Нил делал пропуски сознательно, то он был бы в этом последователен. «Между тем, обращаясь к тексту других житий и даже к другим местам тех самых житий, где встречаются отмеченные Покровским пропуски, мы находим там в полной неприкосновенности упоминания и о общежительстве, и о посте, и о получении святыми денег от благотворителей. Большинство греческих святых, которым посвящены переписанные Нилом и его учениками жития, были монахами общежительных монастырей; обстоятельство это нисколько не замалчивается в житиях, среди которых одно даже озаглавлено “Житие преподобного отца нашего Феодосия общим житиам начяльника”. <...> Таким образом, житийные сборники, связанные с Нилом Сорским, не могут служить доказательством его “критицизма”. Самый факт тщательной работы Нила над житийными списками, несомненно, заслуживает внимания: Нил не был простым “списателем” житий, и подбор им тех или иных житий (и тех или иных переводов житий) имел, очевидно, определенное значение для его мировоззрения» [11; 329–330].

Свои выводы Я. С. Лурье подтвердил не только примерами, взятыми из тех же житий, что были использованы К. В. Покровским. Обращаясь к тексту жития Николы Студита в СНС, ВМЧ и в греческом источнике, исследователь пришел к выводу, что наиболее точно греческий источник передан в СНС, где «странноприимный дом монастыря» (ταύτης καταγωγίω) передается словосочетанием «монастырское место», а не «монастырское село», как в ВМЧ. По мнению Я. С. Лурье, вслед за А. С. Архангельским, Нил не привлекал греческие источники, но в его распоряжении были более исправные славянские переводы, поэтому для изучения СНС особенно важно привлечение более ранних славянских источников [11; 330]. Я. С. Лурье, безусловно, прав в том, что для изучения СНС совершенно необходимо привлечение более ранних славянских источников, но в случае с примером замены «монастырское село» на «монастырское место» более ранний источник ясности не вносит, поскольку в более раннем списке, который был в распоряжении Нила, КБ 15/1254, в этом примере используется словосочетание «монастырское село», а не «монастырское место». Если бы Нил обратился к греческому оригиналу, то он заменил бы «монастырское село» на словосочетание, соответствующее греческому ταύτης καταγωγίω⁷ «странноприимный дом монастыря». Монастырские странноприимницы были в монастырях Древнего Востока, о таковых идет речь и в житиях из СНС: Афанасия Афонского, Феодота Студита и Саввы Освященного [6].

В списках славянских переводов житий, предшествующих СНС, а также в их копиях грече-

ское словосочетание ταύτης καταγωγή передаётся как «странноприимница» или «монастырское село», а греческое τὸ εὐρον «монастырские владения вообще» повсеместно переводятся словосочетанием «монастырское село».

В СНС словосочетание «монастырское село» заменено на «монастырское место» не только в житии Николы Студита, но и в ряде других. Всего в СНС 54 словосочетания с прилагательным «монастырский», но ни в одном из них это прилагательное не согласуется с существительным «село». И объяснение этому факту нужно искать не в критицизме Нила, не в его обращении к греческому оригиналу или к более исправному переводу, а в методе работы Нила над текстом, сформулированном им самим: «согласно разуму своему».

Нил Сорский был не только на Афоне и в Царьграде, но и в Палестине, где вполне мог познакомиться с жизнью знаменитых общежительных монастырей, основанных святыми, жития которых вошли в СНС. По географическим причинам эти монастыри никогда не владели землями и крестьянами [17; 520], поэтому там не было и быть не могло реалии, соответствующей русскому словосочетанию «монастырское село». Так что только «согласно разуму своему» в СНС Нил заменил все словосочетания «монастырское село», присутствующие в более ранних славянских источниках, на «монастырское место».

Несомненная заслуга Я. С. Лурье в том, что он первым увидел в Ниле Сорском не рядового копииста, а идеолога и указал на возможную связь агиографического труда сорского книжника с его мировоззрением. Как и К. В. Покровский, Я. С. Лурье исследовал не все жития СНС, а только выборочно сравнил несколько житий с ВМЧ, не привлекая при этом более ранние списки. В задачи Я. С. Лурье не входило изучение всего СНС, поскольку во время написания указанной работы СНС еще не был атрибутирован

Нилу Сорскому, в результате чего Я. С. Лурье полагал, например, что одна из частей СНС, ТСЛ 684, была написана Нилом Полевым. Позднее СНС занялась Е. В. Романенко [15], но в ее работе тоже были исследованы не все жития, а всего 11, то есть меньше половины.

В СНС входит 24 жития преподобных. Здесь нет ни одного мученика. Жития расположены по месяцам, но не на весь год, а только на 11 месяцев. Житий на август нет⁸. В настоящее время фрагменты СНС в автографе Нила находятся в составе нескольких рукописных сборников: РГБ: ТСЛ 684, Влк 630, МДА 207; ГЛМ РОФ 8354; РГАДА, ф. 1192, оп. 2, 564⁹.

Изучение СНС в полном составе, а не фрагментов, сопоставление вошедших в него житий с наиболее ранними списками позволяют сделать вывод о том, что метод, предпринятый Нилом в осуществлении его редакторской деятельности заключается в следующем: 1. Замена слов: а) *мних* и *пастух* (и производных от них) на *инок* и *пастырь*; б) устаревших слов на современные; в) слов с размытой семантикой, допускающих многозначность в толковании, на слова, семантически более «прозрачные»; г) калек с греческого на слова славянского происхождения; д) замена слов в свободных словосочетаниях на устойчивые из поучений Отцов церкви. 2. Семантически мотивированный выбор определенной буквы в написании одного и того же слова: **азыкъ** 'орган тела' – **языкъ** 'народ, средство общения'. 3. Написание слов **богъ**, **царь**, **царьспвбъщій** и подобных с титлом или без него в зависимости от принадлежности этих слов в актуальном контексте к категории «свой – чужой» или употребления их в значении «злой». 4. «Выравнивание» синтаксиса в соответствии с требованиями современного Нилу языка. 5. Удаление неоправданных повторов, нагромождения малоинформативного повествования. 6. Расширение текста с целью уточнения важной информации [7].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нил Сорский был писателем Средневековья, времени, когда понятия о принадлежности литературного произведения и собственно авторстве имели несколько иной смысл, чем спустя пять с лишним веков, в начале XXI века. Понятие литературного наследия средневекового автора включает в себя не только его авторские, но и другие переписанные им произведения, что вполне осознавалось писателем и соответственно воспринималось читателем. Так что вполне закономерно под литературным наследием сорского книжника подразумевать не только его авторские произведения, но и переписанные им, дошедшие в его автографе.

² В рукописной традиции: *От писаний святых отец о мысленномъ длани: что ради нужно сие и како подобает тцатися о сем.*

³ В рукописной традиции его заглавие несколько варьируется: *О жительстве святых отец сие предание старца Нила Пустынника учеником своим, и всем прикладно имети сие; О жительстве скитском от святых писаний; Сие предание старца Нила Пустынника учеником своим, абие кто в пустыни его живет, таже и прочим пустынником всем прикладно имети сие о жительстве святых отец* и т. п.

⁴ Перечень изданий XIX века представлен в работе М. С. Боровковой-Майковой [4; I–III]. Современное издание представлено в работе Г. М. Прохорова [11; 82–201].

⁵ Издания в переводе на другие языки [17], [18], [19], [20], [22].

⁶ См., например, исчерпывающую библиографию о Ниле Сорском в работе Д. Гольдфранка [19; 281–323].

⁷ *Patrologia graeca*, CV, стлб. 908–909.

⁸ Утверждение Е. В. Романенко, что СНС «включает в себя повести и страдания мучеников» [15; 64], неверно, точно так же, как и ее утверждение о том, что это четырнадцать на весь год.

⁹ В настоящее время СНС и словоуказатель к нему изданы [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский А. С. Нил Сорский и Васснан Патрикеев: Их литературные труды и идеи в древней Руси. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский. СПб., 1881 (Памятники Древней Письменности. Т. 16).
2. Боровкова-Майкова М. С. Великий старец Нил, пустынный Сорский // РФВ. 1910. Т. 64. № 3–4. С. 62–78.
3. Боровкова-Майкова М. С. К литературной деятельности Нила Сорского. СПб., 1911 (Памятники Древней Письменности и Искусства. Т. 177).
4. Боровкова-Майкова М. С. Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912 (Памятники Древней Письменности и Искусства. Т. 179).
5. Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. 1881. Кн. 1. С. 25–76.
6. Лённгрен Т. П. Соборник Нила Сорского. Ч. I. М., 2000; Ч. II. М., 2002; Ч. III. М., 2004. Указатель слов. Ч. I и II. М., 2005.
7. Лённгрен Т. П. «Вольное переложение» Жития Феодора Студита // Poljarnyj Vestnik (Tromsø) 14, 2011. С. 1–13.
8. Лилиенфелт Ф. В. О литературном жанре сочинений Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 80–98.
9. Лурье Я. С. К вопросу об идеологии Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 182–213.
10. Лурье Я. С. Заметки к истории публицистической литературы конца XV – первой половины XVI в. 2. Мнимые послания Нила Сорского Паисию Ярославову // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 460–463.
11. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960.
12. Покровский К. В. К литературной деятельности Нила Сорского // Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1911. Т. 5. Протоколы. С. 32–34.
13. Прохоров Г. М. Нил Сорский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 133–141.
14. Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. СПб., 2005.
15. Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003.
16. Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории Псковского монашества. М., 1908.
17. Enzo V. Nil Sorskij. Vita e Scritti. Torino, 1988.
18. Goldfrank D. Nil Sorsky. The Authentic Writings // Cistercian Studies 221. Milwaukee, 2008.
19. Izwolsky H. 'St Nilus Sorsky', in A Treasury of Russian Spirituality. N. Y., 1948.
20. Jacamon OSB S. Saint Nil Sorsky (1433–1508). La Vie. Les écrits. Le skite d'un starets de Trans-Volga. Spiritualité et vie monastique 32. Bégrolles-en-Mauges, 1980.
21. Liliénfeld F. V. Nil Sorsky und seine Schriften. Die Krise der Tradition im Russland Ivans III. Berlin, 1963.
22. Maloney G. A. Russian Hesychasm: The Spirituality of Nil Sorsky. Paris, 1973.
23. Ostrowski D. A Loving Silence and Avoiding Pleasant Conversations. The Political Views of Nil Sorskii // Harvard Ukrainian Studies 19, 1995. P. 476–496.

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА КУЗНЕЦОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры методики начального образования психолого-педагогического факультета, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева (Чебоксары, Российская Федерация)
 irinak47@yandex.ru

АДАМ И ЕВА В УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЯХ СЛАВЯН

Рассматриваются динамика и функционирование славянских устойчивых сравнений с библейскими персонажами Адамом и Евой; в некоторых случаях предлагаются этимологические комментарии.

Ключевые слова: фразеология, славянские устойчивые сравнения, функционирование, динамические процессы, этимология

Во фразеологии христиан разных конфессий немало единиц, восходящих к Священному Писанию и библейским сказаниям. Связь одних фразеологизмов с Книгой книг бесспорна и сомнений не вызывает. «Другие же не являются собственно библеизмами, они не связаны непосредственно с библейскими сюжетами, а лишь обнаруживают библейские реминисценции» [18; 23]. Но именно в них наиболее ярко проявляется национальное своеобразие, именно «эти единицы показывают радиус действия Библии, глубину ее проникновения в ткань языка и мышления данного этноса, иллюстрируют его отношение к миру прошлого и настоящего» [20; 69–70].

Библейские фразеологизмы делят на цитатные, имплицитные, эксплицитные и псевдобиблеизмы, которые не имеют прямых связей с сюжетами Ветхого и Нового Заветов (они типичны для народной речи и часто ироничны). Вопрос об отнесении единиц двух последних групп к библейской фразеологии спорен, однако «в единицах такого рода содержатся “национальные вариации на библейскую тему”, и с познавательной, культурной точки зрения исключить их из корпуса библеизмов нельзя» [19; 143]. При стабильности основного корпуса библейской фразеологии наблюдается и постоянная его динамика: одни единицы устаревают, другие формально или (и) семантически изменяются, появляются и неологизмы. Проследить эти изменения позволяет фразеография, но она не всегда успевает отразить все происходящее в сфере фразеологии, поэтому в наши дни неопределимы возможности, которые дают для исследований и корректировки статуса отдельных единиц Национальный корпус русского языка и Интернет.

Фразеологизмы на базе библейского не раз были объектом внимания лингвистов. Не исключение и обороты с компонентом *Адам*; их сопоставительному анализу посвящена отдельная работа [12], но в ней основное внимание уделено выражениям некомпаративного типа и паремиям; фразеологизмов со структурой сравнения единицы. Сравнения в языке и речи выражаются по-разному (морфологически и синтаксически);

мы ограничимся описанием оборотов с компонентами *Адам* и *Ева* союзного типа.

Из-за разного понимания объекта библейской фразеологии существует несколько дефиниций библейских фразеологизмов. Мы относим к ним обороты, «деривационно связанные с Ветхим и Новым Заветом или апокрифическими (неканоническими) христианскими текстами» [10; 190], так как семантика части единиц восходит к христианским легендам или фольклору на библейские сюжеты. Так, «не собственно библейские, а апокрифические представления об Адаме как о великане» [9; 50] отражают брянск. *раздуться* (*опухнуть, оплыть, распухнуть*) как *адамы* ‘очень раздуться (о пьяницах)’; донск. *как у Адама голова* 1) ‘очень большая голова’; 2) ‘очень сообразительный и умный (о человеке)’.

Библейские сказания о человечестве открываются историей Адама и Евы, которые, живя в раю, были наги, но не стыдились своей обнаженности, пока, соблазненные змеем-искусителем, не отведали с дерева познания добра и зла: «И оба были наги, Адам и жена его, и не стыдились» (Быт. 2: 25). По данным Национального корпуса русского языка, в русских текстах компаративизм *наг* (*нагой*) как *Адам* встречается с конца XVIII века¹ (но это не означает, что оборот не употреблялся ранее – в языке древней и старшей поры); в XX веке появляются лексические варианты с прилагательным *голый*². Сравнения с именем праматери человечества встречаются обычно в описательной форме или со стилистически более «высоким» причастием; употребляются и сравнения с именами обоих родоначальников людей³. В сравнениях может варьироваться союз и вводиться компонент-буквализатор⁴.

Коннотации с обнаженностью первых людей – наиболее активные семантические характеристики прародителей человечества; «по частотности употребления и количеству производных эта сема, пожалуй, – наиболее продуктивна как в славянских, так и других европейских языках» [12; 21]. Поэтому в основании сравнения часто нет прилагательного⁵. Эллипсис возможен потому, что сравнение не находится в прямой зави-

симости от детального ознакомления с текстом Библии.

Адам – синоним голого, обнаженного человека во многих языках, поэтому болгарский лексикограф С. Влахов выделяет это слово как самостоятельное, сопровождая его дефиницией «голый человек; часто как сравнение» [4; 16]. Компаративизмы со значением ‘совсем без одежды, абсолютно голый’ носят шутливо-экспрессивный характер и зафиксированы в славянских и неславянских языках⁶. В русском языке обороты *голые как Адам и Ева*; *гол (голый, нагой) как Адам* встречаются в научных публикациях [1; 88, 148], [11; 39], но, несмотря на частотность употребления, не включены в специализированные словари русских образных устойчивых сравнений [14], [15] и словари библеизмов [7], [13]; фиксации появились не так давно в материалах историко-этимологического словаря русской фразеологии [2; 17] с отсылками на источники [11; 39], [12; 21–22] и в двуязычном словаре [23; 12]. В Болгарии сравнение появилось совсем недавно: *голи като Адам и Ева* (www.rouge-bg.com); *На Робинзонов остров – сам, там – пред колибата от слама, аз ходя гол като Адам и в мислите си с теб сме двама!* /На робинзоновом острове – один, там – перед шалашом из соломы, я хожу голый как Адам и в моих мыслях с тобой мы вдвоем!/ (Киреев Й. Блян. 2010); *голи като Адам [и Ева] в Рая* (www.rouge-bg.com).

В отличие от однозначного прилагательного *нагой*, слово *голый* многозначно, и это используют авторы текстов, изменяя семантику языкового сравнения или привнося в него дополнительный оттенок значения. Так, в контексте: *Отними у человека ложь – и он почувствует себя голым, как Адам в театральном фойе* (Гуцко Д. Осенний человек. 2001) окказиональный фразеологизм реализует отличающееся от узуального прототипа значение ‘чувствовать себя неловко, стесненно, не так, как всегда; чувствовать себя незащищенным’. Здесь налицо контекстная актуализация одного из переносных значений полисемантического слова, при котором оно не теряет своего общеязыкового смысла, но само сравнение приобретает не закрепленную языковым узусом семантику. Значение ‘предельно откровенный, такой, как есть’ реализуется в названии сборника «В своих стихах я голый как Адам» (Елютин В. М. 2007) и строках: *Самим собою, голым, как первозданный Адам, как ребенок, голым входящий в мир, предстает человек в известном стихотворении испанского поэта Хуана Рамона Хименеса* (С. Круглов. Одинок ли человек перед лицом смерти? // Нескучный сад. 2008–2011. effafa.ru). Эта семантика не нова: *Здесь исповедью я хочу очистить душу: При случае хочу – и с позволения дам Я обнажить себя, как праотец Адам* (Вяземский П. А. Литературная исповедь: «Сознаться должен я, что наши хрестоматы...» 1854).

У слова *голый* есть и значение ‘лишенный чего-л.; бедный’. Поэтому на базе первичной семантики у компаративизма *гол как Адам* является вторичное значение ‘не иметь никакого имущества’: рус. *У меня ведь даже паспорта нет. Ничего нет. Гол как Адам* (Волков А. Ликвидаторы. 2001); укр. «*Ми давно живемо, як у раю*». – «*Що, усе є?*» – «*Та ні, як Адам та Єва голі й босі!*» (<http://www.pravda.com.ua/>). Для восточных славян эта семантика фразеологически инновационна. В лемковских говорах восточной Словакии и некоторых западнославянских языках она закреплена узусом и зафиксирована словарями: лемк. *зустати як Адам* [3; 18]; чеш. *nahý jako Adam* [22; 31]; польск. *goły jak Adam* [21; 25]. Значение оборота связано, скорее всего, с темой изгнания Господом грешной четы из рая, где прародители человечества жили в полном достатке и в безопасности, без забот и хлопот – ср. с шутливыми паремиями: печор. *Хозяин в дому [как] Адам в раю*; якут. *[Наш] хозяин в дому [как] Адам во яру* ‘о спокойной, блаженной и обеспеченной жизни настоящего хозяина у себя дома’⁹. У чеш. *nahá jako Eva* сформировалась вторичная семантика ‘иметь небогатый, бедный гардероб (о женщине)’ [22; 98]. Следовательно, можно отметить развитие новых значений у уже существующих сравнений.

До грехопадения первые люди были целомудренно-чисты и бесхитростно-доверчивы, что обыгрывается в текстах: рус. *И мы снова простодушны, невинны, как Адам и Ева* (Замятин Е. И. Мы. 1920); *...а рядом с агрессивным, темпераментным Дон Жуаном – Козаковым Сганарель – Каневский простодушен, как Адам, и мягкостью своей постоянно готов сгладить все острые углы...* (Мягкова И. Умереть от себя. 1990–2000); укр. *як Адам та Єва в раю* (theses.cz/id/3h4zrx/52693-642356668); *Селяни в ті часи Були ще невинні як Адам і Єва в раю, і брали мої подарунки охоче* (Винниченко В. К. Хома Прядка. 1916); чеш. *...tehdy byl ještě nevinný jako Adam v ráji* (Vlček J. Kapitoly zo slovenskej literatúry. XIV. «Slávy dcerá» z r. 1824).

Устойчивые сравнения: рус. *жить (быть, чувствовать себя) как Адам [и Ева] в раю*⁷; бел. *жыць як Адам у раю (rai)*; укр. *жити як Адам у раю*; чеш. *žít si jako Adam v ráji*; польск. *żyć [tak szczęśliwie] (czuć się) jak Adam w raju*; кашуб. *zëc jak Jadam w raju; dobrze jak Jadatowi w raju* ‘жить в свое удовольствие, хорошо, обеспеченно’ – количественные варианты известных многим языкам фразеологизмов *жить (быть, чувствовать себя, хорошо) как в раю*. Иногда в текстах акцент делается не на условиях жизни в Эдеме прародителя человечества, а на ее образе – спокойной, чуждой тревоги, ничем не тревожимой, не омрачаемой (Раскрой глаза: *впервые мы живем, спокойные и безмятежные, словно Адам до грехопадения* (Шаров

В. Воскрешение Лазаря. 1997–2002)), или на существовании мужчины в одиночестве: *Ты один господин В своем тереме, Как Адам в раю, Похаживаешь...* (Щербина Н. Ф. Кручина доброго молодца: «Приглянулся раз Ясным звездочкам...» 1842); укр. *От лягти б на дикім пляжі, як Адам один, без Єви, І забувшись, наслухати, як осінь спить Париж* (Олійник Б. І. Урок)⁸. Контаминацию значений обнаруживает рус. *жить как библейский Адам в раю* ‘о беззаботной, обеспеченной, счастливой жизни холостяка, одинокого мужчины’ [8; 303]. Творец, понимая, что не следует человеку быть одному, создал разных представителей фауны и предоставил Адаму право дать им имена, «и нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Быт. 2: 18–20). Эти строфы мотивировали оборот *давать имена вещам как Адам*, который вычленяется из текстов⁹.

С сюжетом о запретном плоде с древа познания добра и зла связаны УС: словц. *zahladel sa ako Eva do jablka* /заглядеться как Ева на яблоко/; чеш. *[být] zvědavá (zvědavý) jako Eva*; польск. *ciekawa jak pierwsza Ewa* ‘быть очень любопытным’. По библейскому преданию, именно любопытство побудило первую женщину отвесть запретный плод (Быт. 3: 1–6). Мотив соблазнения широко обыгрывается в литературе. Это относится и к теме изгнания первых грешников из рая, с которой связано словц. *utekat’ ako Adam z raja* ‘очень быстро убежать, уносить ноги’. К этому сюжету восходит, видимо, и зафиксированное в южной Хорватии сравнение *proći kao Adam* ‘попасть в безвыходное положение, потерпеть неудачу’. Отведав запретный плод и осознав вследствие этого свою наготу, «скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая» (Быт. 3: 7–8), откуда в.-луж. *so chować kaž Jěwa za kerkom* /прятаться как Ева за кустом/ ‘прятаться, избегать показываться на людях’. Близкие по образности обороты содержат строки: рус. *Шевелит трубленную кистью, червяками робкими пятью, тянется к горячему питью, и, как Ева, прячется за листьями* (Нарбут В. И. Совесть: «Жизнь моя, как летопись, загублена...» 1919); укр. *Сам по-собі це як Адам, Зховавсь в куці, зховавсь від Бога* (Коритченко С. Сам по-собі. 2005). Но у восточных славян выражение не стало устойчивым, что объясняется принципом произвольной избирательности, «когда данная библейская ситуация отобразилась в виде фразеологической единицы в одном языке и не закрепились в другом» [5; 732]. Ср. также словц. *parobeni jag Adam* ‘очень уставший (от работы)’, которое можно мотивировать словами Творца, адресованными первому человеку при изгнании из сада Эдемского: «В поте лица твоего будешь есть хлеб», то есть возделывая ту самую землю, из которой Адам был взят, «И выслав его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать

землю, из которой он взят» (Быт. 3: 19; 23), и контексты: рус. *...а собери их всех, голоштанников, да воз кутузок привези, да обделай их, чтобы они работали как мы, трудовики, как Адам, первый человек* (Пришвин М. М. Дневники. 1919); бел. *Бо яны працуюць, як Адам і Ева. Аруць зямлю і прадуць лён* (Загорскі А. і Каліноўскі К. «Рыцары свабоды і сумлення». 2009). Перифрастические наименования Адама и Евы встречаются достаточно часто: чеш. *stajně jako první lidé v ráji uvěřili lži hada...*, но словарную «прописку» компаративизм получил лишь в болгарском языке: *държа се (говоря, пиша и др.) като първия човек* ‘вести себя (говорить, писать и пр.) некультурно, грубовато, неграмотно’. В польском языке зафиксировано сравнение *jak na Jadama pań* /как на Адама на него/ ‘обвинять кого-л. во всем плохом, валить все на кого-л.’ – ср. с окказиональным русским оборотом: *А провалиться в мир, где земля уже вся занята первым Адамом, ходить по земле безземельным, отверженным, дважды проклятым и как Адам, и как убийца брата Каин...* (Пришвин М. М. Дневники. 1925).

С древностью, к которой восходит генеалогия Адама, связан оборот рус. *как при Адаме*: *...все одно продолжают бить, как и при Адаме и Еве-с, да и никогда того не перестанут-с...* (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. 1880); чеш. *tají to tam jako za Adama* со значением ‘так, как прежде; по-старому, без изменений’. Помор. *детей как у Адама* ‘о множестве детей у кого-л.’ отражает представления об Адаме как о прародителе рода человеческого – ср. со строками Библии: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт. 1: 28).

Немалую роль в адаптации имен библейских образов «играет и языковая шутка, которая переклюкает библейский ономастический прототип в иные, порою совершенно неожиданные регистры» [12; 24]. Так, в укр. *тремтить [увесь] як Адам*; польск. *drze jak Adam* вторичная семантика ‘сильно дрожать от холода’ развивается на базе первичного значения фразеологизма *в костюме Адама*.

Рус. *лыс как Адамова голова* восходит к значению оборота *Адамова голова* ‘мертвая голова, т. е. человеческий череп’ [6; 13] и по сути является вариантом оборота *лыс как череп*: *Делает предложение, чтобы я за него вышла... а с ним-то какая радость? Сед как лунь, стар как гриб и тыс как Адамова голова* (Лесков Н. Синодальный философ. 1863); *Покойный князь Федор Сергеевич Курятев в свете прозывался Адамовой головой, ибо с ранней молодости своей был он, как Йориков череп, лысый* (Садовской Б. А. Лебединые клики. 1911). Выражение *Адамова голова* имеет также семантику ‘о лысом человеке’ [16; 125]. Словц. *je ako Adamovo rebro* ‘очень худой’ мотивировано народным названием растения *горичник* (его длинные острые листья напоминают дугообразную узкую реберную

кость), которое известно и восточным славянам: рус. *адамово ребро*; укр. *адамове ребро*.

Иногда авторы применяют такой прием, как нарушение предметно-логической дистрибуции – приложение фразеологизма к необычному для него объекту, «переадресовке» его предметной отнесенности [1; 127], применяя денотативно относящиеся к людям значение к неодушевленным предметам: *И осень та была полна Словами жгучего напева, Как плодоносная жена, Как прародительница Ева* (Гумилев Н. С. «Осенней неги поцелуй...» 1905); *Бревно, как и Адам до грехопадения, – невинны, честны, позитивны* (Розанов В. В. На лекции о Достоевском. 1909); *Был день безгрешен, как Адам, Который шлялся по садам, Но яблока не пробовал* (Разлацкий А. Баллада о дне и ночи – bards.ru>archives/part.php?id=3840); *Да-да, именно вера, нелицемерная, бесприкрасная, голая, как первозданный Адам, и абсолютно нелицеприятная* (Капинос С. Пенуэл Алексея Саломатина (Финна). Поэзия для Христа. www.poems4christ.com/ru/article/4602).

Наиболее частотна в сравнениях корреляция *Адам – рай*, при окказиональном употреблении она актуализирует разные значения¹⁰. В сравнениях с именем первого человека частотен и временной компонент: рус. *Он был рожден Девой и нес в себе обе природы (как и Адам до грехопадения), чтобы соединить в себе то, что в нас разделено* (Булгаков С. Н. Свет не вечерний.

1916); *Прикройте этого парня чем-нибудь. А то что он тут валяется голый как Адам до грехопадения* (Покой А. Б. Шифр Микеланджело); *Как Адам и Ева до искушения, до яблочка* (Волков А. Ликвидаторы // «Звезда». 2001); *Родил он скрипнул зубами, валяясь лицом вниз, голый, как Адам в первый день сотворения* (Бушков А. Стервятник. 2006); чеш. *žít jako Adam a Eva v ráji před pádem; Nizozemští nudisté mohli přijít na bohoslužbu jako Adam a Eva před prozřením v ráji* (promuze.blesk.cz/.../nudiste-prisli-o-nahotu-v-koste.html). Вводимые в состав сравнения буквализаторы частично деметафоризируют оборот, и фразеологический образ начинает восприниматься буквально: рус. *наг jako прародитель Адам; Летом ходят так, как хаживал праотец наш Адам, а зимою покрыты лохмотьями вместо кафтана и брюхо голое наружи* (Фонвизин Д. И. К родным. 1784-1785); укр. *Ti tak překрасna, як твоя праматір Єва* (stihy.in.ua/avtor.php?autor=455068pоеm=75797).

Рассмотренные процессы присущи фразеологии вообще. Окказиональное преобразование языковых компаративизмов имеет потенциал различной степени активности и служит прагматическим целям, актуальным в конкретной речевой ситуации. Межъязыковое сопоставление выявило безэквивалентные устойчивые сравнения, небольшое количество полных и неполных структурно-семантических тождеств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Набор начался в ноябре, и я принужден был, брося всякое бумажное дело, чрез целые два месяца заниматься одним осмотром нескольких тысяч душ, кои, как Адамы в раю, проходили мимо глаз моих ежедневно с утра до вечера наги и босы (Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни. Ч. 4. 1799–1806 / 1788–1822); *Он являлся на московских улицах, и в летний зной и в зимнюю стужу, нагишем «как Адам первозданный»* (Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. 2: XV–XVI столетия. 1862–1875); *И еще для того, чтобы попасть в эти чертоги, меня осмотрели в санпропускнике нагого, как Адама...* (Катанян В. Лоскутное одеяло. 1943–1999). Примеры иллюстрируют количественное и лексико-грамматическое (замена одной части речи другой) варьирование оборота.

² *А я сказала, что меня зовут Ева, потому что он был голый как Адам* (к/ф «Адам женится на Еве». 1980); – *Так заметьте, на руках вишу! <...> За балконом. Голый, как Адам* (Скрипаль С., Рытченко Г. Контингент. Шурави. 1985).

³ *Вы знаете, что наша дева Была одета в эту ночь, По обстоятельствам, точь-в-точь Как наша прабабушка Ева* (Пушкин А. С. Руслан и Людмила. Варианты издания 1820 г.); *...в ночных локалах, где женщины совсем обнажены, как Евы...* (Пильняк Б. А. Третья столица. 1922). *Упал последний, и вот она – обнаженная как Ева, величаво идет к ложу любви* (РИА Новости. 03.10.2007). *Упал последний, и вот она – обнаженная как Ева, величаво идет к ложу любви* (РИА Новости. 03.10.2007); *На широком диване конспиративной квартиры в самой нежелательной позе застыли голые, как Адам и Ева, старший политрук Кац и сержант Зоя К. – походно-полевая жена капитана Телятьева* (Севела Э. Мона Цацкес – знаменосец. 1977); укр. *голі й (та) босі як біблійні Адам та Єва* (<http://www.pravda.com.ua/>).

⁴ Рус. – *Голым? – ужаснулся Лас. – Без штанов? – Конечно. Аки Адам ветхозаветный, безгрешный до вкушения плодов с древа познания!* (Лукияненко С. Пророк и сумрак. 2011); укр. *...в відчинених дверях з'явився Андрій, немов Адам на брамі раю, вигонений з того раю архангелом. Всі були здивовані, бо такого ще, далебі, не траплялося в їхній практиці, щоб голісінького чоловіка водили десь цілісний день* (Багрянний І. Сад гетсиманський. 1948–1950).

⁵ *...если он будет отдавать всякому кунаку ту свою вещь, которую кунак этот похвалит, то ему скоро придется ходить, как Адаму...* (Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат. 1896); *Вышел мужик, пронзительный глаз, такой сурьезный, черная борода. Долго глядел: «Ты, говорит, божий человек, шо ж в одной коже блукаешь, как Адам? Дэ ж тоби Ева?»* (Серафимович А. С. Бригадир. 1938); *Да как ты его позовешь, ежели он как Адам, прости господи...; Они уже с утра знают, что дедушка Никич снова запил, продал свое платье... и лежит в своей палатке, «как Адам», по выражению Лины* (Осеева В. Динка. 1959); *...как замечательно купаться без всего... они – как Адам и Ева до грехопадения...* (Шкловский Е. Медовый месяц. 1990–1996); словц. *Scéna bola sice pripravená veľmi citlivo, aby pred divákmi neprobehoval úplne ako Adam v ráji* / Сцена была подготовлена очень деликатно, чтобы перед зрителями он не бежал совсем как Адам в раю! (Báječná žena. Bratislava: Spoločnosť plus, 2010, č. 08); чеш. *A uživali si vzdušných lázní, oděni v prosteradla, v nichž chodili jako Adam v ráji* (www.rodocapsa.cz/hruboskalskepesinky/.../0211.htm).

⁶ Укр. як Адам [i Єва]; голі як Адам i Єва у раю; чеш. *být [nahý] jako Adam; nahý jako Adam; jako Adam a Eva; [být] nahý jako Eva; nazí jako Adam s Evú v ráji* (www.husistoi.cz/n-a18php); *nahý jako Adam v ráji* (www.itsuki.cz/8107310451110/2131);

- слвц. *byť [nahý] ako Adam; ako Adam a Eva; byť [nahí] ako Adam a Eva*; диал. *holi jag Adam*; нем. *nackt wie Adam*; фр. *nu comme Adam*.
- ⁷ *Истинно, как Адам в раю, живу!* Истинно, князь во князьях (Бунин И. А. Князь во князьях. 1912); *Сразу начинает казаться, что ты здесь уже когда-то жил, как Адам и Ева в раю, а тебя безжалостно изгнали* (Бакушинская О. Русские идут. Но не туда // Комсомольская правда, 12.03.2004).
- ⁸ Ср. с близким чеш. *svobodný jako Adam v ráji: Zatímco jeden z nejsledovanějších popových zpěváků touží po tom být svobodný jako Adam v ráji, svoji Evu patrně v Los Angeles nenajde* /Пока один из наиболее популярных рок-певцов мечтает о том, чтобы быть свободным, как Адам в раю, свою Еву он, наверное, в Лос-Анджелесе не найдет/ (solarnavigator.net > music/robbi_williams.htm).
- ⁹ Рус. *Мы должны, как первозданный Адам, дать имена вещам* (Белый А. Эмблематика смысла. 1909); *Он, как Адам, дает вещам свои имена* (Ключевский В. О. Записи 1911); *И, как Адамы, всем виденьям, Всем звукам, всем лучам миров Мы ищем, с нежным умиленьем, Непобедимо-верных слов* (Брюсов В. Я. «День красочный, день яркопестрый...» 07.05.1913); ...и он (Уитмен. – И. К.), *как новый Адам, стал давать имена вещам*, дал образец первобытной, номенклатурной поэзии, под стать самому Гомеру (Мандельштам О. Э. О природе слова. 1921–1922); *А наводопильные грибы – это грибы, которые долго пили воду, и глубоко понимание этого процесса запечатлелось в Вовкином языке. Вовка как Адам. Называет вещи вокруг, дает им имена* (Панюшкин В. Тетеринское (1997) // «Столица». 18.03.1997); слвц. *...ty len nazývaš menami to, čo je, ako Adam v ráji*; чеш. *...ty jenom nazýváš jmény to, co jest, jako Adam v ráji* (Čapek K. Hordubal. Povětř. Obvyčejný život. 1933–1934).
- ¹⁰ Рус. *Вновь, как Адам в раю, неведомым и новым Весь мир увижу И буду заклинать простым и вещим словом Все тайны бытия!* (Брюсов В. Я. Сеятель: «Я сеятеля труд, упорно и сурово...» 1907); слвц. *Krepuch začínal ako Adam v ráji. Takmer od nuly* ‘начинать с самого начала, с нуля’ (A. Brázda. Nedokončené pokolenie. 1999); чеш. *se vždy spolu rádi, jako Adam s Evou v ráji* /постоянно советовать друг с другом, как Адам с Евою в раю/; *Přemýšlím jestli bych zachoval jako Adam v ráji a utřhl ji* /Я размышлял о том, поступил ли бы я так, как Адам в раю, и сорвал ее/ (www.panoramio.com/photo/55772415); польск. *akuratny jak Adam w Raju* ‘аккуратный, пунктуальный’ (Surdykowski J. Wiolonczelista. http://czytelnia.onet.pl/0,1325712,6,do_czitania.html).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бетехтина Е. Н. Фразеологизмы с библейскими именами. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 172 с.
- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
- Вархол Н., Івченко А. Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини. Словацьке педагогічне видавництво в Братіславі, відділ української літератури в Пряшеві, 1990. 160 с.
- Ивахов Л. А. Слово Библии и библейские выражения в народных говорах // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции. Вып. 6: Лексика и фразеология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 49–51.
- Івченко А. Біблійна фразеологія верхньолужицкої мови // Питання сорабістики. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 1999. С. 190–196.
- Кузнецова И. В. Украинские устойчивые сравнения с библейскими персонажами // Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Секция исторической лексикологии и лексикографии. Влияние Библии на литературные языки. СПб., 2001. Вып. 17. С. 39–43.
- Мокиенко В. М. Адам в славянских языках // Число. Язык. Текст: Сб. статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна. Минск: Белгосуниверситет, 1998. С. 14–28.
- Мокиенко В. М., Лилич Г. А., Трофимкина О. И. Толковый словарь библейских выражений и слов. М.: АСТ: Астрель, 2010. 639 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА МедиаГрупп», 2008. 800 с.
- Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 800 с.
- Родионова И. В. Дериваты библейских антропонимов в народной языковой традиции // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 121–144.
- Савельева О. А. Плач Адама в «Молении» Даниила Заточника // Локальные традиции в народной культуре русского Севера: Материалы IV науч. конф. «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск, 2003. С. 373–375.
- Трофимкина О. И. Экспрессивные сербские и хорватские выражения, соотносимые с текстом Библии // Материалы XXXII международной филологической конференции. Вып. 27: Влияние Библии на литературные языки. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. С. 23–27.
- Chlebda W. Библия в языке – язык в Библии // Frazeologia a religia. Tezy referatów międzynarodowego sympozjum naukowego. Opole, 4–6 wrzesnia 1996. Opole: Wydawnictwo PRO, 1996. S. 142–143.
- Chlebda W. Библия в языке – язык в Библии // Problemy frazeologii europejskiej. II. Warszawa: Energeia, 1997. S. 67–74.
- Komornicka A. M. Słownik zwrotów i aluzji biblijnych. Łódź: Archidiecezjalne Wydawnictwo Łódzkie, 1994. 299 s.
- Słownik české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání. Praha: Academia, 1983. 496 s.
- Stěpanova L. Rusko-český frazeologický slovník. Vydala Univerzita Palackého v Olomouci, 2007. 878 s.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА КУНДОЗЕРОВА
аспирант, стажер-исследователь сектора литературы и фольклора, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
maria.vlasova@mail.ru

БОЛЬШОЙ ДУБ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИРОВОГО ДРЕВА В КАРЕЛЬСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

В статье рассматриваются субстанции, из которых произрастает большой дуб, символизирующий в карельских эпических песнях мировое древо.

Ключевые слова: карельские эпические песни, большой дуб, происхождение мирового древа

Характерный для карельских рун и заклинаний мотив произрастания огромного дуба до небес является отголоском повсеместно известного мифа о мировом древе, символизирующем ось Вселенной.

Целью данной статьи является рассмотрение предпосылок возникновения мирового древа в карельских эпических песнях, что в отечественной и финляндской фольклористике предпринимается впервые. К работе привлечены 68 вариантов рун и 120 вариантов заклинаний. Источниковой базой исследования являются тексты, опубликованные в собраниях рун SKVR т. I, II, VII [18], KKR I [16], КФНЭ [5], КЭП [6].

Большой дуб, выросший от земли до неба, ветвями подперший небосвод, преградивший путь облакам и затмивший сияние солнца и луны, согласно исследуемым текстам, может вырасти из разных субстанций. Сгруппируем их в две рубрики.

I. *Субстанции, олицетворяющие природные стихии: землю (трава, дерево, его часть), огонь, воду, воздух (ветер).*

1. *Листок любовный.* По одной из версий, большой дуб вырастает из любовного листка. Севернокарельская руна на сюжет «Четыре девы и любовный листок» повествует о том, как четыре девы / три невесты либо лирический герой / героиня, отправившись на косьбу / уборку сена (осоки, тростника), находят любовный листок:

Löyettih hyö lemмен lehti,	Нашли они листок любовный,
Lemмен lehti,	Листок любовный,
tammen lastu.	дубовую щепку.
(SKVR I2 1227: 5–6) ¹	(Здесь и далее перевод наш.)

Листок любовный / дубовую щепку сажают (относят) в плодородную землю, и там вырастает красивый зеленый дуб.

Согласно словарю карельского языка, lemменlehti (любовный листок) – это лист (веника), приносящий счастье в магическом обряде поднятия *лемби* [17; 59]. В карельском фольклоре, особенно в магической практике карелов, lempi, lembi («любовь») имеет значение, близкое к понятиям «привлекательность», «обаяние», «девичья

честь», «славитность» и т. п. [12; 53], [13; 207]. По уточняющему добавлению к одному из примеров в словаре карельского языка, lemменlehti – это счастливый листик, найденный в хвойном дереве [17; 59]. Финляндский ученый Франсила выдвинул версию, что в некоторых случаях «любовным листком» подменяется понятие «счастливый листик» (onnenlehti) [12; 427]. В народных поверьях счастливым листиком считается четырехлистник клевера. Найденный случайно, он является символом невероятной удачи и благополучия. Любовный листок также упоминается в качестве целебного средства в заклинаниях от кровотечения, порожденного железом, при ожогах, коликах, болезни от земли (например, SKVR II 325: 73–74). Любовным листком награждается рунопевец либо сказочник в конце повествования, что более характерно для сказки:

Kullan leht'i kuulijalla,	Золотой листок – слушающему,
Lemмен leht'i laulajalla.	Любовный листок – поющему.
(SKVR I3 1512: 64–65)	

В свете вышеприведенных примеров отметим, что любовный листок является вместилищем славитности, животворной силы, благополучия.

2. *Дубовая щепка (листочек).* Дубовая щепка в текстах обычно является синонимом любовного листка. В одном варианте более поздней записи синонимом дубовой щепки в параллельном стихе выступает дубовый листик (KKR I 155: 3–4).

Мотив произрастания большого дуба из щепки встречается также в эстонских рунах, где дуб произрастает из щепок, унесенных в море [14; 240].

В текстах руны-сказки выявлен мотив произрастания дуба из березовой щепки. Так, колдунья (Syväinterin eukko) превращает женщину в овечку. Из первой капли крови убитой овечки вырастает береза, а из первой щепки срубленной березы дуб (SKVR VII2 1457). Таким образом, в образе дуба есть антропоморфные (женщина), зооморфные (овечка) и фитоморфные (дуб) элементы.

Образ щепки известен в мировом фольклоре. В египетской мифологии в «Сказке о двух братьях» неверная жена Баты зачала, проглотив случайно щепку [11; 422]. Широко распростра-

нен мотив превращения щепки, ветки или куска коры, упавших или брошенных в воду, в рыб и водных животных [2]. Согласно Франсила, щепка является универсальным магическим талисманом [14; 414], и в данном сюжете она пришла на место необычного для нашего края предмета – желудя [14; 356, 426].

3. *Желудь / семя*. В привлеченных к исследованию карельских текстах желудь встречается лишь единожды, где он отождествляется с любовным листком (SKVR I4 557: 1–2). В эстонских же и главным образом ингерманландских рунах мотив вырастания большого дуба из желудя является наиболее употребимым. В данном контексте желудь осмысливается как семя, зерно. В приладожском варианте руны, основанной на контаминации с сюжетом о засеивании земли Сампой Пеллервойнен, дуб вырастает из семени (SKVR VII4 2665).

По словам В. Я. Проппа, зерно обладает свойством надолго сохранять и вновь воссоздавать жизнь, умножая ее. Семя – растение – семя составляют извечный кругооборот, который свидетельствует о нескончаемости жизни [10; 26]. Вырастание дерева мира из желудя / семени знаменует собой вечный круговорот жизни на земле, поэтому дуб карельских рун имеет признаки дерева жизни. Магический любовный листок, дубовый листик, щепка, желудь, семя являются частью растения, дерева и тем самым представляют одну из стихий мироздания – землю.

4. *Зола / щёлок*. Мотив произрастания дуба из золы характерен в основном для заклинаний. Тексты содержат рассказ о том, как четыре девы / три героя / братья-сестры либо лирический герой косят сено на лугу, собирают в стога, приходит Лаппалайни, либо из Лаппи прилетает птица (редко) или ветер, и сжигает сено. Ветер уносит золу на простор ясного моря либо на склон горы и др., там вырастает дуб (иногда сначала остров, а на нем – дуб).

По представлениям некоторых народов, брошенная в небо зола есть Млечный Путь [2]. В греческой мифологии из золы испепеленных Зевсом титанов происходят люди [8; 332]. В карельском эпосе, например, из золы сожженного червя (хтонического существа) вырастает лен (SKVR I4 270).

Огненная стихия, участвующая в создании золы, обычно представлена простым упоминанием огня, в котором сгорает сено. Обращает на себя внимание образ огненной птицы из Лаппи, сжигающей сено. Такой персонифицированный образ огня встретился лишь дважды в исследуемых текстах:

Sill' on silmät siiven alla, У него (орла. – М. К.) глаза под
крыльями,

Näkymöt kynän nenässä, Гляделки на кончиках перьев,
Kita kieron lämpiö, Пасть жаром пышет,
Nöyhenet tull'in palao. Перья огнем горят.

(SKVR I4 812: 8–11)

Итак, зола представляет собой соединение трех стихий – *земли* (в данном случае – сено), *огня* и *воздуха* (ветра). А щёлок (раствор древесной золы в воде) символизирует объединение всех четырех стихий – *воды*, *земли* (сено), *огня* и *воздуха* (ветра) – сразу. Ветер участвует в зарождении дуба также в несколько иной ипостаси. В приладожской традиции встречаются варианты рун, где ветер толкает сено, скошенное девами, в огонь (SKVR VII4 2652, 2642, 2677 и др.). В некоторых вариантах ветер сам отождествляется с огнем: испепеляет сено, после чего уносит золу на место предполагаемого произрастания дуба (например, SKVR VII4 2659: 12–13).

5. *Искра*. В заклинательном тексте встречается мотив произрастания дуба из искры, вылетевшей из костра (SKVR I4 878: 1–2).

Искра символизирует одну из стихий мироздания – огонь, который обладает очищающей и целительной силой. Франсила считает, что мотив падения искры заимствован из заклинания против огня [14; 389], согласно которому огонь рождается из искры, упавшей с неба.

В текстах также встречаются указания на то, что дуб вырастает непосредственно из огня (SKVR VII4 2679), что перекликается с его природой: иногда в рунах дуб характеризуется как огненный.

6. *Вода / волны*. Мотив вырастания дуба из водной стихии представлен несколькими приладожскими и южнокарельскими вариантами рун. Дуб вырастает на круговороте трех морей (SKVR II 872: 13), у водопада (SKVR VII4 2702: 7), на реке (SKVR VII5 № 4169: 4). Все это – эквиваленты первозданного океана. Произрастание гигантского дерева посреди или у подножия мировых вод (maailmanvirta tahi sen ääri), по мнению Тойвонена, является одним из самых архаичных компонентов мифа о древе жизни [19; 20]. Вода – первоначало, исходное состояние всего сущего – выступает как аналог материнского лона и чрева [1; 240], из которого происходит мировое дерево.

При рождении большого дуба обнаруживается союз воды и ветра: ветер три года и все семь лет вспенивает два моря, мутит волну, и там вырастает стройный дуб (SKVR VII4 2668: 1–5).

II. *Субстанции, являющиеся средоточием жизненной силы*.

7. *Зубчик гребешка / волос*. Мотив произрастания дуба из зубчика / волоса характерен для заклинаний. В текстах черная дева на краю огненного порога расчесывает волосы, из гребешка выпадает зубчик / из головы – волос (например, SKVR I4 836: 5–7). Дуб вырастает в месте падения зубчика / волоса либо на земле, поляне плодородной / море, куда эту субстанцию относят.

Во многих мифах и сказках лес вырастает из гребешка (иногда из волос или цепочки), который убегающий герой бросает позади себя, чтобы задержать преследователей [3; 50]. В нашем случае дерево как часть лесного массива вырастает из зубчика, то есть фрагмента гребешка.

В текстах есть указания на то, что гребешок медный (SKVR I4 846), состоит из рыбьих костей (SKVR I4 809). В редких вариантах дуб вырастает из зубчика гребешка, который Лемпо (в поздней традиции: леший, черт) перекидывает через плечо (например, SKVR I4 849).

В исследуемых текстах рун зубчик гребешка отождествляется с волосом. Во многих космогонических мифах исходным материалом, из которого возникает лес как часть мироздания или земли, служат волосы убитого чудовища или другого мифического существа. Например, в скандинавской мифологии лес был создан из волос первого великана – Имира [9; 510]. Сходные мотивы возникновения леса имеются также в индийской, китайской, ацтекской и других мифологиях.

В древних представлениях многих народов сохранились верования, по которым волосы обладают большой магической силой. С волосами связано большое количество поверий и табу. Наличие запретов в отношении волос свидетельствует о том, что волосы понимались как средоточие жизни, как источник жизненных сил человека [15; 46]. Согласно концепции Н. А. Криничной, волосы не только являются вместилищем души либо магической силы, но служат и средоточием силы физической. А обрезание волос осмысливается не только как утрата магической, но и физической силы [7; 150].

8. *Слеза*. Мотив вырастания дуба из слезы в исследовании представлен лишь тремя вариантами рун. В севернокарельском тексте встречаем контаминацию с сюжетом о трагической гибели девушки Анни, которая вешается в амбаре после встречи в лесу с Осмотар². Перед смертью девушка плачет, слеза катится на землю «клуб-

ничкой», и там вырастает дуб (SKVR II 216). В приладожском варианте девушка тклет золотую / серебряную ткань, нить обрывается, девушка плачет. Из слезы сначала образуется ламбина, а в ней вырастает дуб (SKVR VIII 249).

В заклинательном тексте плачущая дева поднимается из лощины / лужайки, ее слеза «круглее, чем яйцо рябчика, холоднее ягод клюквы, легче, чем яйцо дрозда», катится «к ногам матушки-земли», и там вырастает дуб (SKVR I4 855).

Слезы в народных представлениях осмысливаются как вместилище жизненной силы, в нашем случае – как плодоносная, животворящая субстанция. Сходные мотивы обнаруживаются, например, в духовном стихе о Голубиной книге, согласно которому из слез Пресвятой Богородицы, пролитых ею в скорби по распятому Христу, возникает мифическая плакун-трава [4; 291]. Произрастая из слезы либо из источника, который образовали слезы героини, мировое древо аккумулирует в себе животворящую энергию этих слез, что соотносится с его ролью прародителя всей растительности, всего живого мира во Вселенной.

Итак, мы рассмотрели субстанции, из которых произрастает большой дуб карельских эпических песен. С одной стороны, это воплощение природных стихий, с другой – средоточие жизненной силы. Большой дуб приобретает свойства волшебного, чудотворного древа, дарящего вечную любовь и счастье. Дуб знаменует собой вечный круговорот жизни на земле. Являясь средоточием жизненной силы, он сочетает в себе признаки мирового древа и древа жизни и символизирует объединение фундаментальных стихий мироздания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и в дальнейшем при цитировании Suomen Kansan Vanhat Runot (SKVR) римской цифрой указывается номер тома, арабской цифрой – номер книги тома, далее следует номер текста и номер стиха.

² В данном сюжете персонаж, сватающийся к девушке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Вода // Мифы народов мира: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980–1982. Т. 1. С. 240.
2. Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>
3. Иванов В. В. Лес // Мифы народов мира: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980–1982. Т. 2. С. 49–50.
4. Калеки перехоже: Сб. стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861. Вып. 2. № 80.
5. Карело-финский народный эпос: В 2 кн. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994.
6. Карельские эпические песни. Л., 1950. 526 с.
7. Криничная Н. А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л.: Наука, 1988. 192 с.
8. Лосев А. Ф. Греческая мифология // Мифы народов мира: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980–1982. Т. 1. С. 321–335.
9. Мелетинский Е. М. Имир // Мифы народов мира: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980–1982. Т. 1. С. 510.
10. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). СПб.: Терра – Азбука, 1995. 176 с.
11. Рубинштейн Р. И. Египетская мифология // Мифы народов мира: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980–1982. Т. 1. С. 420–427.
12. Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность. Л., 1977. 237 с.
13. Толковый словарь языка карельских причитаний / А. С. Степанова. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с.
14. Franssila K. A. Kansanrunouden tutkimuksia. I. Iso tammi liitteineen. Helsinki, 1900. 480 s.
15. Härmäläinen A. Ihmisruumiin substanssi suomalais-ugrialaisten kansojen taikuudessa / SUST XLVII. Helsinki, 1920. 162 s.
16. Karjalan kansan runot. Kokoonpannut V. Jevsejev. Tallinn, 1976–1980. I–II.
17. Karjalan kielen sanakirja / Päätoim. P. Virtaranta; Osa 1–6. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1983. Osa 3.
18. Suomen Kansan Vanhat Runot. I–XIV. Helsinki, 1908–1948.
19. Toivonen Y. H. Ison tammen ongelma // SUSA LIII, 2. Helsinki, 1946–1947. S. 27–36.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА МАСЛИЕВАкандидат философских наук, доцент кафедры философии, Санкт-Петербургский академический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
*olgavamasl@yandex.ru***АНАТОЛИЙ ЭЗЕЛЕВИЧ НАЗИРОВ**доктор философских наук, профессор кафедры философии, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tola-50@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Рассматривается влияние языковой организации научного знания на его функционирование и развитие. Анализируется гипотеза лингвистической относительности и ее роль в исследовании языка науки. Прослеживается влияние языка на формирование теоретических понятий, обнаруживается эвристическая роль когнитивного и коммуникативного аспектов языка в построении и методологическом прогнозировании развития научного знания.

Ключевые слова: язык, наука, лингвистическая относительность, когнитология, понимание, рефлексия, научная терминология

Вопрос о языковых аспектах организации научного знания в настоящее время является важной методологической проблемой. Современная научная рациональность, выражающая процессы углубления и усложнения научного знания, тенденцию утраты им свойств наглядности, развитие интегративных и диалоговых отношений в науке, делает актуальным анализ языка как средства выражения знания. Целью настоящего исследования является анализ той модели взаимоотношения мышления и языка, которая лежит в основе языка современной науки и включает в себя рефлексии и понимание в познавательном и коммуникативном аспектах.

Поскольку язык является основным, но не единственным средством фиксации человеческого знания, вывод о том, что при отсутствии в языке тех или иных значений, представленных соответствующими морфемами, в сознании представителей языкового коллектива отсутствуют такие же абстракции, мыслительные категории, является ошибочным [12; 100]. Положения о том, что продуктивное мышление содержит, помимо языкового, и другие уровни и что вербализованное мышление сопровождается также и невербализованными мыслительными процессами [14; 5–47], [19; 34–86], приобретают все большую значимость в современных лингвистических исследованиях. Это находит отражение в исследованиях по типологии и функциональной грамматике языка, для которых характерен подход к содержательной стороне языка, и тем самым становится актуальным различение языкового и мыслительного содержания [8; 4].

Идеи языковой детерминации мыслительных процессов, включая и научное мышление, развивались в концепции лингвистической от-

носительности, сохранившей до настоящего времени статус гипотезы. Ее сущностью выступает утверждение о национальном характере не только формальной, но и внутренней, семантической стороны языка, детерминирующей мышление и мировоззрение носителей языка.

В основу концепции, получившей название гипотезы Сепира – Уорфа, легли мысли Э. Сепира о влиянии лингвистической формы на ориентацию человека в мире. Согласно Сепиру, «“реальный мир” в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы» [23; 74]. Б. Уорф, иллюстрируя идеи Сепира, сопоставлял языки североамериканских индейцев с некоторым средневропейским стандартом (SAE) и пришел к выводу об «относительности всех понятийных систем и их зависимости от языка» [20; 176].

Согласно неогумбольдтианцу Л. Вайсгерберу, каждый язык создает свой понятийный мир, который служит посредником между действительностью и человеком. Человек может ориентироваться лишь на мир, данный ему в «промежуточном» языковом сознании [24; 26].

В логизированном мире «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, в котором онтология представлена как спроецированная на мир логика высказываний, мир становится зависимым от символов и правил логического языка. Он пишет: «Границы моего языка означают границы моего мира» [5; 56].

Всеобщность мышления в постижении единых закономерностей действительности проявляется в том, что в процессе познания мира мысль повсюду развивается по существу одинаковым образом, независимо от языка, в котором фиксируются мыслительные формы. Это под-

тверждается анализом истории языкового выражения понятия причинности как существенного компонента научного объяснения и прогнозирования. Принцип причинности, тесно связанный с пониманием пространственно-временных отношений, в наибольшей мере подвергся модернизации в современной физике в связи с проблемой скрытых параметров в квантовой теории поля. В этом отношении интересно было обнаружить определенную «коэволюцию» причинных, пространственно-временных и других представлений, исследуя материал различных языков, принадлежащих к разным группам и семьям. Этот материал, указывая на общность содержания истоков категории причинности в мышлении разных народов и дальнейшую однотипную эволюцию содержания этого понятия, показывает выраженную в разных языках связь формирующегося понятия причинности с представлениями о пространстве, времени и цели [10; 16–38, 60–80].

Язык как важнейшее средство познания, фиксируя в значениях своих единиц результаты деятельности сознания и направляя познавательный процесс, не накладывает ограничения на развитие мышления: он развивается, гибко подстраивая и меняя свои формы для выражения нового мыслительного содержания. В научном познании это проявляется в формировании новой терминологии и ее введении в теоретическое познание, в выборе «языкового каркаса» для оформления научной картины мира.

Следует заметить, что недостаточность инвентаря одного языка по отношению к другому, связанная с особенностями категоризации, может быть частично компенсирована в речи, а также при переводе текстов посредством комбинаций различных языковых единиц и контекстного выявления значений. Сравнительный анализ переводов показывает возможность достаточно адекватной передачи содержания не только простого нарратива, но и высокохудожественного текста [22; 15].

Вместе с тем нельзя согласиться полностью с мнением о полной переводимости категорий с одного языка на другой (В. А. Звегинцев и др.). Пример анализа лексико-семантического поля категории причинности, играющей важнейшую роль в теоретическом познании, показывает смысловые расхождения, которые могут возникнуть при переводе [19; 112–114].

В настоящее время для проверки гипотезы Сепира – Уорфа может быть привлечена теоретическая и эмпирическая база проблемы перевода, который «предстает не только как посредник в межкультурном и межъязыковом обмене, но и как условие возможности любого познания в социальной и гуманитарной области» [1; 71]. Для выявления инвариантного содержания мышления и его культурно-исторических особенностей полезно обратить внимание на линг-

воэпистемологические аспекты теории культурно-исторических концептов (А. Вежбицка, Дж. Лакофф, Ю. С. Степанов и др.).

В. Гумбольдт, рассматривая языковой коммуникативный процесс, развивает мысль о подвижности и многозначности понятий, которая выступает следствием воздействия на получателя относительно стабильной информации, заключенной в языковых элементах, в частности в слове. Как в духе романтизма отмечает В. Гумбольдт, «слово... не несет в себе чего-то уже готового, подобно субстанции, и не служит оболочкой для законченного понятия, но просто побуждает слушающего образовывать понятие собственными силами, определяя лишь, как это сделать. Люди понимают друг друга... потому, что взаимно настраивают друг в друге одно и то же звено чувственных представлений и начатки внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы. Лишь в этих пределах, допускающих широкие расхождения, люди сходятся между собой в понимании одного и того же слова» [7; 165–166].

С позиций возникшей в последней трети XX века когнитологии суть коммуникации состоит в построении в когнитивной системе реципиента концептуальных конструкций, «моделей мира», которые определенным образом соотносятся с «моделями мира» говорящего, но не обязательно повторяют их. Вместе с тем язык рассматривается как эффективное средство введения в когнитивную систему реципиента концептуальных конструктов, часто помимо сознания получателя. Концепты функционируют внутри сформированной концептуальной схемы в режиме понимания – объяснения.

В процессе понимания постоянно происходят переходы от целого к части и от части к целому, для того чтобы «концентрическими кругами расширить единство понятого смысла» [6, 345] от предпонимания (чаще всего – нерелексивного мнения) к все более осознанному знанию. Теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля, дополняя герменевтику, дает возможность в процессе интерпретации учитывать не только дискурс, но и такие виды речевых актов, в которых выражаются вопрос, оценка, приказ, убеждение и т. п., что должно способствовать расширению горизонтов понимания.

Процесс понимания имеет свою специфику как в обыденном и теоретическом познании, так и в различных науках. Научное познание, в отличие от обыденного, использует термины – слова или словосочетания, обозначающие эмпирические или абстрактные объекты, значение которых уточняется в рамках научной теории. В качестве научных терминов могут быть использованы как слова и словосочетания естественного языка с измененной семантикой в

соответствии с контекстом исследовательских задач, так и специально созданные слова и выражения, а также знаки (символы) формализованных языков, в которых с максимальной полнотой реализуется требование к информационной однозначности термина. При этом, если гуманитарные науки нагружены словами и выражениями, фиксирующими ценностно ориентированные понятия («смысл жизни», «мотивы», «цели» и т. п.), допускающими возможность их различных интерпретаций, то логика, математика и точное естествознание, в которых основной познавательной целью является объяснение, организованы как однозначно истолковываемое знание с наиболее строгим терминологическим оформлением [11; 372–373].

Рассматривая развитие науки в широком социокультурном контексте, П. Фейерабенд пытается развить точку зрения Б. Уорфа, считающего, что время, скорость и материя несущественны для построения стройной картины мира, и утверждающего, что люди организуют природу в понятия и приписывают словам значения во многом потому, что согласны делать это именно таким образом. По Фейерабенду, из «принципа лингвистической относительности» следует вывод о том, что «существенно различные языки не только постулируют разные идеи для упорядочивания одних и тех же фактов, но постулируют также разные факты» [12; 448]. Согласно этому принципу, люди, пользующиеся заметно разными грамматиками, направляются ими к наблюдениям различных типов и к разным оценкам внешне сходных актов наблюдения, в связи с чем они не являются эквивалентными наблюдателями и должны приходить к различным представлениям о мире. Более строгая формулировка этого принципа содержит в себе новый элемент и говорит о том, что одни и те же физические свидетельства не приводят всех наблюдателей к одной и той же картине универсума, за исключением тех случаев, когда их лингвистические основания сходны или сравнимы. Это может означать «либо то, что наблюдатели, пользующиеся значительно различающимися языками, будут *постулировать разные факты* при одних и тех же физических обстоятельствах в одном и том же физическом мире, либо то, что они будут *одинаковые факты упорядочивать разными способами*» [21; 448–449]. При второй интерпретации опыт рассматривается как «единный резервуар фактов, который по-разному *классифицируется* различными языками» [21; 449]. Эта интерпретация находит дальнейшее подтверждение в описании Уорфом перехода от «*боязни пустоты*» к современной теории. Согласно Уорфу, использование предложения «природа боится пустоты» для объяснения того, почему вода поднимается в насосе, ранее воспринималось как согласующееся с логикой. Однако сегодня оно представляется лишь проявлением особенностей некоторой тер-

минологии. Уорф считает, что данное изменение не было вызвано открытием новых фактов, наука приняла новые лингвистические формулировки старых фактов, и теперь, когда ученые получили в свое распоряжение новые способы выражения, специфические черты старой терминологии больше не связывают их.

На отрицательное отношение к эвристической роли логики у таких постпозитивистов, как Т. Кун, П. Фейерабенд, С. Тулмин, Н. Хэнсон, повлиял ряд факторов, связанных с развитием языка науки, а именно: смена значения терминов при переходе от одной теории к другой, а также появление новых терминов, смысл которых недостаточно определен [13; 72–79].

Роль логики в исследовании языка науки широко освещена в отечественной философской литературе. При этом намечено такое новое направление, как рассмотрение характера и типологии «изменения научных терминов в ходе становления теории» [17; 6]. Оно стало возможным лишь после предварительного детального изучения функционирования компонентов готового, ставшего научного знания, вскрытия роли эмпирической и семантической интерпретаций математических структур физики и построения общих концепций формирования теорий.

Семантика языковой системы науки составляет правила приписывания значений и смысла языковым выражениям, указывая, «именами каких объектов являются данные термины» [18; 10]. Смысл выступает инвариантом синтаксиса языка и определяет логическую семантику терминов. Прагматика есть совокупность черт свойств языковой системы, зависящих от их различного употребления, от практических потребностей человека.

Языковой аппарат новой теории «переводится» с языка исходных элементов, и при этом между моделью теории и формирующими ее элементами устанавливается взаимозависимость. Перестраивающаяся модель старой теории по отношению к новой становится умозрительной комбинацией, реализующей интертеоретическую интерпретацию. Старые термины, получающие новое значение, становятся теоретическими, а не получающие – спекулятивными. Аналогично обстоит дело и у новых терминов, судьба которых зависит от уточнения их значения, то есть от семантической интерпретации. В этом смысле представляется пока что неопределенной судьба таких терминов современной физики, как «тахион», «глюон», «фридмон», «кварк», «гравитон», «супергравитация» и др.

Система аксиом и правил вывода теорем, интерпретированных на физической модели, будучи логикой для физической теории, выступает языком теории математической. Логика математической теории есть язык символической логики, что объясняет невозможность как полного сведения

математики к логике, так и полной формализации логической системы средствами этой системы. Стихийное осознание диалектики формы и содержания в исследованиях оснований математики проявилось, в частности, в развитии интуиционистской математики Л. Брауэра [16; 157–178].

Если будущей теории соответствует логика нечетких понятий и множеств, например концепция топосов, то ориентиром использования топосов может служить теорема Герока, утверждающая дополнительность логики и топологии. Эта теорема позволяет предложить методологический прогноз: «На начальных этапах построения теории мы жестко фиксируем логику и делаем переменной только топологию, после того же, как теория в основном построена, мы можем в определенных пунктах допустить и изменение логики» [2; 244]. С точки зрения данного прогноза существующая попытка объединения классической теории поля и современной теории элементарных частиц на основе синтеза супергравитации и теории кручений (преобразований, учитывающих кручение римановых многообразий) представляется достаточно тривиальной. Понятие «суперкалибровочные преобразования» логически интерпретируется в градуированной алгебре Ли и в унитарных группах бесконечномерных пространств Гильберта [3; 69–85].

Чисто логический прогноз новой теории, основанный на программе топосов, прежде всего сталкивается с такими трудностями, как ограниченность средств современной топологии рамками математического языка гомеоморфных преобразований. Однако введение понятия группы преобразований негомеоморфного типа, выполняющихся на некоторой топологической совокупности (множество топологически различных пространств), не укладывается в градуированные алгебры Ли. Решение этой проблемы лежит на стыке современной логики и топологии.

Спецификой математического языка является его наибольшая точность в системе научной терминологии. Ввиду большой абстрактности объектов математики (идеализированные объекты, представляющие собой абстракции от абстракций) в ней имеются «идеальные элементы» (Д. Гильберт), выступающие плодами работы с языком. Эти новые языковые конструкции могут увеличивать знание о конструктивных объектах.

Таким образом, методологический анализ языковых средств организации научного знания, основанный на модели взаимосвязи различных аспектов языка, позволяет не только произвести описание специфики языка науки, но и прогнозировать развитие языкового оформления научного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М., 2008. 704 с.
2. Акчурин И. А. Топологические структуры физики // Физическая теория: философско-методологический анализ. М., 1980. С. 226–245.
3. Бергман Петер Г. Единая теория поля: вчера, сегодня, завтра // Проблемы физики: классика и современность. М., 1982. С. 69–86.
4. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М., 2007. 207 с.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские исследования. М., 1994. С. 1–73.
6. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. 699 с.
7. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 37–298.
8. Климов Г. А. Принципы континентальной типологии. М., 1983. 224 с.
9. Маслиева О. В. Роль языковых средств в организации научного знания // Философия и академическая наука. Вып. 5. СПб., 2009. С. 371–373.
10. Маслиева О. В. Становление категории причинности (на материале истории языка). Л., 1980. 105 с.
11. Маслиева О. В. Языковой анализ в исследовании причинности // Детерминизм. Причинность. Организация. Л., 1977. С. 107–115.
12. Маслиева О. В., Насилов Д. М. К соотношению объективной действительности, логики и языка // Логика и язык. М., 1985. С. 96–101.
13. Мухаммедов А. Х. О языковой ситуации в современной физике // Логика и физика. Свердловск, 1975. С. 72–79.
14. Мышление: процесс, деятельность, общение. М., 1982. 287 с.
15. Назиров А. Э., Маслиева О. В., Жаворонков И. Н. Сравнительный анализ переводов поэтических символов произведения Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» // Поэтика Ницше. СПб., 2010. С. 114–143.
16. Панов М. И. Философские основания интуиционистской математики // Философские (методологические) семинары: Проблемы развития. М., 1983. С. 157–178.
17. Петров В. В. Семантика научных терминов. Новосибирск, 1982. 126 с.
18. Петров Ю. А. Математическая логика и материалистическая диалектика: Проблемы логико-философских оснований и обоснования теории. М., 1974. 191 с.
19. Тихомиров О. К. Психология мышления. М., 1984. 272 с.
20. Уорф Б. Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 169–182.
21. Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Избранные труды по методологии науки: Пер. с англ. и нем. М., 1986. С. 125–464.
22. Шадрин В. И. Методологические проблемы исследования процесса перевода // Университетское переводоведение. Вып. 9. Материалы IX междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения». 18–20 октября 2007 г. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 447–453.
23. Sapir E. Conceptual categories in primitive languages. Science, 1931. 578 p.
24. Weisgerber L. Das Gesetz der Sprache als Grundlage des Sprachstudiums. Heidelberg, 1951. 201 p.

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОПОВ

доктор экономических наук, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный ученый секретарь, Уральское отделение РАН (Екатеринбург, Российская Федерация)
popov@prtm.uran.ru

ТРАНСАКЦИОННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Исследуются достижения институциональной экономической теории. Рассматриваются особенности эволюции экономических институтов и жизненный цикл институтов на микроуровне. Формулируется понятие транзакционной функции и исследуются ее приложения для анализа публикационной активности и мобильности в академической среде.

Ключевые слова: институциональная экономика, эволюция институтов, жизненный цикл института, транзакционная функция

Основное течение (main stream) экономической мысли прошлого века основывалось на неоклассическом подходе к анализу хозяйственной деятельности. Этот подход характеризуется четкими количественными величинами и строгими теоретическими закономерностями. Многие высшие руководители передовых стран воспитаны на университетских курсах неоклассической экономической теории (основной девиз неоклассики – хозяйственное развитие определяется рынком). К примеру, председатель Центробанка РФ С. М. Игнатьев – автор великолепных учебников по неоклассической теории (совместно с В. М. Гальпериным и В. И. Моргуновым) [1]. Вместе с тем неоклассическая теория не предсказала мировой кризис 2008 года и не могла предсказать по причине постулатов, лежащих в ее основе. К недостаткам основного течения экономической мысли следует отнести критику равенства всех экономических агентов, прозрачность и доступность информации, максимизации экономических показателей деятельности, свободного выбора экономических действий и анализа только равновесных экономических процессов. Наравне с активно преподаваемой в университетах неоклассической экономической теорией уже около 100 лет существует альтернативная институциональная экономическая теория. Эта теория исходит из того, что развитие хозяйственной деятельности определяется институтами, иначе говоря, правилами или нормами взаимодействия между людьми. Поскольку Нобелевские премии по экономике вручаются с 1969 года, то четыре Нобелевские премии по институциональной экономике (то есть около 10 %) свидетельствуют о значимости институционального подхода.

Первая Нобелевская премия по институциональной экономике была вручена в 1991 году Рональду Гарри Коузу за «Институциональную структуру производства» [2]. Как отмечал лауреат, идея о том, что одинаковые по производству предприятия отличаются положением на рынке благодаря своему институциональному окруже-

нию, пришла к нему в 21 год во время написания магистерской диссертации. Два года назад патриарх институционализма отметил столетний юбилей. Р. Коуз – член редакционного совета Журнала экономической теории, издаваемого в УрО РАН.

Другой лауреат – Д. С. Норт – получил Нобелевскую премию в 1993 году за оценку экономической деятельности в масштабе времени. К одному из его замечательных результатов следует отнести анализ транзакционного сектора экономики США за столетний период, который он выполнил совместно с Дж. Уоллисом. Д. Норт также член редсовета Журнала экономической теории, в котором он опубликовал статью «Капитализм и экономический рост», где доказывал, что институты капитализма более жизнеспособны и поэтому они победили институты социалистического строя [5].

В 2007 году премия была вручена Л. Гурвицу, Р. Майерсону и Э. Маскину за разработку теории экономических механизмов. Математическую основу исследований составила теория игр, но на базе ряда институциональных принципов. Так, лауреатами был внедрен принцип контроллера над выполнением агентами формальных институтов и принцип фокальной точки, определяющей сходимость действий к определенным, хорошо известным правилам. Отметим, что Л. Гурвиц родился в Москве в 1917 году, затем с семьей переехал в США.

Премия 2009 года была присуждена О. Уильямсону и Э. Остром за разработку теории экономической организации. О. Уильямсон – автор знаменитого графика зависимости транзакционных издержек от специфичности активов, где выделена промежуточная область между фирмой и рынком, описываемая сетевыми организациями. Иначе говоря, О. Уильямсон первым подошел к проблеме количественной оценки сетевых взаимодействий.

Что же такое институты? Согласно основоположнику институциональной теории Т. Веблену, «институты – это устойчивые привычки мыш-

лений, присущие большой общности людей» [3]. Мы пользуемся более практичным определением: институты – это устоявшиеся нормы взаимодействия между экономическими агентами. Но если население Земли превышает 7 млрд человек, то подобных институтов должно быть более чем 7 млрд в степени 7 млрд. Огромное число. Поэтому экономисты договорились рассматривать лишь институты экономические и базовые, а также оценивать иерархию институтов.

На уровне предприятий мы легко можем выделить сотни экономических институтов, укладываемых в определенные кластеры: проекции макроэкономических институтов на уровень фирмы, институты управления эндогенным оппортунизмом, поиска информации и формирования общественных благ, институты экономики знаний, прав собственности и факторов деятельности предприятия, институты как организационные рутин и институты рыночного потенциала предприятия. По всем указанным институтам имеются солидные наработки в отечественных и зарубежных экономических исследованиях. Указанные кластеры экономических институтов могут быть «упакованы» в пространстве координат «экзогенность/эндогенность институтов – работник/предприятие» (рис. 1) [6]. На рис. 1 представлено и третье измерение институтов – все они являются субъектами эволюции (СЭ). Анализ пространства экономических институтов выявляет перспективность исследований в слабо заполненном нижнем левом квадранте. И действительно, институты взаимодействий «индивид – индивид» находятся сейчас на переднем крае исследований. Симптоматично вручение Нобелевской премии 2002 года Д. Канеману за разработку психологических аспектов поведения экономических агентов.

Другим инструментом институционального анализа может выступать построение институциональных атласов [12]. Например, институциональный атлас может располагать институты по различным критериям: эндогенности/экзогенности формирования, сферам применения, функциям управления и этапам хозяйственной деятельности. В результате мы получаем некоторую карту экономических институтов, применяемых в той или иной области деятельности (рис. 2).

Так, оценка институционального атласа развития предпринимательства Среднего Урала в 2010 году выявила следующие слабые места институционального строительства. Недостаточно развиты институты информационной безопасности, планирования информационной деятельности, посевного и прямого финансирования предпринимательства, учета культурных особенностей, стимулирования деятельности и др. Отметим, что с приходом нового губернатора Свердловской области положение стало исправляться: были созданы министерства по инфор-

мации и инвестициям, организован инфраструктурный хаб по развитию предпринимательства.

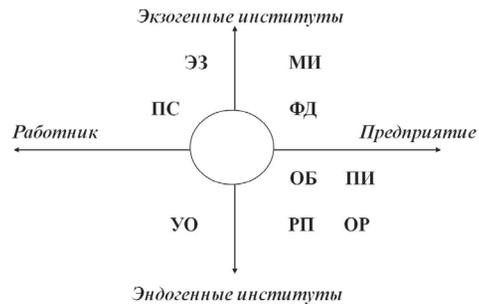

Рис. 1. Пространство экономических институтов. Кластеры экономических институтов: ЭЗ – экономика знаний, ПС – права собственности, МИ – проекции макроэкономических институтов, ФД – фактор деятельности предприятия, ОБ – формирования общественных благ, ПИ – поиска информации, РП – рыночного потенциала предприятия, ОР – организационных рутин, УО – управления эндогенным оппортунизмом

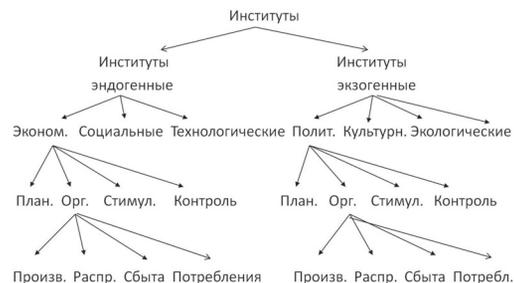

Рис. 2. Институциональный атлас

Любой экономической институт имеет свой жизненный цикл (рис. 3). Отдача от института Q по мере его формирования возрастает, затем институт обеспечивает постоянное производство определенных действий и после некоторого момента времени t_2 наступает спад отдачи данного института. Введение гипотезы жизненного цикла позволило значительно улучшить возможности моделирования хозяйственной деятельности.

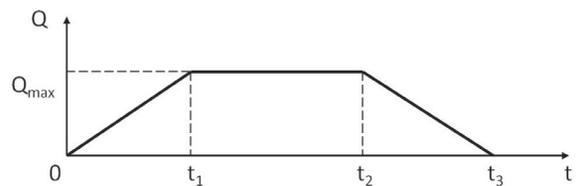

Рис. 3. Жизненный цикл экономического института

Так, в 2002 году членом-корреспондентом РАН Г. Б. Клейнером была предложена системно-интеграционная модель предприятия, разделяющая его на семь уровней деятельности. Наши эмпирические исследования показали, что все указанные уровни отличаются различными периодами своих жизненных циклов [15]. Институты ментального уровня живут 17 лет, культурного – 12 лет, нормативного – 7 лет, технологического – 5 лет, поведенческого – 4,5 года и рыночного уровня – 3 года.

Естественно, что на жизнедеятельность экономических институтов оказывают влияние различные факторы. Наши эмпирические исследования показали, что развитие института ментального уровня – института семьи – сильно зависит от фазы жизненного цикла самого предприятия. Институт семьи незначительно развит на формирующихся и растущих предприятиях и хорошо развит на предприятиях в третьей фазе – устойчивой хозяйственной деятельности.

Эволюция институтов внешнего вида работников демонстрирует волнообразную кривую в зависимости от времени существования предприятия. Строгие требования к dress-code возрастают на 3-й год и на 6–7-й годы существования предприятия. Это соответствует негласному «закону предпринимательской активности» раз в три года.

Как же формируются экономические институты? Впервые об этом заявил Дж. Р. Коммонс в своем исследовании «Институциональная экономическая теория» 1934 года [10]. Он показал, что в основе формирования институтов лежат сделки (transactions). Сделки, иначе транзакции, включают в себя переговоры, принятие обязательств и их выполнение. Сейчас под транзакциями подразумевается вся внепроизводственная деятельность предприятий. Исходя из концепции рыночного потенциала предприятия [14], к транзакциям следует отнести аналитическую и коммуникационную деятельность предприятия.

Таким образом, выделяются следующие типы транзакций: транзакции поиска информации, анализа рынка, защиты прав собственности, защиты от оппортунизма и транзакции продвижения продукции. Отметим, что научная новизна данной типологии, в отличие от известных классификаций транзакций Дж. Коммонса, К. Поланьи и Т. Эггертсона, заключается в выделении транзакций анализа рынка и продвиженческих транзакций.

Развивая мысль о внепроизводственном характере транзакций, поставим вопрос о транзакционном секторе экономики региона или страны. Впервые этот вопрос был талантливо решен Д. Норт и Дж. Уоллисом, которые показали, что с 1870 по 1970 год транзакционный сектор ВВП США вырос с 24 до 45 % и продолжает расти [16]. Наше исследование показало, что доля транзакционного сектора ВВП Свердловской области составляет в настоящее время около 30 % и также продолжает расти. Темпы роста транзакционного сектора составили около 3 % за 5 лет. Наибольшими темпами растет отрасль торговли (более 3,5 % за 5 лет), государственное управление (1,5 %) и сфера операций с недвижимостью (1,2 %). Отметим, что во время кризиса 2008 года доля транзакционного сектора резко упала на 3 %, что может являться основой для прогнозирования кризисных явлений.

Любые транзакции имеют стоимостное выражение. Отсюда могут быть введены транзакцион-

ные издержки, которые, как и сами транзакции, разделяются на издержки поиска информации, анализа рынка, защиты прав собственности, продвижения продукции и защиты от оппортунизма. В противовес этим издержкам производственные издержки связаны с трансформацией основных видов ресурсов: капитала, трудовых, материальных и информационных ресурсов.

Анализ транзакционных издержек поиска информации позволяет модельным образом оценить соотношение динамики изменения дохода фирмы и динамики транзакционных издержек [13]. Если прибыль фирмы равна полученному доходу минус постоянные издержки и издержки на поиск информации, то дифференцирование транзакционной функции по издержкам на поиск информации дает следующий уникальный результат. Динамика роста дохода фирмы должна быть меньше динамики роста транзакционных издержек на поиск информации.

$$\begin{aligned}\pi(Q, C_i) &= R(Q, C_i) - G(Q) - C_i \\ TF &= f(\pi; C_i) \\ \max TF &= \max f \{R(Q, C_i) - G(Q) - C_i; C_i\} \\ 0 &\leq \partial R / \partial C_i \leq 1\end{aligned}$$

Эмпирические исследования ряда крупных российских предприятий, таких как Синарский трубный завод, Шадринский автоагрегатный завод, «Сибкабель» и других, показали, что все предприятия в период с 2000 по 2007 год прошли все три стадии информационного транзакционного развития – от снижения до роста доходов при увеличивающейся динамике изменения транзакционных издержек на поиск информации (рис. 4).

Зная, что транзакции формируют институты, можем ли мы ответить на вопрос о стоимостной оценке экономических институтов? Ответ можно найти в трудах классиков. Согласно лауреату Нобелевской премии 1972 года К. Эрроу, «транзакционные издержки – это издержки эксплуатации экономической системы» [9]. Другой нобелевский лауреат Д. Норт пишет: «Транзакционные издержки служат источником социальных, политических и экономических институтов» [4]. Отсюда можно сделать вывод о том, что стоимостной оценкой экономического института являются транзакционные издержки по формированию и поддержанию данной нормы взаимодействия между экономическими агентами.

Подобное утверждение позволяет проводить количественное моделирование динамики развития институтов. Например, если мы полагаем, что транзакционные издержки определяются двумя координатами – функциями институтов и временем, то динамика изменения издержек будет описываться классическим законом диффузии Фика. Его решение при наличии начальных издержек и отсутствии дополнительных денежных вливаний даст стандартное решение уравнения Фика. Данное решение демонстри-

рует уникальный результат – синусоидальность транзакционных издержек, что объясняется волнообразностью жизненного цикла экономического института [11].

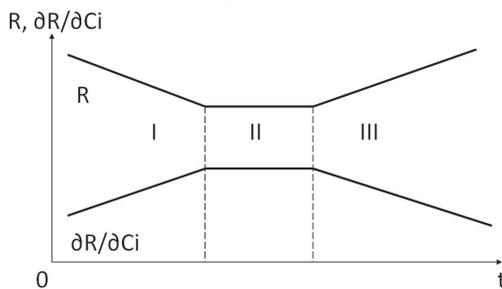

Рис. 4. Транзакционные издержки «СинТЗ», «ШААЗ», «Сибкабель»

$$C = C(x, t)$$

$$\partial C / \partial t = D (\partial^2 C / \partial x^2)$$

$$C(x, t) = \Sigma(2C_0 / \pi n) \text{Sin}(\pi n x / d) \exp(-\pi^2 n^2 D t / d^2)$$

Диффузионная модель динамики институтов нашла подтверждение при изучении транзакционных издержек, сопровождавших переход в 1980-х годах Верх-Исетского металлургического завода по выпуску трансформаторной стали от горячекатаной к холоднокатаной технологии производства. Горячекатаная технология описывалась завершением институционального цикла, а холоднокатаная демонстрировала начало нового экономического института. Соответственно, транзакционные издержки горячекатаной технологии, связанные с анализом рынка и поиском новых контрагентов, имели синусоидальный характер, так как на исследованном промежутке в 16 лет мы наблюдали и постоянную отдачу от этой старой технологии, и сокращение данного устаревшего хозяйственного института.

Знание о совместном существовании транзакционных издержек и экономических институтов подталкивает к проблеме взаимной зависимости этих величин. Т. Эггертссон утверждает, что «транзакционные издержки прямо пропорциональны количеству экономических агентов, заключивших контракты между собой» [8]. Р. Мэтьюз пишет, что «транзакционные издержки обратно пропорциональны количеству заключенных контрактов и установленных норм, обеспечивающих выполнение этих контрактов».

Следовательно, возможно формализованное изображение транзакционной функции фирмы как зависимости транзакционных издержек от количества агентов, заключивших контракты с фирмой, и соответствующего количества формальных и неформальных институтов. Отметим, что на сегодняшний день, кроме данного соотношения, нет других формализованных представлений транзакционной функции. Данное уравнение может быть верифицировано на качественном уровне.

$C = V N^2 / (F^u + I^e)$, где C – транзакционные издержки фирмы, N – количество агентов, заклю-

чивших контракты с фирмой, F – количество формальных институтов (контрактов), I – количество неформальных институтов, λ , μ , ϵ – коэффициенты эластичности использования акторов, формальных и неформальных институтов.

Зависимость транзакционных издержек от числа экономических агентов может быть доказана по графику эффективности завода при уменьшении загрязнения окружающей среды, взятому из монографии Т. Эггертссона «Экономическое повеление и институты» [8]. Здесь предельные издержки фирмы снижаются при увеличении выбросов вредных веществ и одновременно возрастают издержки общества, которые пропорциональны количеству участвующих в протестных акциях людей.

Зависимость транзакционных издержек от формальных институтов может быть проиллюстрирована эмпирическими результатами зависимости количества работников, связанных с обработкой информации, от числа звеньев управления. Чем больше звеньев управления, иначе говоря, формальных институтов, тем меньше издержек на поиск и обработку информации.

Зависимость транзакционных издержек от неформальных институтов иллюстрируется эмпирическими результатами зависимости неблагоприятного отбора работников при найме на предприятия от неформальной оценки работы отдела кадров. Чем выше уровень неформального института найма работников, тем ниже транзакционные издержки предконтрактного оппортунизма.

Основные выводы из формализации транзакционной функции. Во-первых, возможно историческое завершение инструментального аппарата оценки для всех видов издержек, так как для производственных издержек уже более 80 лет существует производственная функция Кобба – Дугласа. Во-вторых, становится реальным планирование инвестиций в экономические транзакции. В-третьих, возможна одновременная оценка максимизации выпуска продукции и минимизации соответствующих транзакций.

Аппарат институциональной экономики был применен нами для анализа академической активности ряда естественнонаучных учреждений РАН. Были взяты для сравнения четыре учреждения одного профиля, отличающиеся относительными долями зрелых (более 50 лет) и молодых (до 39 лет) научных сотрудников. Количество молодых сотрудников убывало от первого к четвертому учреждению.

Исследовали зависимости изменений количества опубликованных статей и докладов на конференциях от изменений транзакционных издержек на поиск информации и продвижение научной продукции, что включало оплату транспорта и гостиниц. Эмпирические зависимости временной динамики изменения количества

докладов на конференциях и опубликованных статей за 2006–2010 годы экстраполировали экспоненциальными зависимостями как имеющие наибольшую сходимость к экспериментальным точкам. Отсюда в дальнейшем обсуждали показатели экспонент данных зависимостей. Результаты по опубликованным статьям разделили на интегральный итог, публикации статей отдельно в российских журналах и отдельно в зарубежных журналах. Видим, что показатели экспонент интегрального итога выше в учреждениях, где доля молодых сотрудников выше (табл. 1).

Таблица 1

Результаты по статьям

Учреждение РАН	Все статьи	Российские	Зарубежные
Первое	0,36	0,46	0,13
Второе	0,17	0,08	0,29
Третье	0,12	- 0,06	0,52
Четвертое	0,01	- 0,06	0,17
Обществоведения	0,47	0,46	0,01

Основные итоги исследования публикационной активности следующие. Самая высокая динамика опубликования статей – в учреждениях обществоведения. Для естественнонаучных учреждений увеличение доли молодых сотрудников на 1 % при возрастании транзакционных издержек на 1 % увеличивает количество публикаций на 7 %. При этом доля молодых ученых пропорциональна динамике российских публикаций, а доля зрелых ученых – динамике публикаций в зарубежных журналах.

Результаты по академической мобильности также разделены на суммы всех докладов, отдельно – на российских и зарубежных конференциях. Здесь для суммы всех докладов зависимость от доли молодых сотрудников не так явна (табл. 2).

Вместе с тем увеличение доли молодых сотрудников на 1 % при возрастании транзакцион-

ных издержек на 1 % увеличивает количество докладов почти на 30 %. Доля молодых ученых пропорциональна динамике зарубежных докладов, а доля зрелых ученых – динамике докладов на российских конференциях.

Таблица 2

Результаты по мобильности

Учреждение РАН	Все доклады	Российские	Зарубежные
Первое	0,56	0,31	2,67
Второе	0,92	0,95	0,57
Третье	0,40	1,12	-0,07
Четвертое	0,28	0,26	0,30
Обществоведения	0,43	–	–

Как же сэкономить наши транзакционные издержки? Ответ лежит в формализации транзакционной функции. Снижение издержек публикационной активности будет происходить при формировании устоявшегося списка журналов и устоявшихся институтов опубликования научных статей. Уменьшение издержек научной мобильности возможно при формировании устоявшихся институтов проведения научных конференций.

Заключение первое. Во-первых, институциональная структура экономических институтов может быть успешно представлена в виде атласа институтов. Во-вторых, типология транзакций и транзакционных издержек возможна на основе структуры рыночного потенциала предприятия. В-третьих, транзакционный сектор реальной экономики может быть количественно оценен и при этом он постоянно возрастает.

Заключение второе. Стоимостной оценкой экономического института следует считать транзакционные издержки на его формирование и поддержание. Связь между экономическими институтами и транзакциями может быть формализована в виде транзакционной функции. Публикационная активность в большей степени определяется молодыми научными сотрудниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Игнатьев С. М., Моргунов В. И., Гальперин В. М. Микроэкономика. М.: Омега-Л, 2010. 1088 с.
- Коуз Р. Г. Институциональная структура производства // Природа фирмы: Пер с англ. М.: Дело, 2001. С. 340–351.
- Нестеренко А. Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 42–57.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики: Пер. с англ. М., 1997. 180 с.
- Норт Д. К. Капитализм и экономический рост: Пер. с англ. // Журнал экономической теории. 2005. № 3. С. 5–15.
- Попов Е. В. Миниэкономические институты // Вопросы экономики. 2005. № 12. С. 96–108.
- Попов Е. В. Территориальная модель институтов развития предпринимательства // Журнал экономической теории. 2010. № 2. С. 21–31.
- Эггертсон Т. Экономическое поведение и институты: Пер. с англ. М.: Дело, 2001. 408 с.
- Аггров К. The Organization of Economic Activity // The Analysis and Evaluation of Public Expenditure. Washington D. C., 1969.
- Commons J. R. Institutional Economics. N. Y.: Macmillan, 1934.
- Роров Е. V. Diffusion Model of Transaction Cost Dynamics // Journal of Business and Economics. 2011. Vol. 2. № 3. P. 222–229.
- Роров Е. V. Institutional Atlas // Atlantic Economic Journal. 2011. Vol. 39. № 4.
- Роров Е. V., Коновалов А. A. Institutional Effects Estimation in the Sphere of Economical Information // Montenegrin Journal of Economics. 2007. № 5. P. 59–66.
- Роров Е. V. Market Potential of the Firm // International Advances in Economic Research. 2004. Vol. 10. № 4.
- Роров Е. V. Theory of Evolution in the Mini-Economic Institutions // Montenegrin Journal of Economics. 2006. Vol. 2. № 3.
- Wallis J. J., North D. C. Measuring the Transaction Sector in the American Economic Growth. Chicago, 1987.

ВИКТОР ЕВГЕНЬЕВИЧ ДЕМЕНТЬЕВдоктор экономических наук, профессор, и. о. заместителя директора, Центральный экономико-математический институт РАН (Москва, Российская Федерация)
vedmentev@rambler.ru

ДЛИННЫЕ ВОЛНЫ В ЭКОНОМИКЕ И СТРУКТУРА КОРПОРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ

Эволюция структуры корпоративной системы рассматривается в контексте длинных волн экономического развития. Анализируются специфические свойства бизнеса разных размеров, определяющие его сравнительные преимущества на отдельных фазах длинной волны. Внимание фокусируется на том, что ресурсный потенциал крупного бизнеса способствует ускоренному переходу экономики на новую технологическую базу.

Ключевые слова: длинные волны, размеры фирм, технологическая революция

Кризисы, сопровождающие смену длинных волн (ДВ) экономического развития, провоцируют рост скептических оценок в отношении форм организации бизнеса, сложившихся ко времени кризиса. В нынешний кризис нам напоминают [1] о тех низких оценках эффективности крупнейших компаний США, что были получены У. Адамсом и Дж. Брокром [9] в результате анализа деятельности этих компаний в 1960–70-е годы. С другой стороны, в составленном агентством Томсон Рейтер [16] списке 100 мировых инноваторов крупные компании предстают лидерами в наращивании интеллектуальной собственности.

Современные сомнения в эффективности крупного бизнеса обусловлены, в частности, тем, что новую, шестую длинную волну (2015–2060 годы) и становление постиндустриальной экономики рассматривают как эру сетевых структур, состоящих из относительно мелких предприятий. Сетевые структуры вносят весомый вклад в инновационное развитие современной экономики, но принципиальная роль в ней сохраняется и за крупными фирмами. Эта роль связана не только со специфическими возможностями таких фирм в подготовке базисных инноваций, но и с самим характером постиндустриального экономического развития, при котором удовлетворение индивидуальных запросов потребителей опирается на дешевизну производимых в массовом порядке первичных ресурсов. Можно заключить, что технологической основой постиндустриальной экономики скорее всего станет комбинирование разномасштабных технологий [4].

Выводы об эволюции размеров бизнеса нередко опираются на статистические данные, не выходящие за временные рамки отдельной фазы длинной волны. Циклические явления в соотношении фирм разных размеров до сих пор не получили освещения в теории ДВ. Сама теория до сих пор сохраняет дискуссионный характер [3]: нет единодушия даже в отношении хронологии ДВ.

При выборе основания для периодизации ДВ следует исходить из их природы. Как писал

Н. Д. Кондратьев, материальной основой больших циклов является изнашивание, смена и расширение основных капитальных благ, требующих длительного времени и огромных затрат для своего производства. Смена и расширение фонда этих благ идут не плавно, а толчками, другим выражением этого являются большие волны конъюнктуры [6; 390–391]. Если исходить из такого понимания длинных (больших) волн, то и среди показателей экономической конъюнктуры, используемых для их периодизации, приоритет следует отдавать тем, что характеризуют ситуацию с обновлением основных капитальных благ и связанным с ним внедрением в производство новых технологий, материалов, источников сырья и энергии, работников новых технологий. Эта ситуация непосредственно отражается в показателях, описывающих структурные изменения в инвестиционной сфере. К ним можно отнести объемы инвестиций разных отраслей в технологии, соответствующие новой ДВ.

Весьма часто в качестве основного экономического показателя, выбираемого для исследования этих волн, фигурирует ВВП. Такой выбор представляется дискуссионным, поскольку тренд ВВП является средним значением скоростей роста отдельных секторов экономики. Тренды лидирующих секторов существенно превышают его, а тренды роста реликтовых секторов могут характеризоваться значениями, близкими к нулю или даже отрицательными [2; 160].

Инновационные процессы в экономике меняют качественное наполнение отдельных этапов экономического развития. Критика использования в качестве инструмента анализа длинных волн такого показателя, как ВВП, камуфлирующего принципиальные изменения в экономике, представлена в монографии К. Перес [8].

Отождествление ДВ с чередованием продолжительных подъемов и спадов в темпах роста ВВП приводит к возрастающей уязвимости такой трактовки этих волн по отношению к статистическим опровержениям. Даже в странах – ли-

дерах мировой экономики формирование нового технологического уклада (ТУ) не означает полного исчезновения предшествующих укладов. В США, например, по некоторым оценкам, доля 5-го ТУ составляет 60 %, 4-го – 20 %, около 5 % приходится на 6-й ТУ. В России доля технологий 5-го уклада составляет примерно 10 % (в военно-промышленном комплексе и в авиакосмической отрасли), 4-го – свыше 50 %, 3-го – около 30 % [5]. Существование технологий разных ДВ способно приводить к тому, что с ростом технологического разнообразия амплитуда колебаний в темпах роста ВВП уменьшается.

В полном жизненном цикле ДВ выделяют шесть фаз: вызревание, внедрение, агрессия, синергия, зрелость, распространение на периферию, или глобализация [8]. *Фаза вызревания* – время инвестиций в исследования и разработку новых технологических идей и принципов, способных стать основой для осуществления радикальных (базисных) инноваций. В современной литературе такого рода инновации фигурируют как технологии широкого применения (*general purpose technology*). Это технологии, которые внедряются во множество других отраслевых технологий, позволяя тем перейти на новый уровень и повысить свою эффективность, открывают широкий спектр новых возможностей для прибыльных инвестиций [10], [12]. Такие свойства позволяют характеризовать технологии широкого применения (ТШП) как «двигатели роста». В *фазе внедрения* начинается коммерциализация накопленных разработок, что сопровождается появлением новых товаров. Инвестиции в обновление технологических цепочек носят поисковый характер. Чаще всего тестируются возможности нововведений в уже существующих цепочках. *Фаза агрессии* – время активного использования результатов тестирования. Экспансивные инвестиции в новую ТШП поддерживаются спросом со стороны традиционных отраслей, связывающих с этой ТШП расширение своих возможностей, повышение своей эффективности. Этот спрос способствует и становлению отраслей новой ДВ. Говорить об агрессии здесь уместно, поскольку «наступление» новой ТШП идет широким фронтом, продлевая существование одних производств и обрекая на гибель другие. Начинают прорисовываться контуры нового ТУ. В *фазе синергии* ДВ новые отрасли продолжают поддерживать рост части традиционных отраслей, предъявляя спрос на их продукцию, встраивая их в новые технологические цепочки. Однако если в фазе агрессии новая ТШП фактически играет вспомогательную роль по отношению к ранее освоенным ТШП, то в фазе синергии субординация старых и новой ТШП является принципиально иной. Здесь вспомогательную функцию выполняют уже старые ТШП и порожденные ими отрасли. Смена ДВ приходится на время перехо-

да от фазы агрессии к фазе синергии новой ДВ. В этот период происходят дезагрегация технологических совокупностей доминирующего ТУ и интенсивное становление технологических совокупностей нового ТУ.

Переходный период – время наиболее активного созидательного разрушения. За низкими темпами роста или даже сокращением ВВП скрываются драматические процессы ревизии устоявшихся приемов деловой практики, подходов к государственному регулированию экономики. Переходный период – время и социальных потрясений, и активных организационных инноваций в бизнесе, и институциональных перемен. От характера институциональных изменений в этот период зависит, удастся ли стране стать своего рода бенефициарием технологической революции и какой ценой, или ей достается роль плательщика технологической ренты. Переход к *фазе зрелости* длинной волны – время очередного уточнения инвестиционных приоритетов, поскольку наращивание вложений в ТШП этой волны уже не приносит прежней отдачи. В производстве внимание бизнеса с радикальных инноваций смещается к улучшающим. В сфере исследований и разработок на повестке дня вновь оказывается создание заделов для следующей технологической революции. В *фазе распространения на периферию* технологические лидеры реализуют резервы роста своей эффективности за счет рынков менее развитых стран, за счет переноса в эти страны устаревающих и/или трудоемких звеньев своих технологических совокупностей.

О реалистичности приведенных свойств сменяющихся фаз ДВ можно судить по данным об экономике США. Внедрение компьютеров и микроэлектроники, являющихся технологической основой 5-й ДВ, началось здесь в 1960-е годы (IBM 1401-й и 360-й серий) и 1970-е годы (микропроцессор Intel появился в 1972 году). Если при разграничении фаз пятой ДВ ориентироваться на динамику частных инвестиций в компьютеры и периферийное оборудование, то к *фазе агрессии этой волны* можно отнести период с середины 1970-х до середины 1980-х. По данным Бюро экономического анализа США, с 1970 по 1975 год такие инвестиции выросли только в 1,3 раза (с 2,7 до 3,6 млрд долл.), в 1980 году они составили 12,5 млрд долл. (рост в 3,5 раза за 5 лет), а в 1985-м – 33,7 млрд долл. (рост в 9,4 раза за 10 лет) (рис. 1). Об определенном насыщении промышленности США электронным оборудованием к середине 1980-х годов свидетельствует последовавшее резкое замедление роста инвестиций в компьютеры и периферийное оборудование. С 1985 по 1990 год эти инвестиции увеличились всего в 1,15 раза. Энергичное наращивание таких инвестиций возобновилось только в начале 1990-х годов. В 2000 году они возросли в 2,7 раза по сравнению с 1991 годом.

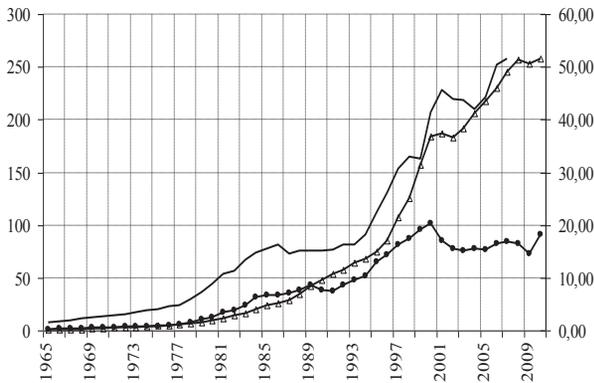

Рис. 1. Инвестиции в исследования и разработки (ИиР) и технологии 5-й ДВ в экономике США, млрд долл. (рассчитано по данным BEA US):

- инвестиции в компьютеры и периферию (левая шкала),
- ▲ инвестиции в программное обеспечение (левая шкала),
- инвестиции в ИиР производителей компьютеров и электроники (правая шкала)

Время с середины 1980-х до первой половины 1990-х годов можно рассматривать как своего рода *переходный период в экономике США от фазы агрессии к фазе синергии 5-й ДВ*. В фазе агрессии фактически были исчерпаны возможности простого вкрапления продуктов этой волны в существующую технологическую базу, в доминирующий технологический уклад. Еще только начали вырисовываться направления развития микроэлектроники, имеющие перспективу широкой коммерциализации в рамках формирующегося нового ТУ. В такой ситуации есть свои резоны в выжидательной позиции бизнеса при финансировании ИиР. Как видно из рис. 1, в переходный период производители компьютеров и электроники фактически заморозили уровень своих годовых инвестиций в ИиР. Однако уже в этот период Интернет из сферы интересов узкой группы ученых и специалистов стал превращаться в популярное средство обмена информацией. Начал формироваться рынок услуг мобильной и космической связи. Это потребовало выстраивания соответствующей инфраструктуры.

Новый этап внедрения микроэлектроники в американскую промышленность ознаменовался не только активизацией инвестиций в компьютеры и периферийное оборудование, но и резким возрастанием после 1995 года роли сервисной инфраструктуры в реализации потенциала микроэлектроники в информационно-вычислительной сфере (рис. 1). В повседневную жизнь широко вошли специфические продукты микроэлектроники: персональные компьютеры, мобильные телефоны. *Период с первой половины 1990-х до начала 2000-х годов – фаза синергии пятой ДВ в экономике США*, когда многие инновационные процессы разворачиваются на стыке разных отраслей. Производители электронной техники в такой ситуации пошли на резкое наращивание инвестиций в ИиР.

После 2000 года с переходом ДВ в фазу зрелости частные инвестиции в компьютеры и периферийное оборудование не превышали достигнутый в этот год уровень в 101,7 млрд долл. Вместе с тем инвестиции в программное обеспечение продолжили увеличиваться и выросли в 2010 году в 1,4 раза по сравнению с 2000 годом (с 184,5 до 257,9 млрд долл.). Однако это гораздо более скромный рост по сравнению с предшествующим десятилетием, когда инвестиции с 1991 по 2000 год увеличились в 3,4 раза.

К 2000 году экономика США приблизилась к фазе зрелости 5-й ДВ. К этому времени, по данным Бюро экономического анализа США, перестала расти доля в ВВП США, приходящаяся на производство и обслуживание компьютерных систем. Заметный, хотя и временный спад также произошел в инвестициях производителей этих систем в ИиР. В начавшейся с новым веком фазе зрелости этой волны на первый план выходит дифференциация продукции, улучшающие инновации.

Поиски пригодных к коммерциализации принципиально новых технологических решений активизируются, когда потенциал уже используемых технологий близок к своему исчерпанию. Окончание фазы зрелости ДВ пересекаются с фазой внедрения следующей ДВ. Даже общие контуры новой технологической парадигмы имеют в этот период весьма расплывчатый характер и большинство предпринимателей сосредоточены на решении задач выживания.

Однако находятся энтузиасты, готовые рисковать и инвестировать в принципиально новые технологии в надежде на большие достижения. Завершение фазы зрелости – благоприятное время для появления двух типов фирм «газелей». Первый тип, ориентированный на использование уже существующих технологий, с помощью организационных нововведений ищет новые возможности развития даже в депрессивных отраслях. Такие нововведения повышают оперативность реакции на запросы потребителей, включая придание эксклюзивного вида уже известной продукции, расширение продуктового разнообразия. Второй тип – газели, революционизирующие уже существующие отрасли. Это фирмы, разведывающие пути использования новых технологий широкого применения в зрелых отраслях, вступающих в фазу упадка уходящей ДВ. Существующие отрасли – основной источник спроса на такие технологии в фазе внедрения новой ДВ. Поскольку в этой фазе различные варианты использования новейших технологий еще продолжают тестироваться, масштабы их внедрения относительно невелики. Такое тестирование оказывается по силам как крупному, так и малому бизнесу. Последний имеет даже некоторое преимущество вследствие большей оперативности принимаемых решений. Фаза внедрения – время расцвета венчурного бизнеса в сфере коммерциализации принципиально новых технологий.

Скептические оценки способности крупных фирм к радикальным инновациям разделяются многими исследователями [11], [14], [15]. Телефония, транзисторные приемники, ксерография, торговля книгами через Интернет были внедрены AT & T (Bell), Sony, Xerox (Haloid), Amazon – относительно неизвестными и мелкими в прошлом фирмами по сравнению с такими крупными во время соответствующих инноваций компаниями, как Western Union, RCA, Kodak, Barnes & Noble [13].

Однако в современных условиях разработка новых технологий весьма капиталоемка. Достаточно масштабные инвестиции могут позволить себе лишь крупный бизнес, государство или поддерживаемые ими исследовательские центры. Без соответствующей активности такого рода структур в фазе зарождения очередной волны снижаются шансы на лидерство во время ее подъема.

Несмотря на то что крупные фирмы склонны блокировать радикальные инновации, обстоятельства вынуждают их не оставаться пассивными наблюдателями инновационной активности малых фирм. Во-первых, само руководство многих крупных фирм и привлекаемые ими консультанты разделяют то мнение, что для долгосрочного выживания и развития необходимо заниматься и улучшающими, и радикальными новшествами. Во-вторых, принципиальным фактором, побуждающим фирмы к поискам новых сфер приложения для накопленных ресурсов, к инвестициям в исследования и разработки, выходящие за рамки уже используемых технологий, является исчерпание их потенциала. В таких условиях крупный бизнес вынужден опробовать радикальные нововведения в качестве если не принципиальных изменений своей специализации, то улучшений, которые продлят жизненный цикл существующих отраслей или же уменьшат издержки на вспомогательную для них деятельность. В-третьих, среди руководителей, особенно среднего звена, находятся готовые взять на себя ответственность за радикальные инновации, рассчитывая на карьерный рост в случае успеха. Так или иначе, крупный бизнес в фазах зарождения и внедрения вносит свой вклад в становление новой технологической базы производства. Во-первых, он – крупный инвестор и в поисковые исследования, и в венчурные фонды. Во-вторых, крупный бизнес – своего рода кузница кадров для малых инновационных предприятий, которые были созданы выходцами из лабораторий таких американских гигантов, как IBM, Western Electric, Hughes Aircraft, Texas Instruments. Причем новые предприниматели уходят с багажом знаний и опыта, накопленным на месте прежней работы. В-третьих, малый инновационный бизнес пользуется ресурсами, дешевизна которых обеспечивается их массовым производством крупным бизнесом. В-четвертых, во многих случаях крупный бизнес перенимает эстафету

у малого в разведке путей развития технологической революции. Инновационные инкубаторы американского типа ориентированы на облегчение выпуска малым бизнесом опытной партии. Этап перехода к промышленному выпуску имеет свои трудности. Части фирм удается их преодолеть и превратиться в процветающие компании. Однако «отсев» весьма значителен. Небольшой инновационной фирме проблематично сочетать дешевизну новой продукции с ее активным рекламным продвижением, развитием сети сервисного обслуживания. Особенно сложная ситуация возникает, если объем продаж, при котором производство становится прибыльным, относительно велик. Многие инновационные фирмы вынуждены идти на то, чтобы быть поглощенными крупными корпорациями. В-пятых, подобно малому бизнесу, высокорискованной коммерциализацией революционных научных достижений могут заниматься специальные подразделения (внутренние венчуры) крупного бизнеса. К. Кристенсен [7] приходит к выводу, что хотя стандартными приемами традиционного менеджмента нельзя противостоять напору «подрывных» технологий, возможности эффективно справиться с этой ситуацией все-таки существуют. При столкновении с опасной «подрывной» технологией компании необходимо обеспечить распределение человеческих и финансовых ресурсов, необходимых для завоевания сильных позиций на зарождающемся рынке, – создать организацию, специально предназначенную для деятельности на этом рынке, пусть какое-то время при низкой прибыли. Фактически рекомендуется использовать внутренний венчур.

Быстрый подъем ДВ наблюдается в фазах агрессии и синергии. Зрелые отрасли нисходящей волны в фазе агрессии приступают к широкому использованию в своем производстве элементов новой технологии. Такая ситуация оказывает неоднозначное влияние на размерную структуру бизнеса. С одной стороны, модернизация помогает выживанию существующего крупного бизнеса. С другой стороны, его быстро растущий спрос на технологические новинки благоприятствует появлению и развитию малых и средних предприятий, подключающихся к удовлетворению этого спроса. Шансы на превращение в крупный бизнес получают в это время фирмы относительно скромных размеров, но добившиеся успеха в фазе внедрения. Эти шансы существенно возрастают при получении поддержки со стороны финансовых структур.

Представляющий новую ДВ бизнес, укрепившийся за счет спроса со стороны производств нисходящей волны, начинает формировать собственные технологические цепочки, ориентированные на замещение части конечной продукции этих производств. Учащающийся в переходный период распад прежних технологических цепочек

чек отражается на размерной структуре бизнеса. Новые технологические цепочки еще только формируются и действуют не в форме вертикально-интегрированных компаний. Вследствие этого создается впечатление, что крупный бизнес заменяет сетевые структуры. Особенно значительного сокращения доли крупных фирм в размерной структуре бизнеса можно ожидать в конце фазы агрессии. Получение эффекта от масштабов нового производства – это и в фазе агрессии, и в фазе синергии средство и мотив межфирменного соперничества за долю рынка. Уже в фазе агрессии начинается межфирменная гонка на опережение в освоении тех технологий, перспективность которых выявилась в фазе внедрения. Соответственно, обостряется вопрос о ресурсах для лидерства в обновлении технологической базы производства. Крупные компании переживающих фазу упадка отраслей остаются обладателями значительного инвестиционного потенциала. Решившись на репрофилирование или на диверсификацию, эти компании способны претендовать на ведущие позиции в фазе синергии поднимающейся ДВ. Многочисленные примеры такого рода переходов продемонстрировал крупный японский бизнес при подъеме пятой ДВ. Фаза синергии – период усиления позиций крупного бизнеса.

С замедлением подъема ДВ ситуация меняется. В фазе зрелости конкуренция смещается в сферу удовлетворения специфических запросов потребителей, что создает новые ниши для малого и среднего бизнеса. Как следствие, исчезает характерная для фазы синергии тенденция

к повышению доли крупных фирм в размерной структуре бизнеса.

Выдвинутый в 1970-е годы тезис о переходе от крупных к малым организационным формам бизнеса опирался на изучение тогдашней экономики США. Однако указанная тенденция не является доминирующей. Динамика соотношения в США общей численности занятых в крупных фирмах (500 и более работников) к численности занятых в остальных фирмах показана на рис. 2.

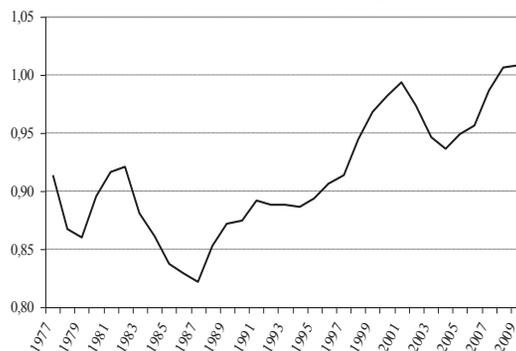

Рис. 2. Отношение занятых в крупных фирмах к занятым в МСП (рассчитано по данным сайтов SBA.gov, U.S. Census Bureau)

Можно резюмировать, что эффективная конфигурация корпоративного сектора не может основываться на однотипных по размеру фирмах. Промышленная политика, направленная на активизацию инновационных процессов в экономике, должна учитывать специфику фаз длинной волны, проявляющуюся в соотношении и деятельности фирм разных размеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А б т Ф. Инертность тяжеловесов. Небольшой бизнес имеет существенные преимущества по сравнению с тяжеловесными корпорациями // РБК. 2011. № 11. С. 90–92.
2. А к а е в А. А., Р у м я н ц е в а А. И., С а р ы г у л о в А. И., С о к о л о в В. Н. Экономические циклы и экономический рост. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. 456 с.
3. Г л а з ь е в С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 27–42.
4. Д е м е н т ь е в В. Е. «Догоняющая постиндустриализация» и промышленная политика, WP/2006/199. М.: ЦЭМИ РАН, 2006. 80 с.
5. К а б л о в Е. Н. Курсом в 6-ой технологический уклад // NanoWeek. 2010. № 99.
6. К о н д р а т ь е в Н. Д., Я к о в е ц Ю. В., А б а л к и н Л. И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избр. тр. М.: Экономика, 2002. 768 с.
7. К р и с т е н с е н К. М. Дилемма инноватора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 237 с.
8. П е р е с К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело: АНХ, 2011. 232 с.
9. A d a m s W., J a m e s W. B. The Bigness Complex. N. Y.: Pantheon Books, 1987.
10. H e l p m a n E., T r a j t e n b e r g M. A Time to Sow and a Time to Reap: Growth Based on General Purpose Technologies // General Purpose Technologies and Economic Growth. Cambridge: MIT Press, 1998. P. 55–83.
11. H i l l C. W. L., R o t h a e r m e l F. T. The performance of incumbent firms in the face of radical technological innovation // Academy of Management Review. 2003. Vol. 28. P. 257–274.
12. L i p s e y R. G., B e k a r C., C a r l a w K. What Requires Explanation? // General Purpose Technologies and Economic Growth. Cambridge: MIT Press, 1998. P. 15–54.
13. S h a h C. M., O r t t J. R., S c h o l t e n V. Building a Radical Innovation Mechanism at Large Firms // Innovation in Business and Enterprise: Technologies and Frameworks. IGI Global, 2010. P. 120–134.
14. S h a r m a A. Central dilemmas of managing innovation in large firms // California Management Review. 1999. Vol. 41. P. 146–164.
15. S t r i n g e r R. How to manage radical innovation // California Management Review. Vol. 40. № 4. P. 70–88.
16. Thomson Reuters. Top 100 Global Innovators экскурсия [Electronic resource]. Access mode: <http://top100innovators.com/top100>

ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА КАДНИКОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и финансов экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
goldsun@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ*

Рассматриваются некоторые вопросы воспроизводства рабочей силы в рыночных условиях с позиции теории человеческого капитала. Выделяются ключевые направления затрат труда на воспроизводство рабочей силы, анализируется динамика уровня доходов трудоспособного населения в Республике Карелия.

Ключевые слова: воспроизводство рабочей силы, факторы производства, капитал, вложенный в человека, рентабельность человеческого капитала

Осуществляемые в системе общественных отношений преобразования порождают множество новых проблем, требующих иных подходов к решению стоящих перед страной задач. Актуальной в экономической теории была и остается проблема воспроизводства рабочей силы. Воспроизводство рабочей силы означает воспроизводство как носителя определенной способности к труду, так и производственных отношений, которые определяют общественную форму и характер функционирования индивидуума и его положение в общественном производстве. Сама по себе совокупность способностей к труду не является экономической категорией и не выражает характерных связей в общественном производстве. Рабочая сила – это функция человека, и она не может выступать субъектом отношений по производству. Производственные отношения, персонифицируясь, придают индивидам определенную экономическую форму. Только человек может быть субъектом экономических отношений, в том числе отношений по поводу рабочей силы. Рабочая сила как способность к труду неотделима от человека.

Воспроизводство рабочей силы – это сложное социально-экономическое явление, охватывающее весь комплекс общественных отношений, связанных с главной производительной силой – человеком. Оно включает процесс воспроизводства индивидуальной рабочей силы и рабочей силы как совокупности носителей способности к труду. Реальный характер этих понятий связан не только с теоретической, но и с практической проблематикой. Так, процесс воспроизводства индивидуальной рабочей силы сводится к восстановлению, сохранению и развитию способностей к труду, к возмещению естественной убыли работников. Он включает весь комплекс вопросов, связанных с характером расходования жизненных сил работника в процессе труда (интенсивность труда, его условия, продолжительность,

режим, соответствие степени сложности работ уровню квалификации работника, рационализация приемов труда и рабочего места, в том числе с учетом эргономических требований и т. д.).

Человек является одновременно и производителем, и потребителем экономических благ. Он создает, приводит в действие и определяет способы использования техники и технологии. Прогрессивные средства труда и технологии, получив широкое распространение, начинают предъявлять повышенные требования к работнику, «подтягивать» его до своего уровня. Требования, предъявляемые к рабочей силе со стороны средств производства и основных технологий, связаны с подготовкой высококвалифицированных, профессионально ориентированных работников и обусловлены уровнем расходования рабочей силы и величиной затрат на ее воспроизводство. Работник, являясь носителем рабочей силы и субъектом производственных отношений, воздействует на производство, изменяет его, и тем самым совершенствует систему экономических отношений, изменяет свое собственное экономическое поведение. Воспроизводство рабочей силы как совокупности носителей способности к труду связано с численностью населения, и прежде всего его трудоспособной части, качественным составом населения, уровнем его общей и профессиональной подготовки, продолжительностью рабочего дня, с соответствием профессиональной и квалификационной структуры трудоспособного населения и т. д.

С позиций производства человек не только его субъект, но и его конечная цель. Общественный продукт, пройдя через распределение и обмен, завершает свой путь в потреблении. Удовлетворение потребностей человека является естественным конечным назначением общественного производства. Любой предприниматель в своей хозяйственной деятельности преследует цель получить выгоду, но эта цель будет реали-

зована лишь тогда, когда на его продукцию найдется покупатель (потребитель).

С развитием общественного разделения труда, концентрации и кооперации производства происходит дальнейшая дифференциация условий воспроизводства рабочей силы. Разнообразные условия воспроизводства приводят к появлению многочисленного состава работников с определенной внутренней градацией, которая предполагает различие материальных условий жизни и соответствующее им различие доходов. Существуют социальные группы с высокими доходами, занимающие более высокое место в системе распределения, и с низкими доходами, занимающие нижнее место на этой лестнице. Равенство доходов не означает, что их получатели имеют одинаковые условия воспроизводства рабочей силы, а только то, что общественная потребность в их рабочей силе примерно одинакова. Рабочая сила, имеющая более высокую общественную значимость, требует больших издержек для своего поддержания на определенном уровне, а следовательно, и доходов, чем рабочая сила с меньшей общественной значимостью. Определение общественной значимости рабочей силы (навыков, способностей) происходит на рынке в результате ее продажи. Издержки производства товаров и услуг – это издержки и рабочей силы их производителей. Место, которое занимает уровень рабочей силы на шкале доходов, определяется общественной потребностью в ней. Оно неизбежно испытывает влияние колебаний соотношения спроса на рабочую силу и ее предложения, борьбы между предпринимателями и профсоюзами, государственной политики, в частности налоговой и трансфертной, по отношению к различным социальным группам и монополистическим объединениям.

С возрастанием роли научно-технического прогресса происходят реальные сдвиги в жизни общества, изменяется положение населения страны, появляются новые массовые потребности и адекватные средства их удовлетворения. Все эти явления снижают уровень унификации производства и потребления, они серьезно разнообразили возможности проявления человеческой индивидуальности, определили сдвиги в структуре рабочей силы и ее переток из материального производства в сферу услуг и информации. Центр внимания смещается с процессов использования имеющейся рабочей силы на процессы создания качественно новой рабочей силы. Структурные изменения в совокупной рабочей силе, интерес к факторам экономического роста и экономической динамике послужили той объективной основой, на которой будет развиваться теория воспроизводства рабочей силы.

Физическое и интеллектуальное развитие людей, состояние их здоровья, профессиональная подготовка способностей к труду зависят от

объема и структуры питания, потребления бытовых услуг, услуг здравоохранения, просвещения, культуры, профессионального образования и т. д. Способность к труду состоит из приобретенных знаний, навыков, мотиваций и энергии, которыми наделены человеческие существа и которые могут использоваться в течение определенного периода времени в целях производства товаров и услуг. Приобретенные и врожденные качества и характеристики работника признаются особой формой капитала. Их приобретение и развитие требуют значительных затрат времени и материальных ресурсов, и они обеспечивают своему владельцу более высокий доход. В настоящее время утверждается точка зрения, согласно которой капиталом является любой актив – физический или человеческий, обладающий способностью генерировать поток будущих доходов.

Теория человеческого капитала получила развитие в работах Г. Беккера, Дж. Минцера, Т. Шульца, Б. Вейсброда, Б. Л. Хансена и др. Ее корни следует искать в работах А. Смита и В. Петти, К. Маркса, У. Фарра и Э. Энгеля, Т. Витстейна и многих других экономистов прошлого.

Под человеческим капиталом понимаются знания, навыки и способности человека, которые содействуют росту его производительной силы. Производительные качества и характеристики работника были признаны особой формой капитала на том основании, что их развитие требует значительных затрат времени и материальных ресурсов и что они, подобно физическому капиталу, обеспечивают своему владельцу более высокий доход. Важнейшими формами вложений в человека в рамках исследуемой концепции считаются образование, подготовка на производстве, медицинское обслуживание, миграция и др.

В процессе потребительного производства рабочая сила не только воспроизводится, но и совершенствуется, развивается. Происходит своего рода накопление производительной силы труда, созидательных способностей человека, причем в большей степени умственных. Таким образом, в теории человеческого капитала определяются основы политэкономии, озвученные А. Смитом, Д. Рикардо, К. Марксом и др.

Ж. Б. Сей, Т. Мальтус говорили о накоплении способностей человека. Ж. Б. Сэй утверждал, что, поскольку мастерство и способности приобретаются за цену и увеличивают производительность рабочих, они должны рассматриваться как капитал. В. Петти, А. Смит, Дж. С. Милль и К. Маркс включали развитые полезные способности человека в понятие основного капитала. В XIX веке велась дискуссия о необходимости и целесообразности трактовки человека и его способностей как своеобразного основного капитала. Такие известные экономисты, как Ж. Б. Сэй, Дж. Маккуллох, В. Рошер, Г. Маклеод, Л. Вальрас, И. Тюнен, И. Фишер считали возможной

и полезной трактовку человека как основного капитала [1; 196]. К. Маркс подчеркивал, что с точки зрения непосредственного процесса производства развитие человеческих способностей «можно рассматривать как производство основного капитала, причем этим основным капиталом является сам человек» [6; 65].

Из трактовки человека как основного капитала непосредственно вытекала необходимость разработки количественной оценки человеческого капитала. Метод «стоимости производства», восходящий к А. Смиту, заключается в оценивании реальных затрат на «производство человека» (чистого расхода средств существования) [9; 22]. Второй метод – «капитализация заработков» – восходит к В. Петти и заключается в оценивании настоящей (приведенной к настоящему моменту времени) ценности будущего потока доходов индивидуума (чистого или валового дохода) [8; 79–81]. У. Фарр, Э. Энгель, Т. Витстейн разработали методы экономической оценки человека, практически применимые в сфере страхования жизни. Американские экономисты Л. Дублин и А. Лотка усовершенствовали методику Т. Витстейна и Э. Энгеля и сделали ее пригодной для оценки как величины человеческого капитала, так и его компонентов.

Капитал, вложенный в человека, не может продаваться, передаваться или оставаться в наследство по завещанию, как деньги и материальные ценности. Отличаясь по своему содержанию, формирование физического и человеческого капитала (рабочей силы) имеет определенное технико-экономическое сходство: и то, и другое требует отвлечения значительных средств в ущерб текущему потреблению, от обоих зависит уровень развития экономики в будущем, оба типа вложений дают длительный по своему характеру производительный эффект. Образовательные и иные инвестиции в человека стали рассматриваться как источник экономического роста, подобно обычным инвестициям. Более длительное обучение сопровождается нарастанием физических и интеллектуальных нагрузок. Чем больше накоплено человеческого капитала, тем дороже обходится человеку потеря заработков. Поздние инвестиции в образование приносят доход в течение более короткого периода. Анализ процесса воспроизводства рабочей силы в рамках концепции вложенного в человека капитала предполагает, что народное хозяйство включает в себя как материальное, так и нематериальное производство (производство рабочей силы). Знания и навыки, которыми обладает работник и которые приобретены им благодаря образованию и профессиональной подготовке, включая сноровку, получаемую с опытом работы, составляют определенный запас производительного капитала и могут быть накапливаемыми. Денежная ценность этого запаса капитала определяется став-

ками заработной платы, по которым человеческий капитал могут «арендовать» работодатели на рынке труда. Поиск работы и миграция увеличивают ценность человеческого капитала конкретных людей благодаря увеличению ставок заработной платы, получаемой в единицу времени за использование знаний и навыков работника.

В этом процессе потребительного производства рабочая сила не только воспроизводится, но и совершенствуется, развивается. Происходит своего рода накопление производительной силы труда, созидательных способностей человека, причем в большей степени умственных. Рабочая сила, обладая способностью развиваться, имеет тенденцию постоянного обогащения новыми качествами, поэтому издержки воспроизводства рабочей силы не могут быть сведены только к затратам, которые лишь обеспечивали бы сохранение способности к труду. В ходе расширенного воспроизводства происходит не только возмещение, но и накопление элементов воспроизводственного процесса. Расширенное воспроизводство (или накопление рабочей силы) включает, очевидно, не только количественный (рост массы рабочей силы), но и качественный момент (рост уровня рабочей силы). Под ростом уровня рабочей силы в данном случае следует понимать рост ее общеобразовательной и профессиональной подготовки, которая в сочетании с более высокой технической вооруженностью дает более высокий уровень производительности труда. В ходе производства идет процесс накопления технических знаний и навыков, в результате чего всякий раз вступающая в производство рабочая сила оказывается, как правило, лучше подготовленной и, следовательно, более эффективной, чем прежде.

Экономические оценки вложенного в человека капитала широко используются как на микроэкономическом, так и на макроэкономическом уровнях для определения величины национального богатства, потерь общества от болезней и стихийных бедствий, выгоды инвестиций в образование, здравоохранение, миграцию, в сфере страхования жизни и для многих других целей. При анализе современного общества абстрагироваться от вопросов, связанных с воспроизводством развитой рабочей силы, и игнорировать затраты на ее расширенное воспроизводство недопустимо. Интенсивное развитие современной экономики все в большей степени базируется на динамичном развитии главной производительной силы общества – созидательных способностях человека.

Воспроизводство рабочей силы значительно отличается от воспроизводства вещественного продукта. В производстве материально-вещественных компонентов создаваемого продукта сами эти компоненты играют пассивную роль, тогда как в производстве созидательных способностей человека к труду носитель

этих способностей принимает сознательное участие. Более того, без его участия, без вложений его личного труда, его физических и умственных способностей в развитие своей рабочей силы этот вид производства невозможен. Результатом производства физических и умственных способностей к труду является развитая рабочая сила, способная к квалифицированному труду. Сложность, качество труда, если отвлечься от вещественных условий производства, являются характеристикой самой рабочей силы. Развитая рабочая сила проявляется в сложном труде. Величина вновь созданной стоимости определяется произведением сложности труда (количество рабочей силы) на величину рабочего времени, в течение которого осуществляется труд, при прочих равных условиях. Таким образом, развитая рабочая сила способна создавать большую стоимость в течение рабочего времени, чем простая, но так как на ее производство расходуется большее количество общественного труда, то она имеет и большую стоимость воспроизводства.

Процесс воспроизводства рабочей силы человека не заканчивается с его вступлением в трудовую деятельность, а продолжается практически всю его сознательную жизнь. В связи с этим большую роль в развитии рабочей силы играет свободное, вне рабочее время.

Понятие общественных затрат труда во втором виде производства значительно шире понятия затрат труда в материальном производстве, так как включает в себя затраты труда на развитие созидательных способностей человека и производство средств существования и услуг в личном подсобном хозяйстве. Все эти затраты входят в общественные затраты труда в производстве развитой рабочей силы человека и определяют стоимость ее воспроизводства. Категория стоимости рабочей силы близка по своему содержанию понятию издержек воспроизводства рабочей силы, а при расчете ее величины за время жизни человека – сумме пожизненных затрат на содержание человека и инвестиций в человеческий капитал.

Еще одним видом затрат труда на воспроизводство рабочей силы являются затраты личного (внутри семейного) труда в домашнем и подсобном хозяйствах, труда, направленного на личное обслуживание и развитие собственных физических и умственных способностей, труда родителей на обслуживание и воспитание детей и т. п. Все виды затрат труда на воспроизводство рабочей силы можно разделить на четыре группы: 1) затраты благ и услуг, носящих товарный характер, потребление которых оплачивается населением из своих денежных доходов; 2) затраты благ и услуг, не имеющих товарного характера, производство которых осуществляется за счет федерального или местного бюджета, например затраты на просвещение, здравоохранение и т. п.;

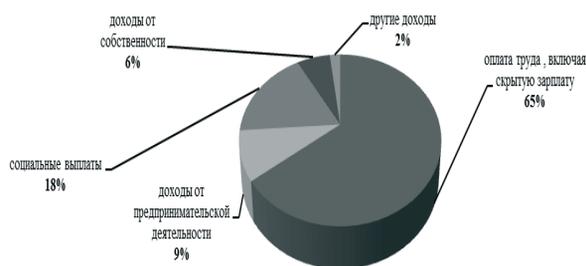
3) затраты труда во внутрисемейном производстве материальных благ и услуг (в домашнем и подсобном хозяйстве); 4) затраты труда граждан на развитие личных физических и умственных способностей (занятия спортом, образование общее и специальное, самообразование и т. п.). Процесс воспроизводства рабочей силы не ограничивается сферой материального производства и все более широко охватывает сферу производства способностей человека к труду. Четвертый вид затрат труда на производство рабочей силы – личный труд ее носителя на развитие и сохранение своих способностей к труду – в меньшей степени поддается учету. Общество может лишь косвенно влиять на объем и эффективность этих затрат, создавая благоприятные условия для общего и специального образования, занятий спортом, творческой активности членов общества, а также морально и материально стимулируя этот вид производства.

К затратам на формирование способностей к труду (инвестиции в человеческий капитал) относятся: прямые затраты, в том числе плата за обучение и другие расходы на образование, смену места жительства и работы; упущенный заработок, являющийся элементом альтернативных издержек, поскольку получение образования, смена места жительства и работы связаны с потерей доходов; моральный ущерб, так как получение образования является трудным и часто неприятным занятием, поиск работы утомляет и истощает нервную систему, а миграция приводит к потере старых друзей и знакомых.

Особое значение сейчас имеет распределительный аспект теории воспроизводства рабочей силы, распределение дохода по факторам производства. Функционирование предприятий и фирм основывается на использовании определенных факторов производства и получении от них соответствующих доходов. Собственники факторов производства всегда претендуют на возмещение вложенных ими затрат. Работодатель, покупая рабочую силу по рыночным ценам, обязан выплатить ее собственнику адекватный доход – заработную плату. Собственники факторов производства представляют собой экономически равноправные субъекты отношений. Доля дохода наемных работников должна быть адекватна рыночной оценке стоимости рабочей силы. Сумма предельных продуктов факторов производства должна находиться в состоянии конкурентного равновесия с общим объемом продукта или национального дохода в целом. Распределение получаемого дохода как разницы между выручкой и факторными доходами должно осуществляться между владельцами факторов производства. Доля собственника рабочей силы (работника) определяется отношением дохода данного фактора производства к национальному доходу или на уровне фирмы – к соз-

данной стоимости. Эта величина будет зависеть от динамики цены рабочей силы, соотношения спроса и предложения рабочей силы, условий технологичности производства и др.

Определение стоимости рабочей силы позволяет ее собственнику получить определенную часть общественного продукта. Характер распределения доходов между собственниками факторов производства убедительно показывает, что продажа рабочей силы остается основным и значимым источником доходов населения страны. Так, по данным Министерства труда и занятости Республики Карелия, в 2010 году оплата труда составила 65 % всех денежных доходов населения республики.

Состав денежных доходов населения в Карелии в 2010 году

В совокупном доходе домашних хозяйств доля доходов от наемного труда значительно преобладает. Данная структура не менялась на протяжении многих десятилетий. Так, в 1975 году оплата труда составляла в структуре денежных доходов жителей Республики Карелия 80,7 %, в последнее время доля варьировалась от 62,8 % в 2000 году до 68,4 % в 2008 году [4]. Если сравнить данные по Карелии и Российской Федерации в целом, то в 2009 году это значение в Карелии составило 66,9 %, а по России – 41,2 % (наименьшее значение в Республике Дагестан – 11,4 %, а наибольшее – в Чукотском автономном округе – 83,3 %).

Кризис 2008–2009 годов внес свои коррективы в динамику уровня доходов населения Каре-

лии. В 2009 году среднемесячная номинальная начисленная заработная плата выросла с 16 892,9 руб. до 18 394 руб., или на 10,88 %. Темпы роста показателя по сравнению с 2008 годом (26,6 %) существенно снизились, что связано со снижением на многих предприятиях внебюджетного сектора экономики расходов на оплату труда. В 2010 году темпы роста среднемесячной начисленной заработной платы составили 10,9 % к 2009 году (по Северо-Западному округу и РФ данный темп роста составил около 12,5 %). В 2011 году значение этого показателя колебалось в пределах 8–10 % [2]. Динамика темпов роста номинальной начисленной заработной платы оказывает влияние на уровень реальной заработной платы. В 2009 году реальная заработная плата по сравнению с предыдущим годом составила 98,1 %. По названному показателю в 2010 и 2011 годах ситуация с уровнем реальной заработной платы несколько улучшилась и темп роста составил 101,5 %, и 102,5 % соответственно, то есть произошло увеличение реальных располагаемых денежных доходов работающего населения. Средняя заработная плата по полному кругу предприятий и организаций республики за 2011 год составила 22 273 руб., или 111,3 % к 2010 году. Соотношение средней заработной платы крупных и средних предприятий и прожиточного минимума трудоспособного населения (7854 руб.) за 2011 год по республике составило 2,84 раза.

Рабочая сила постепенно превращается из простой в сложную, с высокоразвитыми эмоционально-психическими и физическими качествами. Производство и воспроизводство рабочей силы превратилось в одну из крупнейших и относительно самостоятельных сфер экономики. Исследование данного вида производства позволяет проанализировать весь кругооборот рабочей силы, сделать определенные оценки нынешнего положения экономики России, наметить перспективы ее развития.

* Исследование выполнено по заданию Министерства образования и науки РФ, регистрационный номер проекта 01201253373, и при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- А га п о в а Л. И. История экономической мысли. М.: Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ»: ЭКМОС, 1998. 248 с.
- Б е к к е р Г. Человеческое поведение: экономический подход: Избр. тр. по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 650 с.
- Информация к заседанию коллегии Министерства труда и занятости Республики Карелия 29.06.2011 года / Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/Power/Office/Job/110701.html>
- К о р и ц к и й А. В. Человеческий капитал как фактор экономического роста регионов России / Сибирский университет потребительской кооперации. Новосибирск, 2010. 368 с.
- М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Собр. соч.: В 50 т. М.: Политиздат, 1953. Т. 23. 900 с.
- Неопубликованные экономические рукописи К. Маркса // Большевик. 1932. № 15. С. 55–63.
- Объем и структура денежных доходов населения по источникам поступления / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/level/b273bf80446245b682bcb26964b99b0f#>
- П е т т и В. Экономические и статистические работы. М.: Директ-Медиа, 2007. 324 с.
- С м и т А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Наука, 1993. 199 с.

ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА МАРТЮКОВА
преподаватель кафедры экономической теории и менеджмента экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
martyukova_e@mail.ru

ОПОРТУНИЗМ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ РОССИИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ*

В статье рассматриваются институциональные особенности российской банковской системы, способствующие усилению тенденций к оппортунистическому поведению; ставится вопрос о необходимости изменения структуры собственности, контроля и управления в целях сокращения издержек оппортунистического поведения для народного хозяйства в целом.

Ключевые слова: оппортунизм, институты, госбанки, стратегия «окапывания», треугольник «собственность – контроль – управление»

В функции банков, вне зависимости от того, в какой конкретно экономике они действуют, входит аккумуляция денежных средств и накоплений, кредитование, проведение денежных расчетов и др. В то же время правила работы банковских учреждений, характер собственности, функционирующая институциональная среда различаются в экономиках разного типа.

Формирование и развитие российской банковской системы проходило иначе, чем в большинстве развитых стран. И прежде всего это связано с ролью государства в данном процессе. В развитых странах в большинстве случаев первыми на банковском рынке формировались негосударственные кредитные организации. Государственное вмешательство в банковскую деятельность началось только в XIX веке, когда появился институт центральных банков. Формирование же банковской системы России происходило иначе, на основе *top-down model*, то есть на основе средств, поступающих «сверху» из государственных источников, а не средств экономических агентов [5]. Первые банки, появившиеся в нашей стране гораздо позже, чем в западных странах, в 30-е годы XVIII века, создавались на государственные деньги. Частные коммерческие банки в Российской империи начали развиваться только столетие спустя, с 60-х годов XIX века.

Огосударствление банков в советский период приобрело тотальный характер с введением государственной монополии на банковское дело. Возрождение частных банков произошло в ходе реформирования банковской системы в 90-е годы XX века. Примечательно, однако, что в результате реформы в России не осталось ни одного банка (за исключением центрального), который был бы стопроцентно государственным. Даже банки, которые в обиходе продолжают называться государственными (например, Сбербанк), по сути таковыми не являются, поскольку существуют в

форме акционерных обществ, пусть и со значительной долей государства.

Отметим, что на этапе формирования рыночной банковской системы Госбанк СССР одновременно выступал в качестве первого уровня зарождающейся двухуровневой банковской системы (то есть «банка банков» и надзорного органа) и ее второго уровня – сети банковских учреждений, по-прежнему реализующей банковские услуги, составляя конкуренцию вновь создаваемым кооперативным и коммерческим банкам.

Помимо этого, Госбанк выступил в роли «государства в государстве», так как соответствующего текущей ситуации законодательства не было, а банки уже были зарегистрированы. Данное положение существует и сегодня. Банк России как преемник Госбанка по-прежнему выступает одновременно и законодателем, и контролером, и регулятором, и регистратором, и банком банков, и коммерческим банком с особым статусом и ограниченным функционалом (часть банковских операций осуществляется непосредственно подразделениями Банка России), и собственником коммерческих банков (Банк России по-прежнему является главным акционером Сбербанка). Правительство декларирует вывод Сбербанка из собственности Банка России, однако с 2000 года доля ЦБ в капитале крупнейшего акционерного банка страны остается неизменной (57,6 %).

Таким образом, исторические особенности формирования банков в России обусловлены высокой степенью государственного участия в этом секторе даже в условиях рыночной экономической системы. По оценкам А. Верникова, доля банков, находящихся под контролем государства, составляет около 59 % по состоянию на 2010 год [3].

Особенности исторического развития, а также существующие противоречия в правовой базе современной банковской системы России созда-

ют стимулы к оппортунистическому поведению в банковской среде, а значит, могут увеличивать издержки функционирования народного хозяйства в целом.

Представляется, что при анализе издержек оппортунистического поведения в банковском секторе целесообразно выделить несколько уровней оппортунистических потоков. Микроуровень – это оппортунистические потоки, возникающие внутри банка как экономической единицы. Мезоуровень – это, во-первых, оппортунизм в отношениях между конкурирующими коммерческими банками, во-вторых, в отношениях с заемщиками и кредиторами в лице предприятий и домашних хозяйств. Оппортунистические потоки макроуровня возникают в отношениях коммерческих банков с регулятором банковской системы – ЦБ РФ (см. рисунок).

Оппортунистические потоки в банковской системе

С точки зрения масштабов влияния на состояние народного хозяйства в целом наиболее интересны оппортунистические потоки макроуровня. Однако в силу специфической структуры собственности, сложившейся в российской банковской системе, особое значение приобретают оппортунистические потоки микроуровня, на которых мы и остановимся в настоящей статье.

Как было отмечено выше, российскую банковскую систему отличает высокая доля государственного участия. При этом государственный сектор в банковской системе не ограничивается собственностью федеральных органов исполнительной власти и Банка России, а включает также банки, подконтрольные региональным и муниципальным властям, государственными компаниям и корпорациям [3], [6].

Среди стран Центральной и Восточной Европы с переходными экономиками по удельному весу государственного сектора в банковской системе Россия уступает только Белоруссии [3], [6]. Более того, если практически во всех европейских странах с переходной экономикой государство выходит из банковской деятельности (Венгрия, Болгария, Словакия, Чехия), то в России и Белоруссии происходит движение в обратном направлении. Можно говорить о том, что в России происходит «выдавливание и размывание частного сектора», а также «возврат к государственной кредитной системе» [4].

Еще одной важной тенденцией, заслуживающей внимания, является то, что прямое государственное участие в капитале коммерческих банков постепенно замещается косвенным [4]. Среди банков, подконтрольных государству, сегодня

наиболее динамично растут учреждения, принадлежащие ему не напрямую, а опосредованно через государственные компании, банки и корпорации. При этом государство довольно часто использует стратегию «окапывания» («entrenchment») [8] от внешних акционеров: получают распространение пирамидальной формы, во главе которых находится крупный государственный банк или компания, чаще всего – сырьевая или транспортная монополия. Структура верхнего уровня имеет контрольный пакет акций в компании на один уровень ниже, и так далее по цепочке. Примером такой структуры является ОАО «Газпром», контролируемое государством (доля Российской Федерации – более 50 %). С ОАО «Газпром» аффилирован «Газпромбанк», которому, в свою очередь, принадлежит несколько дочерних банков (ГПБ-Ипотека, Кредит-Урал и др.). По формальным признакам все эти банки нельзя включать в число контролируемых государством, однако содержательный анализ требует их включения.

Реализация стратегии «окапывания» имеет два важных последствия. Во-первых, занижаются истинные масштабы государственного присутствия в экономике, что может быть предпочтительно для отдельных лиц с политической и пропагандистской точек зрения. Во-вторых, возникают благоприятные условия для оппортунистических действий со стороны инсайдеров данных банков – их высших менеджеров, членов руководящих органов и чиновников-«кураторов» от государственных ведомств. Каждый дополнительный уровень вертикальной структуры ослабляет контроль за использованием общественных фондов денежных средств. Появляется возможность при желании нейтрализовать любые управляющие импульсы от центра к адресату, которые противоречат интересам инсайдеров. Это может касаться дивидендной политики, распоряжения активами, состава органов управления и их вознаграждения, направлений кредитования, сделок с аффилированными сторонами.

Таким образом, государство несет бремя рекапитализации и поддержки ликвидности таких банков, не получая при этом практически никаких выгод от владения ими.

Так, именно государственным банкам было выделено в период кризиса 2008–2009 годов более триллиона рублей субординированных кредитов под 8 % годовых до 2020 года. Однако именно эти банки были лидерами в повышении во время кризиса процентных ставок за кредиты. В то же время государственные банки пользуются большим доверием у населения, что позволяет поддерживать стоимость фондирования на более низком уровне [11].

Кроме того, в период плавной девальвации рубля в кризис с ноября 2008 года по январь 2009

года банки направляли часть средств, полученных в виде кредитов ЦБ, не на кредитование реального сектора, а в валютные спекуляции, что позволило им заработать, по оценкам Агентства по страхованию вкладов, 800–900 млрд руб.

Помимо всего прочего, подобные банки могут рассчитывать на поддержку в виде преференций, включая административные. Так, например, в 2009 году был принят порядок, согласно которому в список банков, уполномоченных выдавать льготные автомобильные кредиты по программе господдержки, могли включаться только те, в уставном капитале которых доля участия государства или Банка России составляла не менее 50 % [13].

Еще одним примером оппортунизма высших менеджеров явилась выплата многомиллионных бонусов по итогам деятельности в кризисные 2008–2009 годы и посткризисный 2010 год даже теми банками, которые получили помощь от правительства. По данным информационного агентства «РИА Новости», в 2008 году сумма выплат членам правления Сбербанка РФ (заработная плата, премии) составила 933,6 млн руб. (по 40,6 млн руб. на каждого из 23 членов правления); сумма доходов, выплаченных Газпромбанком всем членам Совета директоров (12 человек), составила 735,1 млн руб. (61,3 млн руб. на каждого); ВТБ-24 – 155,4 млн руб. (по 17,3 млн руб. на каждого из 9 членов) [2]. При этом, например, ВТБ получил около 600 млрд руб., Газпромбанк – 305 млрд руб. в виде правительственной помощи для борьбы с кризисом.

В 2009 году банковская рецессия продолжалась, и поэтому начали вспыхивать скандалы по поводу выплат топ-менеджерам многомиллионных бонусов. Однако угрозы государства контролировать объемы банковских бонусов в РФ остались угрозами: государственное регулирование этих выплат по итогам работы 2009 и 2010 годов так и не было введено.

В 2010 году большинство российских банков получили прибыли и снова начислили крупные бонусы. По данным Ассоциации российских банков, некоторые банки решили уменьшить ежегодные выплаты, однако они имели внушительные размеры даже в сравнении с бонусами зарубежных банков (см. таблицу).

Подобное поведение было характерно и для банкиров других стран. Наиболее крупный скандал произошел в Ирландии в 2009 году. Оказавшийся на грани банкротства Allied Irish Bank получил от правительства огромную сумму в 3,5 млрд евро, из которой 40 млн евро начислил своим топ-менеджерам в виде премиальных. Однако в ответ на подобный оппортунизм банковских менеджеров к 2010 году правительства США и многих стран ЕС приняли ряд серьезных мер, направленных на ограничение бонусов.

Наиболее крупные размеры бонусных премиальных по банкам мира за 2010 год [7]

Банк	Общая сумма бонусов за 2010 год, долл.	Премиальные руководства, долл.
«Goldman Sachs»	15,4 млрд	12,6 млн
«UBS»	4,3 млрд	–
«JPMorgan Slashes Investment Bank»	1,6 млрд	17 млн
«Citigroup and Merrill Lynch»	1,6 млрд	9 млн
«Royal Bank of Scotland Group»	841 млн	4 млн
«Bank of America»	800 млн	4 млн
«Сбербанк»	32,80 млн	2,3 млн
«ВТБ 24»	25,23 млн	15,8 млн
«Morgan Stanley»	4,48 млн	1,7 млн
«Транскредитбанк»	16,90 млн	–
«Альфа-банк»	15,10 млн	–
«Банк Москвы»	14,42 млн	2,7 млн
«Московский индустриальный банк»	13,52 млн	–
«Промсвязьбанк»	9,30 млн	–
«Банк «Санкт-Петербург»	8,76 млн	–
«ХКФ-банк»	8,61 млн	3,13 млн
«ВТБ Северо-Запад»	8,59 млн	–
«МДМ-банк»	8,51 млн	–
«Русский стандарт»	7,99 млн	5,6 млн
«Уралсиб»	7,71 млн	–
«Росбанк»	7,18 млн	–
«Barclays Bank»	7,00 млн	5,6 млн
«Нордеа»	6,83 млн	–
«Мастер-банк»	6,38 млн	4,4 млн
«Райффайзенбанк»	6,22 млн	2,42 млн
«Возрождение»	6,19 млн	–
«ВТБ»	5,81 млн	–
«Россия»	4,96 млн	–
«Россельхозбанк»	4,65 млн	–
«Ренессанс Капитал»	4,44 млн	2,96 млн
«Зенит»	4,38 млн	–
Deutsche Bank	3,9 млн	0,15 млн
«Юникредит»	3,88 млн	–
НБ «Траст»	3,88 млн	2,2 млн
«Глобэкс»	2,79 млн	–

Правительство России также одобрило разработанные Минэкономразвития РФ принципы унификации оплаты труда работников государственных компаний и банков с государственным участием. Однако начало поэтапного внедрения новой системы было запланировано лишь на 2012 год. На сегодняшний день в России, в отличие от США, размер вознаграждений топ-менеджменту даже не фиксируется в трудовом договоре. Сверхприбыли банков, начисляемые членам правления, – это в конечном итоге недополученная прибыль клиентов банков – граждан России.

Таким образом, «госбанки», являясь акционерными обществами, не выполняют государственных функций, а являются коммерческими

банками, нацеленными на извлечение прибыли. Они конкурируют по всем направлениям банковской деятельности с частными банками. В этом случае можно говорить о приватизации прибылей и национализации убытков, то есть оппортунистическом поведении инсайдеров банка по отношению к государству и интересам общества.

В банковском секторе России, где около 60 % активов так или иначе контролируются государством, складывается следующая ситуация: и собственником, и контролером, и управляющим формально является государство в лице конкретных чиновников, юридически обязанных защищать интересы государства, однако имеющих и собственные частные интересы. В условиях сложившейся в России структуры собственности, контроля и управления в банковской системе, а также отсутствия контроля со стороны граждан-

ского общества, в отличие, например, от США, где существуют Совет по вопросам интересов потребителей, Совет по сберегательным учреждениям, играющие не последнюю роль в банковской системе, у инсайдеров госбанков нет заинтересованности в улучшении институтов и изменении типа взаимоотношений с государством.

Таким образом, оппортунистические действия инсайдеров государственных банков на микроуровне приводят к последствиям и издержкам для всей банковской системы и народного хозяйства России в целом. Оппортунистические потоки на микроуровне трансформируются в оппортунизм на макроуровне. Представляется, что решение данной проблемы – в изменении конфигурации треугольника «собственность – контроль – управление» и структуры стимулов в банковской системе России.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банки с госучастием будут ежемесячно наращивать кредитные портфели [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gian.ru/crisis_news/20090130/160556311.html
2. Бонусы топ-менеджеров российских банков и госкомпаний. Справка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gia.ru/economy/20090403/166979843.html#ixzz24V9utKdu>
3. Верников А. В., Кирдина С. Г. Эволюция банков в X- и Y-экономиках // Эволюционная экономика и финансы: инновации, конкуренция, экономический рост: Материалы VIII междунар. симпозиума по эволюционной экономике, г. Пущино, Московская область, Россия, 17–19 сентября 2009 года / Под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной. М.: Институт экономики РАН, 2010. С. 246–280.
4. Верников А. В. Доля государственного участия в банковской системе России // Деньги и кредит. 2009. № 9. С. 4–14.
5. Верников А. В. Рыночная доля банков с государственным участием в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mpira.ub.uni-muenchen.de/17897>
6. Глушкова Е. А. Банки с государственным участием в системе финансового посредничества на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. 26 с.
7. Капелюшников Р. И. Концентрация собственности и корпоративное управление. Препринт WP1/2005/03. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 40 с.
8. Какие премиальные скрывают топ-менеджеры банков России и мира от своих клиентов? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.profi-forex.org/news/entry1008066516.html>
9. Королева А. Активная пятерка // «Expert Online» 03.04.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://expert.ru/2012/04/3/aktivnaya-pyaterka/>
10. Обзор банковского сектора Российской Федерации. Февраль. Сайт ЦБ РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cbr.ru/analytics/bank_system/obs_1202.pdf
11. Обзор депозитов Сбербанка России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pocreditu.ru/depozity/obzor-depozitov-sberbanka-rosi.html>
12. Сбербанк России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sbrf.ru/moscow/ru/investor_relations/information_for_shareholders/share_capital_structure
13. ФАС предлагает либерализовать льготные автокредиты // Газета «Коммерсантъ». № 164 (4219). 05.09.2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/1233304/print>

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНОВ

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и конституционного права, декан юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
schernov@karelia.ru

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ПЕРЕТЯТКО

аспирант кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
meletron@inbox.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Важными элементами государственной миграционной политики РФ являются создание условий для адаптации и интеграции, защита прав и свобод, обеспечение социальной защищенности.

Ключевые слова: миграционные процессы, миграционная политика, трудовые мигранты, миграционный режим, межнациональные проблемы, иммиграционная политика, легитимизация иммигранта, политика натурализации

Комплексное исследование теоретических и практических проблем административно-правового регулирования миграционных отношений необходимо для повышения эффективности государственного управления миграционными процессами, устранения пробелов и интеграции административно-правового и международно-правового регулирования отношений в сфере миграции населения, формирования научно обоснованной концепции административно-правового регулирования миграционных отношений в РФ.

Миграционная политика – это система принципов, целей, действий, направлений развития общественных отношений в сфере миграции, норм миграционного законодательства, с помощью которых государство регулирует потоки переселенцев. Государственная миграционная политика должна быть направлена на решение проблем по перемещению, переселению, размещению, обустройству и интеграции физических лиц на территории государства и в отдельных его регионах. Кроме того, государственная миграционная политика РФ направлена на содействие устойчивому росту экономики, социальному и демографическому развитию, защите национальных интересов РФ. Миграционная политика должна иметь три отдельных направления: привлечение в страну трудовых ресурсов, прием в соответствии с международными обязательствами России беженцев и вынужденных переселенцев и пресечение нелегальной миграции. Анализ миграционных процессов за последние десять лет свидетельствует: Россия не имеет взвешенной и эффективной миграционной политики. Декларативный лозунг «Россия примет всех...» не подкреплен четкой политической волей, научно-методическим обоснованием, эффективными организационными и финансово-экономическими

механизмами [11]. Есть ряд требований, без которых выполнение миграционной политики будет не только неэффективным, но и вредным для государства. Миграционная политика должна строго соответствовать нормам Конституции Российской Федерации, других законов Российской Федерации, двухсторонних международных соглашений, международных договоров и конвенций, подписанных и ратифицированных Россией. У иностранцев не должно быть никаких исключительных преимуществ и привилегий по сравнению с коренным населением страны. Если это произойдет, в обществе будет усиливаться социальная напряженность, распространяться ксенофобия, а также увеличится эмиграционный отток населения.

Как отмечает в своей статье главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, профессор, доктор экономических наук Л. Л. Рыбаковский, в XXI столетии изменились условия и механизмы привлечения, а тем более использования иностранных трудовых мигрантов, особенно их нелегальной составляющей, во много раз превышающей легальную. Это создает целый букет проблем, среди которых криминальные, медико-санитарные и некоторые другие аспекты являются второстепенными по сравнению с влиянием этого явления на социально-экономическое и научно-техническое развитие России. Л. Л. Рыбаковский обращает внимание на то, что широкое применение трудовых мигрантов на неквалифицированных работах и мизерная оплата их труда негативным образом возвращаются снижением оплаты труда российских работников, кроме того, мигранты согласны на худшее качество охраны труда, что также отражается на общем уровне работ. В то же время сегодня труд мигрантов является важным

фактором экономического развития России, пополнения трудовыми ресурсами малого и среднего бизнеса. Благодаря их труду в стране создается 3–5 % ВВП [9; 24]. Однако поступающие в Россию трудовые ресурсы вовсе не блещут высокой квалификацией. Из 983 300 человек, которые, по данным ФМС, в конце июня имели действующее разрешение на работу, только 10 000 (1,1 %) имели трудовые навыки высокого уровня. Правда, среди них есть специалисты среднего уровня, однако треть – неквалифицированные рабочие. В основном они приехали из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Дальнее зарубежье с низким уровнем жизни поставляет мигрантов в гораздо меньших количествах: Китай дал 76 000 человек, Турция – 22 500, Северная Корея – 20 000. Самые дисциплинированные мигранты в плане возврата на родину – из КНДР. Четвертая часть учтенных иностранцев (245 000 человек) трудятся на горных, горно-капитальных, строительномонтажных и ремонтно-строительных работах, то есть в тех областях, где тяжелые условия труда и не очень высокая по российским меркам зарплата. 68 000 мигрантов работают водителями [8].

Общие обязательства для государств предусматривают необходимость устанавливать определенную систему норм административного права, определяющих миграционный режим или формирующих определенный элемент содержания статусного состояния мигранта. Так, ч. 1 ст. 44 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 года предусматривает общую обязанность принимать надлежащие меры для обеспечения защиты единства семей трудящихся-мигрантов. Как отмечает А. Н. Жеребцов, международный договор не определяет, какие конкретно меры должно принять для этого государство. Претворение в жизнь указанных мер является компетенцией государства, и государство самостоятельно в решении данной проблемы. Однако эти меры могут быть осуществлены только путем внесения в действующие правовые акты нормы о защите единства семей трудящихся-мигрантов [5].

24 августа 2012 года в Саранске прошло первое совещание созданного Президентом РФ Совета по межнациональным проблемам. На совещании было отмечено, что по количеству прибывающих мигрантов Россия уже вышла на второе место в мире после США. Были проанализированы события последнего времени в Кондопоге, Сагре, на Манежной площади. По мнению руководства страны, во всех этих конфликтах вина в большей степени лежит на местных властях и правоохранительных органах. «Коррупция, предвзятость представителей госорганов, их неспособность обеспечить справедливость, защитить права людей становятся питательной базой и почвой для межнациональной напряженности» [10], – отметил В. В. Путин.

Практически треть всех новорожденных в Москве – дети мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья, сообщает издание «Версия». Еще одна проблема – отказные младенцы. По официальным данным 330 новорожденных были оставлены в роддомах Москвы в 2011 году. И почти треть оставленных – дети иностранцев [2].

Максимальное число отказных младенцев рождены женщинами Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Молдовы и Украины. «Московские детские дома переполнены детьми от трудовых мигрантов, – отмечает омбудсмен П. Астахов. – Ситуация с положением женщин-мигранток очень сложная, они первые в списке тех, кто имеет самые большие риски насилия, как физического, так и сексуального. В частности, в случае беременности после изнасилования деваться женщине просто некуда» [3]. «Каждый пятый житель России конкурирует на рынке труда с мигрантами. Неконтролируемый приток дешевой рабочей силы из азиатских республик бывшего СССР привел к тому, что трудовые мигранты становятся все более заметным явлением на российском рынке труда, вытесняя с него коренное население», – пишет сайт «Столетие.ру» [7].

ФМС РФ предлагает увеличить срок лишения свободы за незаконное пересечение границы с двух до пяти, а в некоторых случаях и до десяти лет. В отношении ранее депортированных мигрантов и вновь прибывших в страну без разрешения возможен пятилетний срок. Также наказанию подвергнутся иностранные граждане, которые должны быть депортированы, но покинули место, где они должны пребывать, до того момента. Планируется внести в Жилищный кодекс и КоАП ограничение количества человек, пользующихся одним помещением. Если общая площадь, приходящаяся на человека, после заселения составляет менее 6 м², то квартирой или домом пользоваться будет запрещено. Поправка не касается членов семьи [8].

Один из аспектов миграционной политики до 2025 года – ужесточение мер в отношении иностранцев. Ее утвердил президент РФ В. В. Путин в июне 2012 года. В настоящий момент в России незаконно работают от 3 до 5 млн иностранных граждан. Для них созданы так называемые «доходные дома» – общежития, сдающиеся по льготным ценам. Однако большинство приезжих предпочитают проживание по несуществующим адресам. В этом есть вина работодателей: так им проще уходить от налогов.

В современной российской действительности, в условиях, когда незаконный труд иностранных граждан начинает приобретать угрожающие масштабы, основной акцент в миграционной политике делается на приемах и способах, которые основаны на принуждении, то есть изначально незаконная миграция оценивается как противоправное явление, к которому сложно применить

какие-либо регулирующие и стимулирующие меры. Можно согласиться с властью в том, что административная ответственность наряду с функцией охраны правоотношений выполняет функцию регулирования миграционной сферы. Регулятивная функция административной ответственности устанавливает запреты, позитивные обязывания и тем самым закрепляет и предопределяет поведение субъектов административной ответственности. Проанализировав ситуацию с миграционной политикой в РФ, можно сделать вывод, что не сама миграция приводит к негативным последствиям, а неумелое управление и неумение использовать ее потенциал в нужном направлении. Из этого следует, что главной задачей российской власти в сложившейся ситуации является корректирование экономической политики с целью выхода из тени огромных сегментов экономики и изменение миграционной политики с целью эффективного для государства и для человека участия мигрантов в национальной экономике.

Системный и комплексный подход при изучении процесса административно-правового регулирования миграционных отношений позволяет проанализировать существующие проблемы миграции населения и внести предложения по формированию концепции государственного управления миграционными процессами в РФ, а также обосновать ряд теоретических выводов, которые легли бы в основу предложений по дальнейшему совершенствованию законодательства в данной сфере, и рекомендаций, адресованных правоприменительным органам.

Начиная со следующего года мигранты, приезжающие в Россию на работу, будут обязаны сдавать экзамен по русскому языку [6]. Об этом сообщает РИА «Новости». Данное положение заложено в концепцию государственной миграционной политики до 2025 года. Законопроект об экзамене поступит в правительство России в четвертом квартале нынешнего года, а во втором квартале следующего будет внесен в Госдуму. Мигрантам, помимо русского языка, потребуются знание истории России и основ ее законодательства. Экзамены по этим дисциплинам им также придется сдавать в обязательном порядке. Концепция миграционной политики до 2025 года была подписана в апреле 2012 года президентом Д. Медведевым [10]. Документ предусматривает для иностранных граждан обязательное знание русского языка. Кроме того, разрешение на работу они будут получать только после прохождения медицинского освидетельствования.

Особое геополитическое положение Российской Федерации создает ситуацию, в которой, во-первых, Россия становится территорией притяжения беженцев, во-вторых, сроки их пребывания в стране могут быть весьма продолжительными из-за невозможности получения убежища

в третьих странах. Определенная категория иностранцев включает граждан из государств дальнего зарубежья, в основном Азии и Африки. Ситуацию осложняет то, что основная масса этих лиц имеет значительную этнокультурную дистанцию, не знает русского языка, совершенно не знакома с российским бытом и законодательством. Большая часть этой категории иностранных граждан рассматривает Россию только в качестве транзитного пункта и пытается любыми способами выехать в развитые страны, чаще всего избегая учета и регистрации. В то же время среди иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся в настоящее время на российской территории, имеются желающие получить статус беженца, политическое убежище и натурализоваться именно в России. Затраты на адаптацию и размещение этой категории, согласно действующему законодательству и конвенции ООН 1951 года, целиком должны осуществляться за счет средств федерального бюджета, что в настоящее время является непосильным бременем для РФ. Следует отметить, что специфика этой категории мигрантов требует привлечения к работе с ними большого числа специалистов со знанием редких языков, а содержание лиц, ищущих убежища в России, только во время рассмотрения их ходатайств оценивается десятками миллионов рублей на одну семью.

На прошедшем в Саранске совещании Совета по межнациональным проблемам президент обратил внимание на вопросы образования. По мнению В. В. Путина, модернизация страны должна коснуться и миграционных процессов. Он выдвинул предложение организовать сеть государственных адаптационных курсов не только для самих трудовых мигрантов, но и для их детей, настоял на создании надлежащих условий для интеграции и сказал, что права и свободы приезжих необходимо защищать. Вместе с тем президент убежден в том, что подобные действия должны исходить и с их стороны: «Мигранты должны соблюдать требования российских законов и миграционных правил, с уважением относиться к нашим традициям, культуре, поведенческим нормам тех регионов, в которые они прибывают». По его мнению, это поможет избежать формирования замкнутых этнических групп. Он обратился к членам Совета с просьбой помочь с формированием «Перечня ста книг», в которых говорится о взаимодействии народов и народностей, исторически проживающих на территории РФ [10].

Иммиграционная политика России должна удовлетворять ряду требований. Критерии отбора должны быть ясными для иммигрантов и проводящих его лиц; переезд и легитимизация иммигранта не должны быть перегружены излишними процедурами, иначе растёт нелегальная иммиграция и коррупция; правила иммиграционной политики не должны часто меняться,

поскольку как иммигранты, так и работодатели строят определенные планы на будущее; иммиграционная политика должна быть обеспечена финансовыми и материальными ресурсами, профессиональными кадрами; цели и направления политики должны быть полно и в доступной форме представлены в СМИ. Необходимо отметить и то, что иммиграционная политика должна быть дифференцированной в зависимости от категории мигрантов, от целей и сроков их пребывания в России. Основными объектами в области регулирования иммиграционных потоков и интеграции должны быть следующие категории иммигрантов: постоянные иммигранты (переселенцы), временные мигранты, беженцы и вынужденные переселенцы [4]. Важно, чтобы миграционная политика была согласована с другими направлениями политики государства: с социальной политикой, политикой в области занятости и трудовых отношений, политикой в сфере общественной безопасности, внешней политикой государства. При разработке миграционной политики должны приниматься во внимание перспективы интеграции России с другими государствами. Миграционная политика должна быть согласована на федеральном и региональном уровнях. Регионы могут инициировать реализацию или отказ от осуществления тех или иных иммиграционных программ.

В Российской Федерации политика, затрагивающая проблемы миграции, состоит из трех составных частей:

1. Иммиграционная политика, или политика иммиграции, касающаяся вопросов предостав-

ления тем или иным лицам права на постоянное место жительства, контроля за нелегальной иммиграцией, социального обеспечения легальных (и нелегальных) иммигрантов;

2. Натурализационная политика, или политика натурализации, связанная с условиями и процедурой предоставления гражданства легальным иммигрантам;

3. Политика социокультурной интеграции, касающаяся проблем включения иммигрантов в общественную жизнь страны. При этом интеграция предполагает, что иммигранты не должны терять своей культурной самобытности. Интеграция включает в себя и отказ от деятельности, направленной на подрыв государства

Натурализация – это политика, осуществляемая государством в отношении иммигрантов, которая касается проблем включения новых жителей страны в ее социокультурный и политический состав.

Разделение компетенции федеральных органов исполнительной власти в сфере правового регулирования миграции, а в рамках миграции – интеграции и адаптации по-прежнему остается одним из дискуссионных вопросов. Масштабность и сложность миграционной политики не позволяют однозначно определить перечень исполнительных органов, осуществляющих управление миграцией в РФ.

Можно сделать вывод о том, что назрела необходимость привести все законодательные акты о миграции в единую систему. Этого можно достичь путем разработки миграционного кодекса РФ.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ИСТОЧНИКИ

1. Концепция миграционной политики до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/19099.html>
2. Отчет Департамента молодежной и семейной политики г. Москвы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dsmp.mos.ru/kaisext>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

3. В л а с о в а И. Как неродные [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://versia.ru/>
4. Д е н и с е н к о М., Х а р а е в а О., Ч у д и н о в с к и х О. Пути реформирования иммиграционной политики России / Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М., 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/strategii/>
5. Ж е р е б ц о в А. Н. Проблемы реализации норм международного «мягкого права» в административном механизме регулирования миграции населения // Административное и муниципальное право. 2009. № 7. С. 41–49.
6. Мигранты будут сдавать экзамен по русскому языку [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/08/25/gynok-truda>
7. Мигранты: низы и верхи. Столетие.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stoletie.ru/obschestvo/migranty>
8. Р о м а н о в А. Миграционная политика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.km.ru/vrossii/2012/09/05/migratsionnaya-politika>
9. Р ы б а к о в с к и й Л. Л. Концепция миграционной политики России в свете ее национальной безопасности // Миграционное право. 2010. № 3. С. 56–64.
10. С е м и н а Д. Путин: на пути к гармонии в межнациональных отношениях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/08/28/zdravookhranenie-i-meditsina-vputin>
11. Соотечественники, которые нам не нужны? Информационный вестник Генерального консульства РФ в Оше [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dipkurier.narod.ru/dip02/migration1.htm>
12. ФМС решила ужесточить законодательство в отношении мигрантов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/08/03/>

ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА СУХАНОВА

заместитель начальника учебно-методического отдела, Управление Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации по Республике Карелия, преподаватель Северного филиала Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (Петрозаводск, Российская Федерация)
suhanova-tatyana@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

Рассматриваются основополагающие принципы исполнительного производства в России и Финляндии. В настоящее время системы принудительного исполнения данных государств имеют много общего. Исследуются концептуальные основы и перспективы преемственности положительного опыта зарубежных коллег.

Ключевые слова: исполнительное производство, принципы исполнительного производства, системы принудительного исполнения

Исполнительное производство, являясь заключительной стадией гражданского, уголовного, арбитражного, административного процессов, призвано восстанавливать нарушенные права и законные интересы участников различных отраслей права, реализовывать санкционные меры органов государственной власти, содействовать реализации правосудия посредством исполнения решений судов и иных органов.

Принудительное исполнение юрисдикционных актов является неотъемлемой частью правосудия. В решениях Европейского суда по правам человека последовательно находит свое отражение позиция, согласно которой исполнение решения, вынесенного любым судом, должно рассматриваться как часть суда. Следовательно, во многих правовых системах субъективное право на исполнение решения суда выступает логическим продолжением права на судебную защиту [7; 20].

Исполнительное производство представляет собой установленный законом порядок принудительной реализации судебных актов и актов иных органов, имеющий своей целью обеспечение реальной защиты нарушенных или оспариваемых субъективных материальных прав или охраняемых законом интересов [17; 5]. Исполнительный процесс – это неотъемлемая часть цивилизованного общества, метод реализации судебных решений не только на территории Российской Федерации, но и во многих странах мира.

Российская Федерация и Финляндия – сопредельные государства, которые объединяют общая история, правовое взаимодействие, географическое положение (протяженность границы России с Финляндией составляет 1325,8 км). Существует много общего между нашими системами принудительного исполнения в части правового регулирования, процессуальных основ, правовых тенденций. Необходимо отме-

тить, что основные законодательные акты, регулирующие исполнительное производство, в обеих странах вступили в законную силу с 2008 года. В Российской Федерации это Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон), в Финляндии – Исполнительный кодекс – Enforcement Code (L705/2007).

В Российской Федерации, как и в Финляндии, действует государственная система принудительного исполнения [19; 211]. Также в обоих государствах существуют частные коллекторские бюро, но они осуществляют юридическое сопровождение принудительного исполнения.

В Финляндии коллекторские агентства наделены правом применять меры, направленные на достижение добровольного исполнения должником своих просроченных платежных обязательств. Взыскание задолженности может осуществляться как непосредственно кредитором, так и организацией, специализирующейся на взыскании задолженности. Согласно Закону «О разрешении на коллекторскую деятельность» под специализированной организацией понимается организация, уполномоченная заниматься коллекторской деятельностью и получившая в установленном порядке лицензию. Данный Закон позволяет четко определить границы между принудительным исполнением и добровольным исполнением с помощью специализированных организаций [15].

Сравнивая правовые системы исполнительного процесса, необходимо остановиться на концептуальных основах (принципах) ведения исполнительных производств в наших странах. Впервые Закон закрепляет в ст. 4 принципы исполнительного производства.

Формулирование принципов непосредственно в тексте закона полезно в двух аспектах, по-

скольким принципам, во-первых, направляют процесс правосудия, показывая направления и содержание возможного совершенствования исполнительного законодательства, и, во-вторых, обеспечивают правильное применение норм закона в судебной и в целом юридической практике [10; 24].

Enforcement Code также содержит принципы ведения исполнительных производств и осуществления должностным лицом службы судебных приставов своих полномочий (requirement – требования). Данные принципы не выделены в отдельную статью кодекса, а располагаются в Enforcement Code в зависимости от природы их правоприменения. Два принципа содержатся в Главе I «Общие положения» (1:19, 1:20) и регламентируют требования к поведению должностного лица службы судебных приставов, один принцип содержится в Главе 3 «Общие положения о процедуре», подраздел «Исполнительное производство» (3:21).

Требование целесообразности (Requirement of appropriateness, 1:19) закрепляет, что судебный пристав обязан действовать должным образом и беспристрастно. Исполнительные действия должны быть выполнены оперативно, эффективно и соответствующим образом без создания для ответчика или третьего лица больших неудобств, чем это требуется целью исполнения. Судебный пристав должен содействовать инициативе должника к примирению сторон. Этот принцип носит комплексный характер и вбирает в себя ряд требований, предъявляемых к поведению судебного пристава. В данной норме просматриваются черты таких принципов, как законность, своевременность, соотносимость.

В Российской Федерации Закон относит к основополагающим принципы законности; своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения; уважения чести и достоинства гражданина; принцип неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи; принцип соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения.

Проведем сравнительный анализ систем принципов исполнительного производства России и Финляндии, найдем общие черты и отличия.

Принцип законности предполагает осуществление судебным приставом-исполнителем всех исполнительных действий и мер принудительного исполнения в рамках действующего законодательства – законно. Именно соблюдение принципа законности ставится под сомнение при обжаловании действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя.

Недопущение нарушений прав и свобод, соблюдение законодательства Российской Федерации, правильность составления процессуальных

документов создают стабильную платформу для осуществления принудительного исполнения, помогают избежать волокиты при исполнении исполнительных документов. Соблюдение всех норм судебным приставом-исполнителем является залогом эффективного исполнительного производства [18]. Кроме того, принцип законности проявляется также в том, что участники исполнительного производства обязаны подчиняться закону и согласовывать свои поступки с действующим законодательством под страхом применения к ним штрафных и иных мер ответственности, содержащихся в санкциях норм исполнительного права.

Принцип своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения обязывает судебного пристава-исполнителя своевременно предпринимать меры, направленные на фактическое исполнение исполнительных документов, и тем самым способствовать повышению эффективности принудительного исполнения.

Как было отмечено выше, в Enforcement Code закреплен аналог принципа законности в более расширенной интерпретации.

Принцип уважения чести и достоинства в одинаковой степени распространяется на всех участников исполнительного производства. Судебный пристав-исполнитель обязан использовать предоставленные ему права в соответствии с законом и не допускать в своей деятельности ущемления прав и охраняемых законом интересов граждан. Особое звучание указанный принцип приобретает в аспекте правового положения должника. Ни в коей мере нельзя умалять достоинство личности должника, унижать его. Закон предусматривает возможность привода лица, уклоняющегося от явки по вызову судебного пристава-исполнителя, судебным приставом по обеспечению установленного порядка деятельности судов (далее – пристав по ОУПДС). Согласно абзацу 8 п. 1 ст. 11 ФЗ «О судебных приставах», к обязанностям судебного пристава по ОУПДС относится осуществление привода лиц, уклоняющихся от явки по вызову судебного пристава-исполнителя. Судебный пристав-исполнитель и пристав по ОУПДС должны соблюдать принцип уважения чести и достоинства гражданина. В Финляндии также «любое лицо, вызванное судебным исполнителем для предоставления информации по исполнительному производству, не явившееся на допрос и проигнорировавшее соответствующую повестку о явке, может быть принудительно доставлено органами полиции» [14].

Принцип неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи, «выступает процессуальной гарантией реализации социально-экономических прав этих лиц» [12].

Данная норма отражена в ст. 79 Закона, которая носит отсылочный характер к нормам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ). Таким образом, данный принцип корреспондирует с гражданским процессуальным законодательством. Ст. 446 ГПК РФ содержит полный (закрытый) перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание. «Определение того, относится ли конкретное имущество, принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности, к имуществу, на которое может быть обращено взыскание, или оно защищено имущественным (исполнительским) иммунитетом, осуществляется судебным приставом-исполнителем в процессе исполнения соответствующего решения по имеющимся в деле исполнительным документам, а в случае спора – судом» [5].

Принцип соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения ограничивает судебное приставо-исполнителя, делая исполнительное производство и применение мер принудительного исполнения целесообразным, соизмеримым, обоснованным.

В Enforcement Code также нашел закрепление такой принцип, как требование открытости (Requirement of openness, 1:20). Кодекс гарантирует открытый доступ сторонам исполнительного производства к информации и оказанию содействия.

Также Enforcement Code содержит принцип своевременности (Requirement for expediency, 3:21). Исполнительное производство и иные принудительные меры должны осуществляться без неоправданной задержки.

Принципы ведения исполнительного производства выступают теоретической концепцией реализации правомерного принудительного исполнения, закрепляют основу осуществления принудительного исполнения. Проведя сравнительный анализ систем принципов исполнительного производства России и Финляндии, следует отметить важность и необходимость данного теоретико-прикладного института. Принципы ведения исполнительного производства защищают права сторон исполнительного производства и обеспечивают законность в процессе принудительного исполнения.

ИСТОЧНИКИ

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Информационно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru
2. ФЗ «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Информационно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru
3. ФЗ «Об исполнительном производстве» от 21.07.1997 № 119-ФЗ // Информационно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru
4. ФЗ «О судебных приставах» от 21.07.1997 № 118-ФЗ // Информационно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2007 г. № 10-П по делу о проверке конституционности положения абз. 3 ч. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. В. Безменова и Н. В. Калабуна // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2008. № 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

6. Гражданское процессуальное право: Учебник / С. А. Алехина, В. В. Блажеева и др.; Под ред. М. С. Шакарян. М.: Проспект, 2004. 584 с.
7. Исполнительное производство в Российской Федерации и Финляндии: международное и национальное исполнение: Науч.-практ. пособие / В. Гуреев, П. Туунайнен; Пер. с фин. Л. Коломайнен. М.: РПА Минюста России, 2011. 216 с.
8. Исполнительное производство в Финляндии и России. Взгляды. Edita prima oy, 2004. 124 с.
9. Исполнительное производство: традиции и реформы: Пер. с англ. / Под ред. Р. Ван Рее. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 416 с.
10. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» / Под ред. В. В. Яркова. М.: Норма, 2009. 656 с.
11. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» / Под ред. Д. Х. Валеева. М.: Статут, 2011. 950 с.
12. М а л ю ш и н К. А. Принцип минимальных стандартов правовой защиты в исполнительном производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 2.
13. Настольная книга судебного пристава-исполнителя: Учеб.-практ. пособие / Под ред. В. А. Гуреева. М.: Статут, 2011. 888 с.
14. П р о ш к и н К. Н., М о г и л ё в а И. Ю. Организация розыска и реализации имущества должников в Финляндской Республике // Исполнительное право. 2010. № 2.
15. С а з а н о в С. В., М о г и л ё в а И. Ю. Организация структуры органов принудительного исполнения Финляндской Республики // Юридический мир. 2010. № 5.
16. Сборник материалов научно-практической конференции «Эффективность принудительного исполнения и актов иных органов». г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 8–11 июня 2011 г. / Отв. ред. А. О. Парфенчиков, Д. Х. Валеев. М.: Статут, 2011. 430 с.
17. Т р е у ш н и к о в М. К. Гражданский процесс: Учебник. М.: Городец, 2007. 672 с.
18. Т у м а н о в Р. В., С у х а н о в а Т. П. К вопросу о повышении эффективности исполнительного производства в Российской Федерации // Вестник Карельского филиала СЗАГС в г. Петрозаводске: Сборник научных статей. Петрозаводск, 2010. 215 с.
19. E r v o L. Civil justice in Finland. Tokyo: Jigakusha, 2009.

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ КИЛИН

доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета, директор Института Североевропейских исследований, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

kilinyuri@mail.ru

Рец. на кн.: Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 400 с.*

Историография ранней истории советской Карелии пополнилась в 2011 году монографией британского историка Н. Барона, опубликованной московским издательством «Российская политическая энциклопедия», – «Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939». В ее основе – докторская диссертация (PhD), защищенная автором в университете г. Бирмингем в 2001 году под названием «Soviet Karelia, 1920–1937. A study of Space and Power in Stalinist Russia». В 2007 году она была опубликована как монография – «Soviet Karelia. Politics, Planning and Terror in Stalin's Russia, 1920–1939» в Лондоне и Нью-Йорке. Такое название книги в западных странах автоматически обеспечивает грантовскую поддержку авторов словами «Сталин» и «террор». Для издания на русском языке было выбрано более спокойное название, в котором отсутствуют оба этих отрывающих кошельки грантодателей слова.

Н. Барон вступил на данное исследовательское поле в конце 1990-х годов, как раз в момент, когда завершалась работа над несколькими крупными исследованиями по этой тематике. В 1999 году в издательстве ПетрГУ издали монографию «Карелия в политике советского государства 1920–1941» автора этой рецензии. В 2000 году было опубликовано исследование политической истории советской Карелии, 400-страничная большого формата докторская диссертация М. Кангаспуру, нынешнего директора по исследованиям Александровского института университета Хельсинки, «Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta» («Борьба советской Карелии за самоуправление»). В 2002 году появилась такая же объема докторская диссертация С. Аутио «Suunnitelmatalous Neuvosto-Karjalassa 1928–1941» («Плановая экономика в советской Карелии 1928–1941»). Все эти работы были фундированы материалами центральных архивов России и Финляндии, архивов Республики Карелия и всей доступной современной тогда исследовательской литературой на русском, английском и финском языках.

Работая над своей докторской диссертацией и монографией, Н. Барон вполне мог бы использовать в необходимой мере уже известные науч-

ные результаты, и не только упомянутых авторов, что еще недавно было принято в научном сообществе. Этому помешали два обстоятельства – незнание финского языка и нежелание цитировать уже опубликованные работы. Это сыграло с ним злую шутку. Заметим, что знание существует не только на тех языках, которыми владеет конкретный автор. Еще относительно недавно, до появления постпозитивизма, это было понятной всем аксиомой. Произнеся приличествующие случаю благодарности в адрес всех российских и зарубежных исследователей, с которыми Н. Барон познакомился в России, он старательно избегает цитировать их работы, сделав это один-два раза, или делает это со значительными искажениями. Сноски книги почти на 90 % состоят из отсылок к архивным делам пяти центральных архивов РФ (ГА РФ, РГАЭ, РГАСПИ, АВП РФ), нынешнего Национального архива Республики Карелия и архива УФСБ по Республике Карелия. Большинство этих архивных дел были до Н. Барона процитированы другими исследователями. Автор этого старательно не замечает, предпочитая самоцитирование.

Такой подход, характерный для современного постпозитивизма («каждый, кто умеет писать, пишет свою историю»), неизбежно привел к известному феномену второго и третьего изобретения велосипеда. На 358 страницах основного текста автор занимается открытием открытых до него дверей. Концептуально он не вносит ничего нового в освещаемую им тему.

Впрочем, кажется, это понятно и ему самому. В качестве метода исследования Н. Барон использует «пространственную историю» французского философа А. Лефевра, применить которую к истории советской Карелии он и обещает (с. 17–18). Впрочем, автор честно предупреждает, что это перспективное направление историографии не «характеризуется единой концептуальной структурой или методологическим аппаратом» (с. 19). И он прав – ни концепции, ни методологии в книге нет, а его собственный парадигмальный дискурс на поверку оказывается старой доброй политической и экономической географией, с тщательным исследованием проблем «центр – периферия» и гораздо ме-

нее тщательным – государственной границы, тем, известных еще историкам Древнего Рима. В итоге мы имеем дело с обильной, квантитивно излишней, но своими масштабами вызывающей почтение классической позитивистской фактографией. На страницах «Власти и пространства» господствует его величество «Факт», в основном мелкого достоинства. Качество, особенно достоверность этого факта, в первых трех главах монографии, как будет показано, весьма низкое.

Ситуацию ухудшает хотя и авторизованный, но крайне некачественный перевод, который искажает и даже окарικатурирует исходный текст, на страницах которого живут своей жизнью «ингрийцы» (ингерманландцы), национальная республиканская армия Карелии (имеется в виду Карельский егерский батальон) и город Выьпури (Виипури, Выборг), а также ряд других горгулий. Редакторы вежливо поправляют автора лишь в сюжетах, известных им самим, в основном в искаженных названиях советских органов власти и датах.

Первые три главы буквально пестрят нелепостями и фактическими ошибками. Кажется даже, что последние три главы книги писал другой человек. Не все они объясняются некачественным переводом. Введение начинается с утверждения, что «летом 1915 г. Генеральный штаб Российской Империи (так! – Ю. К.) начал работу по расширению... железной дороги... до Мурманска» (с. 15). На самом деле дорогу строило обычное гражданское Управление по строительству Мурманской железной дороги Министерства путей сообщения Российской империи.

Н. Барон, преподаватель истории и исторической географии (!) Ноттингемского университета, уверен, что Карелия и Кольский полуостров находятся в «зоне вечной мерзлоты» (с. 16). Хорошо, что это неправда. Профессионально занимающийся картографией автор сообщает на радость современной финской организации ProKarelia, требующей пересмотра границ Московского мирного договора 1940 года, что граница Столбовского мирного договора (он ошибочно называет его Нотебергским, с. 26, пятая строка сверху) прошла по линии современной границы Финляндии. (До 13 марта 1940 года эта граница действительно в основном совпадала с границей 27 февраля 1617 года) Увеличив в два раза, до 70, количество монастырей в Карелии (с. 25), автор сообщает еще сохраняющему оптимизм пытливому читателю, что после Столбовского договора «финны, поселившиеся на аннексированных шведами территориях, заставляли православных карелов принимать лютеранство и облагали их тяжелыми феодальными налогами» (с. 26). Финны, может быть, и мечтали об этом, но они сами находились под тяжелым гнетом западных цивилизаторов – шведских феодалов. Вообще список фактических ошибок

Н. Барона вместе с комментариями к ним может составить самостоятельную небольшую книгу. Это беда всех авторов, не знающих исследовательскую литературу по своей теме.

Поражает скудость списка литературы, особенно общих работ российских авторов по темам планового хозяйства, военной безопасности, политических репрессий, проблеме «центр – периферия», политического развития в других автономных республиках и областях РСФСР и СССР. Это обусловило полное или почти полное отсутствие контекстов – регионального, союзного, европейского, международного. История советской Карелии рассматривается изолированно. Более того, в книге фактически ничего не говорится о приграничной ее части, расположенной к западу от Мурманской железной дороги. Внимание автора концентрируется преимущественно на территориях вдоль этой дороги, в зоне влияния УСЛОНа и его преемника ГУЛАГа. Это и понятно. Автор книги, написанной в стилистике обличающей «перестроечной» литературы России конца 1980-х годов, не скрывает своего отвращения к Сталину, ведь «главная тема этой работы – сталинский режим», а «сталинизм был не моделью эффективной модернизации, а патологией современности» (с. 17). Мертвого льва не страшно дергать за хвост.

Книга плохо структурирована, она изобилует повторами, из-за слабой внутренней дисциплины текста автор во многих местах сам себе противоречит. Сначала Н. Барон информирует нас о том, что в «последующие годы Гюллинг, руководствуясь принципом экономического притяжения, присоединил к Карелии отдаленные руссконаселенные районы» (в сносках поясняется, что это Пудожский уезд) (с. 71). Забыв об этом утверждении через восемь страниц, автор сообщает, что «Гюллинг также предложил исключить Пудожский уезд (передан КТК в сентябре 1922 г. против желания Гюллинга)» (с. 79).

Смело заявив, что «центр стремился к созданию» в СССР «унитарного государства» (это открытие, или что тогда вообще означает термин «унитарный»? Возможно, автор перепутал СССР с нацистской Германией, ликвидировавшей в 1933 году свои исторические земли?), автор приходит к очевидному при таком допущении выводу о том, что «московские политики... подавляли старые культурные традиции и заменяли их гибридными мутациями, запрещали живые языки и стремились придумать новые алфавиты из различных диалектов и литературу из традиций устного народного творчества». Все это в итоге и привело «к разрушению советской системы» (с. 17). Эта концептуальная гиперисторическая парадигма генерирована самим Н. Бароном. Высказавшись столь концептуально уже во Введении, автор потерял интерес к национальной политике СССР на окраинах и в пространном

тексте книги этот сюжет почти не представлен, да на это у него нет и времени. Ведь есть другие, не менее важные темы.

Одной из них, как и было обещано во Введении, является государственная граница, о которой читатель узнает, что «к концу 1920-х гг. карельская граница имела закрытый, интровертивный и постоянный характер» (с. 61), а власть стремилась «установить полную изоляцию от внешнего мира» (с. 21, 361). Правда, Н. Барон так и не объяснил читателю, как была организована пограничная охрана автономной республики, в каком режиме функционировали приграничные территории, как велась внешняя торговля, упомянув лишь, что «к марту 1927 г. три пограничных отделения насчитывали 1805 бойцов и 520 лошадей» и подразделялись «на 62 отряда» (с. 57). Об организационной структуре погранвойск (отряд – комендатура – погранзастава) автор не знает. Впрочем, как и о структурировании погранзоны на 2, 5, 22, 40 и 100-километровые полосы, каждая из которых характеризовалась своим собственным режимом, сохраняющимся в общих чертах и до настоящего времени. Автор, правда, в нескольких местах упоминает о последних трех полосах, но в другом контексте.

Не все плохо в этой книге, вторая ее часть, последние три главы, представляет собой определенную эмпирическую ценность, факты здесь изменяют свой масштаб и становятся частью более осмысленного и достоверного знания. Одним из центральных сюжетов монографии является экономическое планирование в советской Карелии – один из немногих сюжетов, не считая тщательно выписанной истории УСЛОНА и ГУ-ЛАГа (шестая, последняя, глава книги – ее наиболее фактологически ценная часть), в которой автор тщательно детализирует концептуально известную и до него тему отношений в четырех-

угольнике Ленинград – РСФСР – СССР – автономная Карелия. Скрупулезно рассмотрены темы особых экономических прав АКССР и формирования ее бюджета в ходе борьбы указанных выше центров власти, между которыми Карелия Э. Гюллинга до лета 1935 года успешно маневрировала.

Тема экономического планирования, возможно, была бы раскрыта еще основательнее, если бы Н. Барон знал о существовании со второй половины 1920-х годов во всех союзных и автономных республиках суженных заседаний СНК (орган власти, в который входил узкий круг гражданских и военных должностных лиц) и сектора обороны Госплана СССР. Эти структуры играли определяющую роль в планировании в приграничной зоне СССР от Мурманска до Одессы, в так называемой «особо угрожаемой зоне».

Не будем пристрастными к Н. Барону, памятуя о том, что докторские диссертации в современных западных странах, очень разные по своему уровню, фактически играют роль научно-квалификационных работ. У находящихся в постоянном цейтноте диссертантов мало времени для доводки своих рукописей до ума, а существующие в комплиментарном политкорректном мире диссертационные советы и оппоненты нетребовательны к начинающим ученым. Не будем забывать и о социальном заказе, он существовал не только в СССР и не только среди историков КПСС. Выскажем автору благодарность за колоссальный по объему эмпирический материал, который он собрал между передней и задней обложками своей книги. Увидим и положительную сторону фактографического подхода – гигантский компендиум, сборник первоклассных документов, прежде всего писем, авторами которых выступали в том числе и некоторые первые лица СССР.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

29 октября 2012 года исполнилось 80 лет доктору исторических наук, профессору кафедры истории стран Северной Европы исторического факультета Петрозаводского государственного университета *Льву Вальтеровичу Суни*.

ЛЕВ ВАЛЬТЕРОВИЧ СУНИ К 80-летию со дня рождения

Л. В. Суни родился в деревне Тярлево Ленинградской области.

По окончании в 1956 году историко-филологического факультета Карело-Финского государственного университета, затем аспирантуры Тартуского университета Лев Вальтерович работал в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Он одним из первых в отечественной исторической науке приступил к изучению широкого комплекса проблем российско-финляндских отношений XIX столетия и связанных с ними общественно-политических процессов в Финляндии периода автономии. Этим проблемам были посвящены его кандидатская (1963) и докторская (1982) диссертации.

На всех этапах жизни профессиональная деятельность Л. В. Суни была связана с Петрозаводским университетом. Под его руководством на историческом факультете сложилась и продолжает развиваться научная школа по изучению истории стран Северной Европы. В 1992 году открыли специализацию по истории стран Северной Европы, тогда же появилась и Лаборатория по проблемам Скандинавских стран и Финляндии, а в 2003 году была образована кафедра истории стран Северной Европы. В 2012 году открыт междисциплинарный научно-образовательный центр FENNICA, призванный объединить усилия специалистов в области изучения и преподавания истории, языка, литературы и культуры Североевропейского региона.

Львом Вальтеровичем опубликовано 4 монографии, более 130 статей в отечественных и зарубежных изданиях. Сейчас он завершает работу над монографией по истории Финляндии XIX века. Признанием высокого научного уровня его работ являются публикации в энциклопедиях. Под руководством Л. В. Суни успешно защищены несколько диссертаций, он являлся научным консультантом нескольких докторантов из зарубежных университетов.

Среди многочисленных титулов и регалий заслуженного деятеля науки КАССР Л. В. Суни – членство в Финском историческом обществе, Обществе финской литературы и Калевальском обществе, он награжден орденом Дружбы и рыцарским орденом Лев Финляндии I степени.

От всей души поздравляем Льва Вальтеровича с юбилеем, желаем ему здоровья, активной научной работы и учеников-единомышленников!

CONTENTS

HISTORY

International scientific conference «A Person in History: Heroic and Ordinary»

Barishnikov V. N., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

END OF WORLD WAR II CONCEPTS ON FINISH EMIGREE GOVERNMENT FORMATION

Summary: Different concepts concerning Finish emigree government formation at the end of the Second World War are considered. Based on the Finish, Russian, and German sources the author studies a problem of alternative to official Finish leadership “new governments” in 1942–1944. It is stressed that the countries of the anti-Hitler coalition (USA, USSR) were not particularly interested in the formation of the Finish government-in-exile. The initiative of such establishment mostly belonged to the political elite of Finland. Germany, on the other hand, being interested in polarization of the country, pressed not as much for a new government but for the toppling of the exciting regime by means of the coup d'état carried out by the fascism supporting group. The Germans were interested in the establishment of the Nazi dictatorship on the territory of Finland.

Key words: World War II, the history of Finland, Nazi Germany.7

Senyavskiy A. S., Institute of Russian History of RAS (Moscow, Russian Federation)

ROLE OF IDEOLOGY AND PROPAGANDA IN MASSIVE HEROISM OF SOVIET PEOPLE DURING GREAT PATRIOTIC WAR

Summary: The role of Soviet ideology and propoganda in the phenomenon of massive heroism among Soviet people during Great Patriotic War is analyzed.

Key words: Ideology, propoganda, Soviet people, massive heroism14

Verigin S. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

P. A. SUDOPLATOV AND KARELIA DURING GREAT PATRIOTIC WAR

Summary: Relationships between the head of the 4th NKVD Department of the USSR P.A. Sudoplatov and the 4th NKVD Department of Karelo-Finish Soviet Socialist Republic during the time of Great Patriotic War are analyzed. The analysis is prepared based on the wide variety of archival sources coming from the Central Karelian Archive and archives of particular agencies. Many of the archival documents were introduced into the scientific circulation for the first time.

Key words: P. A. Sudoplatov, Great Patriotic War, Karelia, the 4th NKVD Department of the USSR, the 4th NKVD Department of the KFSSR.19

Pashkov A. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

IN ANIMALS' SHOOTING TRAINED. . .»: MOBILIZATION OF MINING PEASANTS FROM OLONETS PROVINCE INTO IRREGULARS IN 1812

Summary: The article is based on the information contained in the archive manuscripts and describes a recruitment process of 126 riflemen from among mining peasants residing in Petrozavodsk district of Olonets Province. The recruitment was carried out for the battle against Napoleon's army in 1812. The main attention is paid to the enlistment management executed by the local authorities and their attitude toward peasants' enrollment into irregulars.

Key words: Patriotic War of 1812, Olonets Province (gubernija), mining peasants, Olonets riflemen, irregulars25

Mel'nik A. G., State Memorial Estate “Rostov Kremlin” (Rostov, Russian Federation)

SOLOVETSKY MONASTERY: CENTER OF VENERATION OF RUSSIAN SAINTS IN XV–XVI CENTURIES

Summary: A history of veneration of the Russian Saints in Solovetsky Monastery from the middle of the XVth to the XVIth centuries with the exception of local ascetics Zosima and Savvatiy was studied. It was revealed that there was a considerable gap between a great number of Saints venerated there formally and a small group of ascetics considered by the monastic community their real protectors.

Key words: XVth and XVIth centuries, Solovetsky Monastery, veneration of Saints.29

Nikonov S. A., Murmansk State Humanities University (Murmansk, Russian Federation)

INDUSTRIAL GUILDS OF MURMANSK FISHERIES SET UP BY NIKOLO-KORELSKY MONASTERY IN XVII–XVIII CENTURIES

Summary: The article deals with the problem of the workmen's cooperative associations' development in Murmansk fisheries of Nikolo-Korelsky monastery. The monastery set up workmen's associations from among patrimonial peasants of the monastery and hired workers – peasants of the Dvinskiy district. Monastery's labor relations with the workmen's associations were ruled by contracts (in a written form) and by traditional mechanisms of the fishery organization.

Key words: Nikolo-Korelsky monastery, Murmansk shore, fishermen's association, encampment, workmen's association33

Stogov D. I. Saint Petersburg State Electrotechnical University (Saint Petersburg, Russian Federation)

DYNAMICS OF NUMERICAL STRENGTH IN RUSSIAN RIGHT-WING MONARCHIAL ORGANIZATIONS DURING FIRST WORLD WAR

Summary: Dynamics of numerical strength in the right-wing monarchial organizations in Russia during the First World War are examined. The author concludes that numerical strength of the right-wing monarchial organizations steadily decreased during the period of the First World War. A decline in numerical strength was caused by the departure of the most active monarchists to the front, internal discord and contention in the organization, inability to offer a constructive model of renewed Russia.

Key words: Right-wing monarchial organizations, the First World War, numerical strength, Russian Community, All-Russian Dubrovinskiy Union of the Russian Folk, Union of the Russian Folks («Obnovlencheskiy»), Russian Folk Union named after Michael Archangel, Domestic Patriotic Union.39

PEDAGOGICS

Grushkova L., Institute of Technology and Business (Ceske Budejovice, Czech Republic)

INFLUENCE OF GENDER CHARACTERISTIC FEATURES ON FOREIGN LANGUAGE LEARNING AND ACQUISITION

Summary: The paper is concerned with some gender issues emerging at the initial stages of language learning and acquisition. Gender problems are defined and studied from the standpoint of different teaching strategies.

Key words: Teaching strategies, comparison, gender issues 43

Pavlova N. P., Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation)

Tselikova E. V., Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation)

TV COMMERCIALS AND CHILDREN

Summary: The article is concerned with the research results regarding perception of TV commercials by the children of pre-school age. The influence of TV commercials on consumer preferences, interaction, and play behavior are studied (results of the opinion survey of the parents and kindergarten teachers are included).

Key words: Phenomenon of advertising, visual row, the influence of TV commercials on children, intrusive commercials 46

POLITICAL SCIENCE

Kerimov A. A., Ural Federal University named after Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation)

EVOLUTION OF PARLIAMENTARISM: HISTORICAL FORMS AND UNIVERSAL CHARACTERISTICS

Summary: The article is concerned with the study and definition of historical forms of the institute of parliamentarism. New periodization of parliamentarism evolution is proposed by the author. Particular attention is paid to the identification of parliamentarism universal features at different historical stages of its development.

Key words: Parliamentarism, protoparliamentarism, estate representative parliamentarism, bourgeois parliamentarism 50

PHILOLOGY**International scientific conference “August Strindberg – Predecessor of Modernism” – in the frames of the project “A Year of August Strindberg in Sweden”**

Abramova O. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**STRINDBERG’S “FIRE OF THE HEART” AND MAYAKOVSKY’S “HEART’S ON FIRE”:
COMPARATIVE RESEARCH**

Summary: The article presents an experience of comparative typological analysis of the metaphor of “burning”, its semantics and functions in the imaginative structure of Strindberg’s “Love’s Sickness” and Mayakovsky’s “A Cloud in Trousers”. The purpose was to identify the authors’ imaginative models and general logic of the form and content evolution in modernism poetry.

Key words: Strindberg, Mayakovsky, “Love’s Sickness”, “A Cloud in Trousers”, metaphor of burning, modernism 53

Vasil’yeva S. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

EXISTENTIAL VALUES IN M. SCHELER AND I. A. STRINDBERG’S ART

Summary: Connections between Max Scheler’s axiology and artistic intentions of August Strindberg are considered in the article. Phenomenological consideration of the artist’s pursuits in Strindberg’s play “On the way to Damascus” exposes the main lines of controversial thinking observed in the art of the Swedish author and German axiologist, parallels and constants in their perception of the value content of personality. A person in the works of both thinkers is characterized by the existential contradiction between intelligible and emotive part of the personality.

Key words: Values, existentia, polycentrism, search for self-identity 56

Sharapenkova N. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

“CONSCIOUSNESS DRAMA” OF AUGUST STRINDBERG AND “BRAIN-PLAY” OF ANDREY BELYJ. ON PROBLEM OF TYPOLOGICAL CONNECTIONS

Summary: The article is concerned with typological connections of the problems and poetics in A. Strindberg’s plays and A. Bely’s novel “Petersburg”. Two sense bearing points are revealed in the article: A God-seeking issue as the main problem field of the play “On the Way to Damascus”, which is represented in the character’s consciousness, and a “brain-play” issue of Andrey Bely as a realization of the game of consciousness and genre potential of the modernist novel.

Key words: Brain-play, consciousness, Petersburg, “On the Way to Damascus” 60

Ljunggren M., University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden)

RUSSIAN SYMBOLIST AND STRINDBERG

Summary: The article deals with the unknown biographical facts of A. Blok and V. Piast – an interpreter, writer and journalist. Invocation to prosaic works of the Swedish dramatist August Strindberg became an important factor of spiritual closeness between a poet and a writer. V. Piast’s trip to Stockholm initiated by A. Blok in 1912 is described. Similar motives inherent to the works of the Russian poet-symbolist and Swedish dramatist are identified.

Key words: Russian and Swedish literary connections, Strindberg, solitude. 63

Danilova I. L., University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden)

AUGUST STRINDBERG – FOUNDER OF “INTIMATE THEATRE”. CONCEPT OF “INTIMATE THEATRE AND ITS VALUE FOR SWEDISH THEATRE

Summary: A concept of the “Intimate theatre” and its concurrent development in the course of creative evolution of the Swedish play writer are presented.

Key words: Intimate theater, intellectual drama, Swedish drama of the XXth century 66

International conference “Russian Studies at the Beginning of the Third Century: Problems, Research Results, and Perspectives”

Patroeva N. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

EXISTENTIAL INTRODUCTIONS IN RUSSIAN POETRY OF XVII–XX CENTURIES: EXPERIENCE OF GRAMMATICAL AND FUNCTIONAL-SEMANTIC DESCRIPTION

Summary: An experience of structural, semantic, functional, and compositional description of existential introductions containing the predicate “IS/ARE” is presented in the article. The author reveals growing dynamics in the use of existential initial statements. The increase in the use of existential introductions was observed starting from the middle of the XIXth century up to the beginning of the XXth century. Active employment of some noun groups – nominations of existential subjects, localizers, and quasi-localizers was also noted.

Key words: Poetic introduction, existential sentence 68

Dundukova A. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PLANTS AND ANIMALS’ NAMES AS TROPE ELEMENTS OF FOLKLORE TEXT (On the example of “Onego Traditional Heroic Epics” by A. F. Guilferding)

Summary: The paper is focused on phytonyms, zoonyms, and functions they fulfill in creating tropes and figures of speech in «Onego Traditional Heroic Epics» collected by A. F. Guilferding. This analysis demonstrates that, on the one hand, the names of animals and plants reflect ancient mythological concepts of the Slavs, and, on the other hand, they partake in the formation of a new poetic system, which for the most part relates to the anthropocentric world of Russian epic.

Key words: Language of the folklore, Russian Traditional Heroic Epics, semantics, metaphor, simile, parallelism, antithesis, hyperbole 73

Inoue Yukiyoishi, Jochi (Sophia) University (Tokyo, Japan)

VERB ASPECTS AND TEMPORAL PREPOSITIONS «B» AND «HA»

Summary: The features of actions expressed by perfect and imperfect verbs are compared with the meanings of temporal prepositions «B» and «HA». Analysis of the perfect verbs’ meaning and of the temporal preposition «B» revealed common features of «limitation» and «closeness», but the meaning of imperfect verbs and of the preposition «HA» can be characterized by the absence of such implication.

Key words: Verb aspects, temporal prepositions «B» and «HA», closed and half-closed action and time 76

Lönnngren T. P., University of Tromsø (Tromsø, Norway)

LITERARY LEGACY OF NIL SORSKY: HIS COLLECTION

Summary: Nil Sorsky’s Collection contains life histories of the well-known Saints of the Ancient East. When rewriting their lives, Nil made use not only of older Slavic texts, but also of his own experiences acquired during his pilgrimage to the Holy East. Nil’s editorial method is based on the insightful relation to the text sources and on the endeavor to create a text, which was understandable for his contemporaries.

Key words: Nil Sorsky, Collection, method, life, replacement, text 79

Kuznetsova I. V., Chuvash State Pedagogical University (Cheboksary, Russian Federation)

ADAM AND EVE IN SLAVONIC SIMILES AND METAPHORS

Summary: The article deals with dynamics and functions of Slavonic set comparisons comprising referrals to biblical characters of Adam and Eve. A few examples containing etymological commentaries are provided.

Key words: Phraseology, Slavonic set comparisons, functions, dynamic processes, Adam, Eve, etymology 83

Kundozerova M. V., Karelian Research Center of RAS (Petrozavodsk, Russian Federation)

BIG OAK: UNIVERSAL TREE IN KARELIAN EPIC RUNE SONGS

Summary: The paper focuses on the study of the sources that have given rise to the image of the big oak tree. The big oak symbolizes a universal tree described in Karelian epic rune songs.

Key words: Karelian Epic Poems, a big oak, the origin of the universal tree 88

PHILOSOPHY

Masliyeva O. V., Saint Petersburg Academic University (Saint Petersburg, Russian Federation)

Nazirov A. E., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

METHODOLOGICAL ANALYSIS OF LINGUISTIC ORGANIZATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Summary: The influence of linguistic organization of scientific knowledge on its functions and development is examined. A hypothesis of linguistic relativity and its role in the study of scientific language is analyzed. The research traces the influence of the language on theoretical concepts’ development. The heuristic role of the cognitive and communicative aspects of the language both in construction and methodological forecast of scientific knowledge development is revealed.

Key words: Language, science, linguistic relativity, cogitology, understanding, reflection, scientific terminology 91

ECONOMICS

Popov E. V., Ural Division of RAS (Yekaterinburg, Russian Federation)

TRANSACTIONAL VIEW ON EVOLUTION OF ECONOMIC INSTITUTIONS

Summary: Achievements of institutional economic theory are studied. Evolution features of economic institutions and their life cycle at micro level are considered. A concept of transactional function is formulated and applied to the analysis of publication activity and mobility in the academic sphere.

Key words: Institutional economics, evolution of institutions, life cycle of institution, transaction function 95

<i>Dement'yev V. E.</i> , Central Economics and Mathematics Institute RAS (Moscow, Russian Federation)	
LONG WAVES IN ECONOMY AND STRUCTURE OF CORPORATE SYSTEM	
<i>Summary:</i> Evolution of the corporate system structure is considered in the context of long waves of economic development. The analysis deals with specific properties of business of different size, which in turn defines its comparative advantages on separate phases of the long wave. The attention is focused on the resource potential of the big business, which promotes accelerated transition of economy to new technological base.	
<i>Key words:</i> Long waves, sizes of firms, technological revolution	100
<i>Kadnikova T. G.</i> , Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)	
SOME ASPECTS OF LABOR FORCE REHABILITATION IN MARKET ECONOMY	
<i>Summary:</i> The problem of labor force rehabilitation is considered based on the theory of the human capital. The author identifies the main investment venues set up to secure labor force rehabilitation and analyzes dynamics of the income level of the able-bodied population residing in Karelia.	
<i>Key words:</i> Labor rehabilitation, production factors, invested capital, profitability of the human capital	105
<i>Martyukova E. G.</i> , Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)	
OPPORTUNISM IN RUSSIAN BANKING SECTOR: CAUSES AND CONSEQUENCES	
<i>Summary:</i> The paper deals with institutional characteristics of the Russian banking system, which stimulates opportunistic behavior of economic agents. It brings up an issue of necessary changes in the ownership structure, in control, and management with the purpose to decrease the costs caused by the opportunistic behavior of the economic agents.	
<i>Key words:</i> Opportunism, institutions, government banks, "entrenchment", triangle "property-control-management".	110
LEGAL STUDIES	
<i>Chernov S. N.</i> , Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)	
<i>Peretyatko I. V.</i> , Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)	
DEVELOPMENT PROSPECTS OF JURAL RELATIONS UNDER ADMINISTRATIVE LAW ON MIGRATION IN RUSSIAN FEDERATION	
<i>Summary:</i> An important element of the national migration policy of the Russian Federation is a provision of the necessary conditions facilitative in adaptation and integration of migrants, protection of their rights and freedoms, insurance of social protection.	
<i>Key words:</i> Dispersal movements, migration policy, labor migrants, migration regime, problems of interethnic relations, immigration policy, legitimization, naturalization policy	114
<i>Sukhanova T. P.</i> , Russian Federal Bailiff Service of the Republic of Karelia, Northern branch of the Russian Law Academy Under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Petrozavodsk, Russian Federation)	
CONCEPTUAL BASES OF LAW ENFORCEMENT PROCEDURE IN RUSSIA AND IN FINLAND	
<i>Summary:</i> This article is concerned with the basic maxims of law enforcement in Russia and Finland. At present, the law enforcement systems of both countries have a lot in common. Conceptual basics and perspectives contributory to the continuity of the positive experience gained by the foreign colleagues are studied	
<i>Key words:</i> Enforcement, maxims of enforcement, enforcement organization.	118
REVIEWS	
<i>Kilin Yu. M.</i> , Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)	
<i>The book review:</i> Baron N. Power and Political Space. Autonomous Karelia in Soviet State, 1920–1939	121
JUBILATION	
To the 80th anniversary of L. V. Suni.	124